

Содержание

Предисловие	5
1. Субъективный и объективный взгляд на вещи в зеркале шведского языка // Шведы. Сущность и метаморфозы идентичности. РГГУ. М., 2008. С. 268–293	8
2. Функционально-семантические аспекты вариативности в современном шведском языке // Динамические процессы в германских языках. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Вып. 4. Институт языкознания РАН. М., 2012. С. 113–119.....	32
3. Семантический потенциал категории рода в современном шведском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 6. С. 47–68	38
4. Судьба и статус имен лица в современном шведском языке и обществе // Скандинавские чтения — 2010. Этнографические аспекты. Институт этнографии РАН. С.-Петербург, 2012. С. 584–596.....	58
5. Особенности функционирования и системный статус шведских местоимений как отражение динамики синхронии // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения. Вторые чтения памяти О.Н. Селиверстовой. МПГУ. М., 2006. С. 282–291.....	69
6. Норма и вариативность употребления местоимения <i>sin</i> в современном шведском языке. // Скандинавская филология. Вып. 9. К 70-летию со дня рождения Б.С. Жарова. Филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С.-Петербург, 2007. С. 242–256.....	78
7. Прагматические функции артиклей и местоимений в современном шведском языке // Скандинавская филология. Вып. 11. Изд-во Санкт-Петербургского университета. 2011. С. 148–159.....	92
8. Аналитическая видовая конструкция в современном шведском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2014. № 6. С. 48–65.....	100
9. Типология глаголов с возвратными показателями в скандинавских и русском языках // От языковых фактов к построению теории. Сборник научных трудов к 70-летию профессора А.Л. Зеленецкого. Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского — Институт языкознания РАН. Калуга, 2013. С. 224–253.....	116

10. Субъективная и объективная интерпретация событий в скандинавских языках и вид русского глагола // Типология вида / аспекта. Проблемы, поиски, решения. Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского. Международный комитет славистов. Комиссия по аспектологии. Симферополь, 2014. С. 183–199	144
11. Предельность / неопределенность и грамматические средства выражения аспектуальности в языке с категорией вида и без неё (на материале русского и шведского языков) // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст / Под ред. Р. Бенакьо (Die Welt der Slawen. Sammelbände. — Сборники 56). München: Otto Sagner, 2014. С. 159–175.....	155
12. Язык оригинала и язык перевода в аспекте контрастивно-сопоставительного анализа (на материале шведского и русского языков) // Профили языка. Социолингвистика и национальное варьирование, переводоведение и контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера. Институт языкознания РАН. М., 2015. С. 366–379.....	173
Библиография	184
Литература на русском языке	184
Литература на иностранных языках	189
Словари	193

Предисловие

В предлагаемый читателю сборник включены публикации последних лет, в которых рассматриваются функционально-семантические особенности грамматических форм и конструкций знаменательных частей речи в современном шведском языке. Как показывают эти исследования, проведенные на различном языковом материале, в области «активной» грамматики наблюдается вариативность в выборе языковых средств, которая неизбежно сопровождается семантической дифференциацией.

Одной из важных функций вариативности не только в лексике, но в грамматике является выражение прагматических коннотаций, обусловленных установкой субъекта речи, в тех пределах, которые допускаются системным устройством и нормой шведского языка. Одним из прагматических факторов, основанных на вариативности употребления близких по значению грамматических форм и конструкций, является возможность интерпретации содержания высказывания как актуального и концептуально близкого субъекту речи или, напротив, концептуально дистанцированного и представленного в объективированном виде. В открывающей сборник статье, которая во многом носит программный характер, такое различие в выражении установки говорящего называется субъективным и объективным взглядом на вещи. Обусловленные этим прагматические особенности наблюдаются, в частности, в тех случаях, когда для выражения близких, но не тождественных значений в шведском языке используются синтетические и аналитические средства. Так, прагматические различия между субъективным и объективным взглядом на вещи выявляются при употреблении способов выражения будущего, поскольку в грамматической системе шведского языка не сложилась «полноценная» унифицированная форма футурума. Субъекту речи поэтому всякий раз представляется возможность выбора из имеющихся в его распоряжении грамматических средств — формы презенса (обычно при поддержке футурального контекста) или одной из двух перифрастических конструкций с различной степенью грамматизации и различной интерпретацией будущих событий. Вариативность такого рода наблюдается и при употреблении синтетической формы пассива на *-s* с агглютинативным показателем или аналитической залоговой конструкции с глаголом становления *bli* и причастием 2. Существенно различающиеся грамматической категориальной семантикой формы синтетического претерита и аналитического перфекта при их употреблении в идентичных контекстах также могут использоваться в шведском языке для выражения различной прагматической интерпретации прошлого субъектом речи.

Аналогичные прагматические различия в выражении установки говорящего выявляются и при вариативном употреблении некоторых грам-

матических форм и разрядов именных частей речи — определенной или неопределенной форм существительного при обобщенной референции, а также указательных и притяжательных местоимений. Прагматические коннотации подобного рода наблюдаются в шведском языке также при вариативности различных словообразовательных моделей производных от прилагательных наречий с модальной семантикой.

Семантическая дифференциация может проявляться и при функционировании морфологических вариантов одной и той же грамматической формы, возникших в процессе изменений словоизменительной парадигматики. Так, сохраняющаяся у некоторых глаголов вариативность при образовании форм претерита и супина по сильному и слабому спряжению сопровождается в современном шведском языке лексико-семантическими — при употреблении в прямом и переносном значении и лексико-грамматическими различиями — при переходном и непереходном употреблении одного и того же глагола.

Особый интерес в плане семантизации грамматической формы, сохранившейся в качестве «реликта» утраченной формальной категории и получившей в современном шведском языке новую семантическую функцию, представляет слабая форма прилагательного с согласовательным показателем грамматического мужского рода *-e*, которая используется для выражения не только семантического мужского, но и семантического общего рода. Интересны и другие семантические аспекты родовой дифференциации, формальное выражение которых обеспечивается в шведском языке морфологическими согласовательными показателями категории общего и среднего рода.

Семантические аспекты вариативности выявляются и на других участках языковой системы, в том числе в области основосложения при образовании некоторых композитов, первым компонентом которых выступает одна и та же лексема, с соединительной морфемой и без неё.

Функционально-семантические особенности грамматических форм и конструкций шведского языка заметно проявляются при их сопоставлении с русскими эквивалентами. Анализ типологически сходных с русскими глагольных единиц с возвратными показателями выявляет в шведском языке существенные различия в семантической интерпретации процессов, обусловленные агглютинативной или аналитической структурой и связанные с выражением активности / инактивности смыслового субъекта.

Сопоставительный анализ способов выражения неопределенноличного смыслового субъекта в русском и шведском языках на материале параллельных текстов оригинала и перевода позволяет определить функционально-семантический спектр шведских высказываний с местоимением *man*, а также с пассивной залоговой конструкцией при имплицитном одушевленном агенсе.

Значительный интерес представляют сопоставительные исследования русского вида и различных способов его передачи на шведском

языке, в котором ведущая роль при выражении аспектуальности принадлежит лексико-грамматической категории предельности / неопределенности. Особое место в функционально-семантическом поле аспектуальности принадлежит шведской процессуальной конструкции *hålla på att* с инфинитивом предельных глаголов, которая является наиболее специализированным способом передачи форм несовершенного вида русских предельных глаголов. Эта конструкция, выражающая различные оттенки отсроченного предела процессов ограниченной длительности, интересна не только для исследования семантических аспектов шведской грамматики, но и для типологического описания, поскольку особенности её функционирования проявляют некоторое сходство с тенденциями, имевшими место при формировании славянской категории вида, семантическую основу которой также составляли предельные глаголы. Таким образом, предельность является категориальной основой аспектуальности и в русском, и в шведском языке.

Проблематика включенных в настоящий сборник статей и предлагаемая в них семантическая интерпретация различных аспектов шведской грамматики основана как на системно-функциональном анализе глагольных и именных категорий, форм и конструкций в различных контекстах, так и на сопоставительных исследованиях шведского и русского языков. При этом в центре внимания автора книги везде находится шведский язык, изучению и преподаванию которого на филологическом факультете Московского университета я посвятила большую часть своей жизни.

Субъективный и объективный взгляд на вещи в зеркале шведского языка

Одним из важнейших открытий лингвистики XX столетия стал постулат об антропоцентрической сущности языка как семиотической системы, основные референциальные точки которой соотнесены с говорящим индивидом. основополагающая роль в разработке этой идеи принадлежит Э. Бенвенисту, который писал в статье с программным названием «О субъективности в языке»: «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство *быть*, — понятию “Его” — “мое я”» [Бенвенист, 1974: 293]. В этой и в других работах было показано, что аутореферентность — одно из фундаментальных свойств, определяющих принципы семантического устройства языковых систем и механизмов их актуализации в речи. По мере развития и углубления семантических исследований становилось все более очевидным, что «даже самые отвлеченные вещи предстают в речи, пропущенные сквозь призму наших нужд, потребностей и желаний в смутном свете субъективного восприятия» [Балли, 1961: 328]. Оказалось, что присутствие говорящего может содержаться в значении самых обычных слов и грамматических категорий различных языков; «организующим центром смыслового пространства стал человек со всеми его психологическими комплексами» [Арутюнова, Падучева, 1985: 8].

Не является в этом плане исключением и современный шведский язык, о чем свидетельствует введение столь важного параметра, как установка говорящего, в описание его семантической структуры, которое содержится в увидевшей свет на пороге нового тысячелетия четырехтомной Шведской Академической грамматике. Языковые факты, а иногда и, казалось бы, незначительные нюансы употребления предстают в новом свете, свидетельствуя о том, что выбор между семантически близкими, но не тождественными единицами языка позволяет говорящему менять угол зрения, в зависимости от субъективного или объективного взгляда на вещи и события.

Хорошо известно, что при обозначении прошлого говорящему по-шведски обязательно приходится делать выбор между двумя грамматическими формами — претеритом и перфектом. Претерит используется чаще всего при указании на временную и пространственную локализацию прошлого и тем самым его разобщенность с настоящим: прошлое предстает как безвозвратно прошедшее, ушедшее, минувшее, дистанцированное от «здесь» и «теперь» говорящего, как то, что было и прошло. Перфектом передается актуальность прошлого для настоящего, их временная преемственность и неразрывность, на что неоднократно указывали шведские языковеды. Так, автор первого развернутого исследова-

ния семантики шведского перфекта Р. Пиппинг пишет в своей статье следующее: «Oberoende av verbets aktionsart anger perfektformen ett aktuellt intresse hos den talande för det betecknade förloppet... Uppmärksamheten koncentreras på själva förloppet, som utan vidare betraktas **ur det aktuella intressets synvinkel**» (здесь и далее выделено мною. — *Е. Ч.*) [Pipping, 1964: 210–211] «Независимо от глагольного способа действия, форма перфекта содержит указание на актуальный интерес говорящего к описываемому событию... Внимание концентрируется на самом процессе, который однозначно рассматривается **с точки зрения актуального интереса**» (здесь и далее перевод мой. — *Е. Ч.*). Другой шведский языковед Б. Коллиндер определяет темпоральную семантику перфекта как *nuförgången tid* [Collinder, 1974: 71] «теперь (уже) прошедшее время».

Особенно важным в контексте настоящей статьи является описание претерита и перфекта в грамматике У. Туреля, единственного из шведских авторов, который обратил внимание на различия в их интерпретации прошлого с точки зрения говорящего: как объективного факта — претеритом и как субъективного представления — перфектом: «Preteritum är ett “då”-tempus: handlingen är samtidig med en bestämd tidpunkt i det förflutna. Preteritum för oss tillbaka till den tidpunkt, då handlingen utspelades eller då tillståndet ännu varade, och låter oss så återuppleva det förflutna. Preteritum är berättande (“objektivt”): ett skeende framställs som ett led i ett tidssammanhang... Perfektum är ett “nu”-tempus: handlingen betecknas som liggande i tiden före nutid men inte fixerad till en bestämd tidpunkt i det förflutna. Förloppet sätts i relation till nutid och inordnas i det tidsavsnitt som ännu varar. Perfektum är inte berättande (“subjektivt”) utan lyfter ut ett avslutat förlopp ur det förflutna (som ett isolerat faktum)» [Thorell, 1973: 124–125] «Претерит — это временная форма “тогда”: действие является одновременным определенному временному моменту в прошлом. Претерит возвращает нас к тому времени, когда происходило действие или имело место состояние, и позволяет нам таким образом вновь пережить прошлое. Претерит является повествовательным (“объективным”): событие представляется им как звено во временной цепи. Перфект — это временная форма “сейчас”: событие представляется относящимся ко времени, предшествующему настоящему, и включается в тот временной отрезок, который еще длится. Перфект является не повествовательным (“субъективным”), а извлекает событие, которое уже произошло, из прошлого (как отдельный факт)».

Принципиально новым моментом в функционально-семантической трактовке перфекта как формы презентного ряда авторами Шведской Академической грамматики (далее при цитировании SAG) является указание на актуальность передаваемого события для обоих участников коммуникативной ситуации — не только говорящего, но и адресата речи: «Med perfekt signalerar alltså talaren att den förflutna aktionen kan fogas

in i lyssnarens världsbild» [SAG, 4: 241] «Таким образом, говорящий сигнализирует употреблением перфекта, что прошлое событие может быть включено в картину мира адресата речи».

Нормативные грамматики по необходимости эксплицируют различия между претеритом и перфектом в виде предписывающих правил употребления. Так, в грамматическом очерке «Svensk grammatik på svenska» к серии учебных пособий для иностранных учащихся, объединенных общим названием «Mål», содержится следующая рекомендация: «En bra tumregel är att perfekt inte kan användas om det finns ett tidsadverbial som anger förfluten tid. I sådana satser används preteritum. Perfekt kan däremot användas om tidsadverbialet inkluderar nutiden. Preteritum används för att beskriva en händelse i det förflutna då man tänker på en bestämd tidpunkt» [Viberg, Ballardini, Stjärnlöf, 1986: 81–82] «Хорошим правилом для запоминания является то, что перфект нельзя употреблять, если имеется обстоятельство времени, которое обозначает прошлое. В таких предложениях употребляется претерит. Перфект, напротив, может употребляться, если обстоятельство времени включает настоящее. Претерит употребляется для того, чтобы описать событие прошлого в определенный момент времени». Многочисленные примеры, подтверждающие это правило, легко обнаружить: «“Först sålde de pianot” kom ut 1979 på Trevi och har nu i höst kommit i nytryck» (Vi) «Роман “Сначала они продали пианино” вышел в 1979 году в издательстве “Треви” и был переиздан нынешней осенью».

В то же время в текстах, авторов которых вряд ли можно упрекнуть в плохом владении шведским языком, встречается употребление перфекта с обстоятельствами дистантного прошлого, типичными для претеритальных контекстов: — Är du verkligen ond på mig? — Nej, min vän. Jag har lugnat mig för länge sedan (V. Moberg) «— Ты действительно сердись на меня? — Нет, мой друг. Я давно успокоилась»; Rena dödsångesten. Varför nu detta? Har ju klarats för 20 år sedan (P.C. Jersild) «Настоящий страх смерти. Почему же опять это? Ведь я справился с этим 20 лет назад»; — Vad ska hon heta? — Ronja. Som jag ju redan för länge sen har beslutat (A. Lindgren) «— Как её назовем? — Роня. Как я ведь уже давно решил»; Här handlar det om den svåra balansgången mellan goda kontakter och ren vänskapskorruption. Gränsen har överträtts för länge sedan (Dagens Nyheter) «Здесь речь идет о непростом балансировании между хорошими отношениями и настоящей коррупцией по дружбе. Граница давно преодолена».

В начале прошлого столетия выдающийся шведский языковед Адольф Нурен в фундаментальном труде «Vårt språk» (1903–1925) приводил примеры употребления претерита и перфекта с обстоятельствами как дистантного, так и неопределенного прошлого *förr* «раньше», *en gång* «однажды», *nyligen* «недавно», в зависимости от тема-рематической структуры высказывания, маркированной прямым (с перфектом)

или инвертированным (с претеритом) порядком слов: *Han har varit köpman förr i världen* «Он был раньше купцом» / *Förr i världen var han köpman* «Когда-то раньше он был купцом»; *Jag har träffat honom en gång i Stockholm* «Я встретил его один раз в Стокгольме» / *En gång träffade jag honom i Stockholm* «Однажды я встретил его в Стокгольме»; *Jag har nyligen läst K:s dikter* «Я недавно прочитал стихи К.» / *Nyligen läste jag K:s dikter* «Недавно я читал стихи К.»; *Jag har ätit middag för tre timmar sedan* «Я пообедал три часа назад» / *För tre timmar sedan åt jag middag* «Три часа назад я пообедал» [Noreen, 1904: 676–677].

На аналогичное различие, обусловленное установкой говорящего, обращают внимание и современные авторы. Так, в высказывании *Jag har varit i Rom bara en gång* [SAG, 4: 11] «Я побывал в Риме всего один раз» содержится информация, актуальная для субъекта речи, о чем свидетельствует использование ограничительного наречия *bara* с оценочной семантикой. Говорящий сообщает здесь о самом себе, выражая тем самым сожаление, что это было всего один раз, или пожелание побывать в Риме еще. В претеритальном контексте при обратном словоупотреблении *En gång var jag i Rom tillsammans med min kusin* [SAG, 4: 11] «Однажды я был в Риме со своим двоюродным братом» содержится объективная констатация факта, имевшего место в прошлом, на что указывает изменение обстоятельственной функции существительного *en gång* «один раз / однажды».

Различие в установке говорящего при выборе перфекта или претерита может также эксплицироваться модальными наречиями и частицами с различной коммуникативной направленностью. В статье Б. Киннандера приведены два почти идентичных по лексическому составу высказывания с перфектом и претеритом: *Han har förstås kommit för sent till tåget* / *Han kom väl för sent till tåget* [Kinnander, 1973: 143]. В первом из них перфектом передается указание на актуальный для обоих участников коммуникативной ситуации отрицательный результат; речь идет о настоящем для них «здесь» и «теперь»: «Он, конечно же, опоздал на поезд». Модальным наречием *förstås* подчеркивается уверенность говорящего в том, что человек, о котором идет речь, уже не появится, и поэтому ждать его нет необходимости; ответственность за высказанное предположение субъект речи полностью берет на себя. В высказывании с претеритом, напротив, содержится обращенное к адресату предположение: «Похоже, что он опоздал на поезд». Таким образом, речь здесь идет о прошлом, о том, что случилось с человеком, которого ждут, «там» и «тогда».

Наряду с этим, в Шведской Академической грамматике приводятся целый ряд примеров альтернативного употребления претерита и перфекта в высказываниях с тождественным лексическим составом и идентичным словоупотреблением, содержащих указание на конкретную хронологию событий прошлого: *Jag har tagit / tog examen år 1977, så jag har*

fortfarande en examen av gammal typ «Я сдал / сдавал экзамен в 1977 году, так что у меня диплом старого образца»; *Otto har haft / hade semester vecka 37* «Отто взял / брал отпуск на неделю 37»; *Finns det någon här som har varit / var i Tjeckoslovakien 1968 och kan berätta om den berömda Pragvåren?* «Здесь есть кто-нибудь, кто побывал / был в Чехословакии в 1968 году и может рассказать о знаменитой Пражской весне?»; *Vilka har tenderat / tenderade före jul?* «Кто сдал / сдавал экзамен до рождества?»; *Perenner har jag planterat / planterade redan i april* «Многолетники я посадила / сажала уже в апреле» [SAG, 4: 239].

В таких случаях в основе выбора между перфектом и претеритом также лежит установка говорящего на различную интерпретацию прошлого — либо как актуального для говорящего, внутренне близкого ему предшествующего, неразрывно связанного с настоящим концептуально, либо, напротив, как дистантного, прошедшего в собственном смысле слова. В статье шведского лингвиста О. Тульструпа о различиях в семантике перфекта и претерита приводится пример альтернативного употребления обеих форм в высказываниях, субъектом которых является известный шведский этнолог и лингвист, основатель Скандинавского музея Артур Хацелиус: *Hazelius inköpte själv / har själv inköpt de föremål som förvaras på Nordiska museet* [Thulstrup, 1948: 71] «Хацелиус сам приобретал / приобрел сам те предметы, которые хранятся в Скандинавском музее». Несмотря на одинаковый словопорядок, использование глагольной формы в данном случае также предопределено устанавливаемой говорящим перспективой изображения прошлого, его выбором того, что является темой сообщения. Претерит употребляется при описании деятельности основателя музея, а перфект — когда речь идет об экспонатах, хранящихся в музее. Аналогичный контраст имеет место и в предложениях: *Gustaf II Adolf var (en gång) / har varit här i Nürnberg* [Thulstrup, 1948: 71] «Густав II Адольф был (однажды) / побывал здесь в Нюрнберге». В первом случае с претеритом речь идет о жизнеописании шведского короля, а во втором с перфектом — об истории города Нюрнберга, в котором находится в момент высказывания говорящий, о чем свидетельствует употребление дейктического наречия *här*. Автор статьи пишет: «I det förra exemplet är Gustaf II Adolf såväl grammatiskt som psykologiskt subjekt, och imperfekt blir därför nödvändigt... I det senare exemplet antas den talande eller skrivande befinna sig i Nürnberg, som därmed får en särskild betydelse och blir till stadens historia, och denna betraktas som ett in i nutiden fortgående tidsavsnitt — därför perfekt» [Thulstrup, 1948: 71] «В первом примере Густав II Адольф является и грамматическим, и психологическим подлежащим, и поэтому имперфект (термин, который использовался в более ранней грамматической традиции для обозначения формы претерита. — *Е. Ч.*) здесь необходим... Во втором примере предполагается, что говорящий или пишущий находится в Нюрнберге, который приобретает тем самым осо-

бое значение и становится историей города, и этот факт включается во временной отрезок, продолжающийся в настоящем — поэтому употребляется перфект». Ту же особенность отмечает и Б. Коллиндер, сравнивая два высказывания: *Jag har träffat henne nyligen (en eller flera gånger under den senaste tiden)* «Я виделся с ней недавно (один или несколько раз за последнее время» и *Jag träffade henne nyligen (en gång för inte länge sedan)* — «Я виделся с ней недавно (однажды не так давно)» [Collinder, 1974: 149]. В первом случае субъект речи сообщает о себе, а во втором — о встрече со своей знакомой.

Представляется возможным определить функционально-семантические различия в употреблении перфекта и претерита, определяемые установкой говорящего, как субъективный и объективный взгляд на вещи, что предполагает либо сопричастность с содержанием высказывания, либо, напротив, отчуждение и объективацию. Подтверждением этому могут, в частности, служить примеры параллельного употребления претерита ближайшего прошлого как дистантного, безвозвратно ушедшего и перфекта, соотношенного с временным пространством значительно большей протяженности, которое тем не менее по-прежнему остается актуальным для говорящего: — *Hur var det du sa för en stund sedan, smakar kronärtskockan blåsyra?* — *Ja visst, har du inte vetat det förut?* (Hj. Söderberg) «— Как ты только что сказал? Артишок имеет привкус синильной кислоты? — Конечно. А ты разве не знал это раньше?»; *Jag måste erkänna, att jag inte tidigare upptäckt den möjligheten. Nu såg jag hur nära denna utväg låg* (V. Moberg) «Я должен признаться, что раньше не знал об этой возможности. Сейчас я понял, как близок был выход».

Особенно рельефно и ярко выступает контраст между перфектом и претеритом как формами субъективно актуального и объективно отчуждаемого прошлого в диалогической речи при разграничении позиций коммуникантов, по-разному относящихся к одному и тому же событию: — *Jag har inte skrivit något brev!* — *Men jag fick det!* — *Jag har inte skrivit till dig. Det skulle aldrig fallit mig in att skriva till dig.* — *Det föll dig in* (S. Arnér) «— Я не писал никакого письма! — Но я получил его! — Я не писал тебе. Мне бы никогда не пришло в голову писать тебе. — Однако же пришло»; — *Du har ju erkänt det.* — *Ja, jag erkände. Däraktigt nog. Ingenting har jag ångrat som det* (V. Moberg) «— Ведь ты признался в этом. — Да, признался. Глупо, однако же. Ни в чем я так сильно не раскаивался, как в этом»; — *Hände något?* — *Kanske, sa modern och log i mörkret. Kanske det hänt något* (L. Ahlin) «— Что-нибудь случилось? — Возможно, сказала мать и улыбнулась в темноте. Возможно, что-то произошло»; — *Och nu går Borkas ormungel omkring på Mattisborgens tak? Och du, Ronja, har talat med honom?* — *Han talade med mig, sa Ronja* (A. Lindgren) «— А теперь змееныш из гнезда Борки лазает по крыше замка Маттиса? И ты, Роня, говорила с ним? — Он говорил со мной, сказала Роня».

В последнем примере различие в функциональной перспективе маркировано меной субъектного и объектного актантов: в ответ на упрек отца из-за того, что Роня-дочь разбойника говорила с Бирком, сыном их заклятого врага, девочка в свое оправдание отвечает, что это Бирк говорил с ней, а не она с ним.

В свете сказанного представляет интерес и пример контрастного употребления синонимичных глаголов с различной степенью интенсивности признака — *döda* «лишить жизни, совершить непредумышленное убийство» и *mörda* «убить, совершить убийство»: *Fattar du inte? Det var han som ställde om att hon dog! Och ännu häftigare: Han dödade henne! Han har mördat henne!* (S. Arnér) «Разве ты не понимаешь? Это он сделал так, чтобы она умерла! И еще яростней: Он лишил её жизни! Он убил её!». Если в предложении с претеритом речь идет об умершей, то при употреблении перфекта темой высказывания становится именно тот, кто убил её. Таким образом, при характерном для шведского синтаксиса фиксированном словопорядке тема-рематическая структура может изменяться путем выбора соответствующей предикатной формы.

Важной особенностью перфекта в шведском и других скандинавских языках является возможность употребления в претеритальном контексте при реконструкции реальных событий прошлого на основании документальных источников или свидетельств очевидцев. Примером этого может служить описание похода викингов в Англию из широко известной книги Отто фон Фрисена о рунических надписях: *Av Orkestastenen... framgår att Ulf tagit del i tre krigståg till England... Ulf har sålunda vid flera olika tillfällen... vistats i England och där... blivit en varm anhängare av kristendomen. Hemkommen med andra uppsvear... har han verkat för sin tro och låtit denna komma till synes i ristningar som han utfört... [Kinnander, 1973: 141]* «Из надписи на камне из Оркесты следует, что Ульф принял участие в трех походах в Англию... Ульф, таким образом, несколько раз... побывал в Англии и там... стал ярым поборником христианства. Вернувшись домой с другими свеями, ...он отстаивал свою веру и отразил это в рунических надписях». Как отмечает Б. Киннандер в статье, посвященной этому феномену, при таком употреблении перфекта говорящий интерпретирует события прошлого сквозь призму собственного представления, содержащего субъективную оценку: «*Bedömning utifrån författarens nupunkt: nuvärdet framträder så, att sammanhanget ger vid handen: nu vet, meddelar, erfar, inser, förmodar jag osv. att något i det förflutna som (möjligen, enligt uppgifter osv.) var så eller så har varit så*» [Kinnander, 1973: 130–131] «Оценка исходя из настоящего автора: актуальность настоящего проявляется в том, что контекст указывает: теперь я знаю, сообщаю, переживаю, допускаю, предполагаю, что некое событие прошлого, которое (возможно, согласно данным и т.д.) происходило так или иначе, вероятно, произошло так». Б. Кин-

нандер убедительно показал, что субъективный взгляд говорящего маркируется в большинстве контекстов с перфектом модальными наречиями и оборотами с эпистемической семантикой: *antagligen* «по-видимому», *förmodligen* «вероятно», *sannolikt* «скорее всего», *troligen* «предположительно», *troligtvis* «вероятно», *synbarligen* «видимо», *säkerligen* «наверняка», *måhända* «может быть», *möjligen* «возможно», *kanske* «может быть», *således* «таким образом», *i själva verket* «на самом деле», *av allt att döma* «судя по всему», *alla tecken tyda på* «все признаки указывают на», *säkert är att* «несомненно, что», *ligger i öppen dag* «совершенно очевидно», *framgår obestriddligt* «несомненно свидетельствует», *är knappast* «вряд ли», *tvivel underkastat* «с сомнением», *synes visa* «видимо, показывает», *synes troligt att* «представляется вероятным, что», *varav är troligt att* «откуда скорее всего следует», *det är troligt* «вероятно», *det förefaller troligare* «представляется вероятнее», *vi ha vittnen att åberopa* «мы можем сослаться на свидетельства», *tycks vittna om att* «как представляется, свидетельствуют о том, что», *kunna vi sluta oss till* «мы можем присоединиться», *kan slutas därav* «из этого можно заключить» и другие [Kinnander, 1973: 134].

О. Тульstrup также указывал на роль субъективного фактора при употреблении претеритального перфекта: «Ett gränsområde föreligger alltså mellan perfekt och imperfekt respektive obestridda domäner, där känslan eller det subjektiva omdömet blir avgörande för tempusvalet» [Thulstrup, 1948: 73] «Существует, следовательно, некоторая пограничная область между несомненными сферами употребления перфекта и имперфекта, в которой решающим при выборе временной формы является чувство или субъективная оценка». Данная особенность дает основание У. Турелю трактовать употребление перфекта в претеритальном контексте как модальное: «Perfektum har snarast en modal karaktär; det rör sig om realitetsförhållanden sedda ur den talandes synvinkel» [Thorell, 1973: 125] «Перфект, скорее всего, имеет модальный характер; речь идет о реальных ситуациях, рассматриваемых под углом зрения говорящего». Э. Хауген определяет эту особенность перфекта, характерную для всех скандинавских языков, понятием «the inferential perfect» (букв. «перфект умозаключения»): «...in each of these sentences there is an underlying “I infer” (or “I believe, I think”), representing an intrusion of the author’s personality into his narrative... It is especially popular in historical writings, when authors wish to express their closeness to the subject of their narration... I would suggest that the motivation was rather a wish to distinguish between fact and inference...» [Haugen, 1972: 137–138].

Аналогичное различие между субъективным и объективным взглядом на вещи, между интерпретацией событий как актуальных и близких для говорящего или, напротив, дистанцируемых им в объективированный внешний мир имеет место в шведском языке и при обозначении будущего немодальными средствами — футуральным презентом и кон-

струкцией *kommer att* с инфинитивом. На различия в интерпретации будущего, в зависимости от выбора средства его передачи, обращали внимание шведские языковеды. Так, в грамматике У. Туреля содержатся тонкие наблюдения о том, что при использовании футурального презенса будущее видится изнутри (*skeendet ses inifrån*), в то время как при употреблении *kommer att* с инфинитивом оно рассматривается извне (*skeendet betraktas utifrån*) [Thorell, 1973: 127]. Изменение угла зрения на предстоящие события обусловлено, как и в случае с перфектом и претеритом, установкой говорящего. Презенс используется для передачи актуального будущего как внутренней реальности субъекта речи; поэтому наиболее типичными для него контекстами являются 1-е и 2-е лицо грамматического субъекта высказывания, дейктические средства, указывающие на соотнесенность с параметрами «здесь» и «сейчас», а также отнесенность к ближайшему будущему, часто эксплицируемая обстоятельством *snart* «скоро», *i morgon* «завтра», *nästa år* «в следующем году», *nästa gång* «в следующий раз»: *Jag åker tillbaka till Sverige i morgon. Jag ringer i morgon bitti* (M. Sjöwall, P. Wahlöö) «Я возвращаюсь в Швецию завтра. Я позвоню завтра утром»; *Vi hittar den, det vet jag* «Мы найдем это, я знаю»; *Jag tror att jag sätter den i köket* «Я думаю, что поставлю его в кухне»; *Snart sitter du också bakom ett sådant här skrivbord* «Скоро ты тоже будешь сидеть за таким вот письменным столом»; *Du får dem när jag är hemma igen* «Ты получишь их, когда я вернусь домой» [SAG, 4: 219]. При подлежащем во 2-м лице нередко передается косвенное побуждение, эксплицирующее значимую для субъекта речи внутреннюю связь с адресатом: *Ni sätter er i soffan* «Вы садитесь на диван»; *Du går och köper mjölk* «Ты пойдешь купишь молока» [SAG, 4: 219]; — *Nu går ni!* — *Jaså, går jag, sa Maria och reste sej; jaså, min egen dotter säger att jag ska gå* (S. Dagerman) «— А вы теперь уходите! — Ах, вот как, мне уйти, сказала Мария и встала, вот как, моя собственная дочь говорит, что я должна уйти»; *I morgon går du upp till sjukhuset och ber att få remiss till psyket. Du åker dit och får insulinchockar och sen kommer du tillbaka, frisk som din lillebrorsa, och då skriver du en ny bok* (G. Tunström) «Завтра ты сходишь в больницу и попросишь направление в психиатрическое отделение. Ты ляжешь туда и пройдешь курс лечения инсулином, а потом вернешься здоровым, как твой младший братишка, и тогда напишешь еще одну книгу».

При некоммуникантном подлежащем 3-го лица в контексте также обычно содержится указание на причастность говорящего к предстоящим событиям или его личную заинтересованность в них:

Ja, mumlade Markel, i morgon står artikeln i vart fall inte. Det har jag dragit omsorg om (Hj. Söderberg) «Да, пробормотал Маркель, завтра в любом случае статья в газете не будет. Об этом я позаботился»;

— *Vet man vem det är då?* — *Nej, men det ser man snart av fingeravtrycken* (H.K. Rönblom) «— А известно, кто это? — Нет. Но скоро

это выяснится по отпечаткам пальцев» — реплика расследующего преступления детектива;

Här står snart universitetets matematikcentrum klart (Svenska Dagbladet) «Скоро здесь будет находиться новый математический центр» — сообщает начальник строительства;

Nästa gång sitter kanske en annan av de forna tioåringarna bland åhörarna» (Berättelser ur bakfickan) «В следующий раз, возможно, кто-то другой из моих бывших десятилетних учеников окажется среди слушателей» — говорит их бывший учитель.

Установка говорящего может эксплицироваться модальным наречием с эпистемической семантикой: «Om ett par decennier bor det säkert en miljon människor i den här regionen» [SAG, 4: 219] «Через пару десятилетий в этом регионе, по всей вероятности, будет проживать миллион человек». Актуальность прогноза здесь также маркируется указательным местоимением *den här* в составе обстоятельства места, которым будущее включается в континуум настоящего. Показательно, что в этом и других приведенных выше употреблениях актуальное будущее передается презенсом неопределенных глаголов, которые, по мнению авторов ряда шведских грамматик, труднее поддаются футурализации, причем только при поддержке специализированного контекста [Beckman, 1964: 109; Bolander, 2004: 124; Thorell, 1093: 127]. Однако материал показывает, что видовой характер глагола по линии предельности / неопределенности сам по себе не является препятствием для футурального употребления презенса, хотя у неопределенных глаголов отнесенность к будущему действительно требует обязательного указания на это средствами контекста. Тем не менее ведущая роль в выборе между презенсом и аналитической конструкцией с *kommer att* принадлежит тому, под каким углом зрения смотрит на будущее субъект речи: являются ли предстоящие события актуальными для него и, следовательно, прогнозируемыми им самим, или, напротив, будущее передается как объективированный прогноз, не зависящий от говорящего и основанный на внешних по отношению к нему предпосылках. На объективацию прогноза на будущее, за который говорящий не несет ответственности, указывают и другие шведские авторы: ett bestämt meddelande, som man söker hålla så objektivt som möjligt [Wessén, 1968: 103] «конкретное сообщение, которое стремятся представить как можно более объективным»; om talaren å ena sidan inte vill påstå att handlingen är bestämd av någon, å andra sidan inte heller själv vill stå för sanningshalten i utsagan, utan hänvisar... till någon utanför honom befintlig källa [Pettersson, 1976: 159] «если говорящий, с одной стороны, не хочет утверждать, что событие кем-либо предопределено, а с другой стороны, не хочет также сам нести ответственность за достоверность высказывания, а ссылается... на какой-либо имеющийся источник, не связанный с ним самим»; s k ren framtid, dvs. utan reservationer för att inskränkningar eller ändringar i det förutsedda kan

komma att gälla. Att reservationer inte görs betyder inte att den talande anser sig kunna förutsäga framtiden. Det är fråga om en på rimliga skäl och kända grunder baserad uppfattning om framtiden [Lindberg, 1980: 64] «Так называемое чистое будущее, т.е. без оговорок о том, что в предсказываемой ситуации могут произойти ограничения или изменения. То, что такие оговорки не делаются, не означает, что говорящий считает для себя возможным предсказывать будущее. Речь идет о представлении будущего, основанном на резонных причинах и достоверных основаниях».

В исследовании, посвященном семантике способов выражения шведского футурума, Л. Кристенсен прямо указывает на дистанцированность пропозиции в высказываниях о будущем с *kommer att*: «Satsen *Jag kommer att öppna dörren* fungerar utmärkt som framtidsutsaga i en situation där talaren står utanför dörren och lyssnaren står innanför. Här finns det nämligen en tydlig gräns mellan situationen i nuet och den framtida situationen, och satsen med *komma* implicerar att den framtida situationen innebär en tydlig förändring av den rådande situationen (t.ex. talaren slår in dörren med våld) eller att den framtida situationen får påtagliga konsekvenser för de inblandade personerna. *Komma* anger ett brott mellan nutid och framtid... Framtidsutsagor med *komma* är distanserade från subjektetsreferenten vid talögonblicket» [Christensen, 1997: 201–202] «Предложение *Я открою дверь* прекрасно подходит в качестве высказывания о будущем в ситуации, когда говорящий стоит снаружи перед дверью, а слушающий находится внутри за дверью. Здесь ведь существует явная граница между настоящей и будущей ситуацией, и предложение с глаголом *komma* содержит информацию о том, что ситуация в будущем предполагает существенное изменение настоящей ситуации (например, говорящий вышибет дверь силой) или что будущая ситуация будет иметь заметные последствия для участников коммуникации. *Komma* содержит указание на разрыв между настоящим и будущим... Высказывания о будущем с глаголом *komma* дистанцированы от смыслового субъекта в момент речи».

При выражении неизбежности прогноза на будущее, часто с повышенной экспрессией, в конструкции с *kommer att* нередко употребляется предельный глагол *bli* «становиться», который легко подвергается футурализации в презенсе:

Jag kommer ju att bli så glad då (S. Dagerman) «Я ведь буду тогда так рад»;

Det kommer aldrig att bli så kul som det var under kriget. Aldrig mer (U. Lundell) «Никогда уже не будет так классно, как во время войны. Никогда больше»;

Vi kommer aldrig att bli lyckligare mer. Jag känner det! (V. Moberg) «Мы никогда больше не станем счастливее. Я чувствую это!»;

De första åren går an, men sen kommer du att bli olyckligare och olyckligare och skylla på allting (G. Tunström) «В первые годы всё будет

нормально, но потом ты будешь становиться все более и более несчастным и винить всё вокруг»;

En vacker dag kommer jag att bli vårt århundrades Kain (R. Jönsson) «В один прекрасный день я стану Каином нашего столетия».

Показательно также, что *kommer att* с инфинитивом используется для выражения неизбежности или неотвратимости грядущего даже в контекстах с обстоятельствами ближайшего будущего:

Solen är falsk, tro inte den! Här kommer blod att flyta innan aftonen! (A. Strindberg) «Солнце не настоящее, не верь ему! Здесь прольется кровь до наступления вечера!»;

Du ska veta att jag redan i morgon dag kommer att överklaga till högsta domstolen (Dagens Nyheter) «Ты должен знать, что уже завтра днем я обжалую это в Верховном суде».

Высказывания с футуральной аналитической конструкцией часто приобретают характер предсказания или пророчества; в последнем случае она обычно употребляется в цепочке нескольких следующих одно за другим предложений, что создает эффект нагнетания и тем самым усиливает коннотацию неизбежности предстоящего:

Allt kommer i sinom tid att rasa, snö kommer att välla in, rektangeln på väggen kommer att sjunka in i väggen, regnet och torkan kommer att vidga sprickorna; allt kommer att begravas och minnet av vad som hänt kommer att begrava honom (B.E. Höijer) «Все в свое время рухнет, завалит снегом, прямоугольник на стене провалится, дожди и засуха увеличат трещины, все будет погребено, и память о том, что случилось, похоронит его»;

Jag kommer aldrig att glömma det. Jag kommer att vara tacksam hela mitt liv, jag kommer att leva av tacksamhet för att göra detsamma» (K. Boye) «Я никогда не забуду этого. Я буду благодарен всю свою жизнь, я буду жить из благодарности, чтобы сделать то же самое»;

Vi kommer att hitta taxichauffören, som körde er hit den där natten. Han kommer att minnas om ni var ensam eller ej. Er bil och lägenheten här kommer att undersökas av experter. Har det legat en kropp där kommer tillräckligt mycket att finnas kvar av den (M. Sjöwall, P. Wahlöö) «Мы найдем водителя такси, который привозил вас сюда той ночью. Он вспомнит, были ли вы один или нет. Ваша машина и квартира здесь будут обследованы экспертами. Если тело находилось там, то обнаружится довольно много того, что осталось от него»;

Jag kommer inte att bli bättre, tro inte det. Jag kommer att bli värre. Jag kommer att snäsa och gnata och vara irriterad på dig för att det regnar och avvisa dina närmanden och förhala vårt giftermål, och när vi väl blir gifta kommer jag att bli som värst och snäsa dig inför hela världen och resa ifrån dig och bedra dig och lägga glassplitter i strösockret. Men jag kommer att hålla fast vid dig (P.O. Sundström) «Я не стану лучше, не верь этому. Я стану хуже. Я буду огрызаться, и ворчать, и злиться на тебя от того, что идет дождь, и отказывать тебе в близости, и оттягивать нашу свадьбу»;

бу, а когда мы поженимся, я стану совсем ужасной и буду охаивать тебя перед всеми на свете, и уезжать от тебя, и обманывать тебя, и подсыпать толченное стекло тебе в сахарный песок. Но я буду крепко держаться за тебя»;

Jag kommer även i fortsättningen att vara intresserad av människor... Jag kommer att vilja träffa dem. Jag kommer att vilja dra in dem i vårt hem, sitta och tala med dem, låta dem ligga över natten, skriva till dem. Och jag kommer att tala om det med dig, vilja berätta, resonera, samråda (S. Lindqvist) «Я и в дальнейшем буду испытывать интерес к людям... Я буду хотеть встречи с ними. Я буду хотеть приводить их в наш дом, сидеть и говорить с ними, оставлять их на ночь, писать им. И я буду говорить об этом с тобой, буду хотеть рассказывать, обсуждать, советовать»;

Det mesta tyder på att nationella, politiska och religiösa motståndet kommer att leva vidare. Världen kommer att få veta hur den kampen förlöper. Och balterna kommer att fortsätta hoppas på ett starkt — och starkare stöd från världen utanför (Månadsjournalen) «Большинство фактов свидетельствует о том, что национальное, политическое и религиозное противостояние продолжится. Мир узнает, как идет эта борьба. И прибалты будут продолжать надеяться на сильную — и еще более сильную поддержку внешнего мира».

Указывая на ту же особенность, шведский исследователь Т. Петтерссон в статье о категории времени пишет: «När min läkare säger “Ni dör före jul”, gör han alltså en förutsägelse som han själv ansvarar för. När han säger “Ni kommer att dö före jul”, gör han en prognos med utgångspunkt från sina journaler eller vad annat han kan ha att hänvisa till för sitt påstående att patienten i fråga verkligen kommer att avlida före angiven helg» [Pettersson, 1976: 160] «Когда мой врач говорит: “Ni dör före jul” “Вы умрете до рождества”, то он делает предсказание, за которое сам несет ответственность. Когда он говорит: “Ni kommer att dö före jul” “Вы умрете до рождества”, то делает прогноз, исходя из своих записей в карте или чего-то другого, на что он может опереться в своем утверждении о том, что данный пациент действительно скончается до указанного праздника». Особенно ярко выступают различия между субъективной и объективной интерпретацией будущего в позиции контраста при параллельном употреблении с одной и той же глагольной лексемой:

— Jaså, säger jag å är intresserad, men va blir resultatet? Upphör kanske statens aggression mot min existens, löper jag inte längre nån risk att få min rätt trampad under fötterna? — Tyvärr, min herre, säger byråchefen, kommer allt att bli vid det gamla (S. Dagerman) «— Ага, — говорю я с неподдельным интересом, — а каков будет результат? Может быть, прекратится агрессия государства против моего существования и мои права перестанут ущемлять? — К сожалению, уважаемый, — говорит начальник управления, — всё останется по-старому».

Выраженное презенсом будущее актуально для говорящего, поскольку, как явствует из контекста, оно связано с осуществлением его интересов; его собеседник, чиновник государственного учреждения, напротив, демонстрирует полное равнодушие и отчужденность.

— Jag hoppas min uppfinning får namnet kallocaïn efter mig själv. — Säkert, säkert, sade Rissén likgiltigt. Anar ni själv, hur stor betydelse det kommer att få? (К. Воге) «— Надеюсь, что в честь меня изобретение назовут каллокаин. — Конечно, конечно, — равнодушно произнес Риссен. — Понимаете ли Вы сами, сколь велико будет его значение?».

Автор изобретения, выражая надежду, проявляет личную заинтересованность в предстоящем, в то время как его шеф проявляет полное равнодушие и отстраненность, прогнозируя будущее, исходя из объективных предпосылок.

En förmiddag ringer Pontus. Han talar om att nästa vecka har de manöver så då *kan* han inte alls *ringa* till henne. Och hon *kommer* inte att *kunna nå* honom (G. Björkman) «Однажды утром звонит Понтус. Он говорит, что на следующей неделе у них маневры, так что тогда он совсем не сможет позвонить ей. И она не сможет связаться с ним».

Говоря о себе, субъект косвенной речи употребляет форму презенса модального глагола; при передаче основанного на объективных предпосылках прогноза (предстоящие маневры) он использует по контрасту конструкцию *kommer att* + *инфинитив* с тем же модальным глаголом.

Vi ses, hade han sagt när han gick. Som en överenskommelse eller som ett konstaterande av något alldeles självklart: naturligtvis *kommer vi att ses* (S. Claesson) «Увидимся, — сказал он уходя. Словно договариваясь или просто констатируя как само собой разумеющееся: естественно, мы увидимся».

Если предстоящая встреча актуальна для говорящего, он использует речевую формулу с презенсом; напротив, если будущее интерпретируется как объективированный прогноз в виде констатации факта, употребляется аналитическая конструкция.

При отнесенности к настоящему в шведском языке также существует возможность представить происходящее в свете субъективного восприятия говорящего. Речь идет об употреблении так называемого эмотивно-оценочного претерита при передаче спонтанной реакции говорящего на собственное ощущение или эмоциональное состояние, актуальное лишь для него самого только в момент высказывания, предикат которого чаще всего выражен глаголом *vara* «быть» и предикативом с оценочной семантикой: *Vad det här var vackert!* «Как это красиво!»; *Det var bra kallt!* «Здорово холодно!»; *Det var roligt att få se dig!* «Приятно повидать тебя!»; *Det var snällt, att du vill hjälpa mig* «Мило с твоей стороны, что ты хочешь помочь мне»; *Det var synd, att han inte kunde komma* «Жалко, что он не смог прийти» [Wessén, 1968: 102]. Аналогичные по лексическому составу и синтаксической структуре предложения

с презенсом, напротив, содержат объективную констатацию факта, внешнего по отношению к говорящему. Как отмечает в своем исследовании Л. Хультен [Hulthén, 1944: 128], в высказываниях с эмотивно-оценочным претеритом *Det var kallt!* «Как холодно!» или *Det var en otäck dimma!* «Какой ужасный туман!» передаются только собственные ощущения говорящего в их субъективной мимолетности; поэтому в них невозможно употребление обстоятельств времени и места, локализирующих событие в настоящем. Напротив, при трансформации предиката в презенс появляется необходимость установить временные и / или пространственные координаты происходящего; тем самым высказывание приобретает характер объективной констатации общего положения вещей, не зависящего от восприятия говорящего: *Det är kallt ute i dag* «Сегодня на улице холодно»; *Det är en otäck dimma i dag* «Сегодня ужасный туман» [Hulthén, 1944: 128]. Важно подчеркнуть, что в высказываниях с презенсом говорящий выступает как внешний наблюдатель; поэтому, произнося реплику *Det är kallt ute i dag* «Сегодня на улице холодно», он, скорее всего, находится в помещении и сам не испытывает неприятных ощущений. Высказывания с эмотивно-оценочным претеритом возможны только в тех случаях, когда говорящий передает собственные ощущения, даже если они не вполне совпадают с объективным положением дел [Kjederquist, 1898].

В связи с этим становится понятным утверждение автора функциональной грамматики шведского языка М. Буландер о том, что выбор способа передачи темпоральных отношений обусловлен в первую очередь не логикой движения времени от прошлого к будущему через настоящее, а тем, как воспринимается описываемая ситуация говорящим: «Vi väljer nämligen många gånger tempus efter **hur vi upplever situationen** i stället för att vara strikt logiska» [Bolander, 2004: 122] «По сути дела во многих случаях мы выбираем временную форму, исходя из того, **как мы воспринимаем ситуацию**, вместо того чтобы следовать строгой логике».

Аналогичные различия в устанавливаемой говорящим перспективе видения ситуации извне или изнутри обнаруживаются также при сопоставлении синтетического и аналитического способов передачи пассивного действия формами с агглютинативным показателем *-s* и аналитической конструкцией с глаголом становления *bli* и причастием 2 переходных глаголов. Как показывает анализ материала, при употреблении аналитического пассива с глаголом *bli* в ближайшем окружении нередко эксплицируется актуальность для говорящего, выявляемая рядом контекстуальных факторов:

— модальными словами с эпистемической семантикой: *Den här räkningen blir nog betald* [Saari, Nyström, 1979: 49] «Ведь этот счет будет оплачен»; *Det förefaller uppenbart att Dramaten och Kungliga teatern blivit grundlurade av kulturminister Göransson* [Bergner,

Nylund, 1990: 71] «Представляется очевидным, что Драматический театр и Королевская опера были основательно обмануты министром культуры Ёранссоном»;

- темпоральными наречиями с субъективно-оценочным компонентом, предполагающими присутствие внешнего наблюдателя: *Men de lånen blir sällan eller aldrig återlämnade* [Bergner, Nylund, 1990: 71] «Но эти займы редко возвращают или не возвращают никогда»;
- целевым оборотом: *Jag tror att personen i Holland tar på sig en massa brott för att bli utvisad till Sverige* «Я полагаю, что это человек из Голландии возьмет на себя множество преступлений, чтобы его выслали в Швецию»; *Man måste ställa sig in hos chefen för att bli betald efter förtjänst* [SAG, 4: 400] «Приходится заискивать перед начальником, чтобы получить оплату своего труда по заслугам»;
- инвертированным порядком слов с вынесением причастия 2 в начальную позицию для выражения исходящей от говорящего экспрессивности: *Avlönade efter förtjänst blir de inte* [SAG, 4: 400] «Оплату своего труда по заслугам они не получают».

Этим объясняется и возможность употребления пассива с *bli* в императиве, обусловленная тем, что в семантике аналитической конструкции содержится указание на подконтрольность пассивного действия тому лицу, на которое направлено побуждение [Anward, 1981]: *Bli lite uppmuntrad av nyheterna!* «Пусть эти новости немного поднимут тебе настроение!»; *Bli förförd av Åbo skönhet!* [Hellberg, 1990: 25] «Соблазнись красотой Обу!»; *Bli fotograferad på fem minuter!* «Сфотографируйся за пять минут!»; *Bli nu bara inte tånad i Barcelona!* [SAG, 4: 400] «Смотри только, чтобы тебя не обокрали в Барселоне!».

При футуральной отнесенности пассива с *bli* в презентной форме актуальность для говорящего может быть реализована как гарантированность будущего, исходящая от субъекта речи: *Du blir hämtad i morgon klockan 5, det lovar jag* [SAG, 4: 400] «Обещаю, что завтра в пять за тобой заедут». При отрицании прагматическая семантика конструкции с *bli* сохраняется: *Jag vill inte medverka till att ni blir ytterligare lurad på era slantar* (J. Lo-Johansson) «Я не хочу способствовать тому, чтобы вас еще надули за ваши собственные деньги». Таким образом, при употреблении вспомогательного глагола в настоящем в актуализации участвуют как способ отнесения к будущему (футуральный презент), так и средство передачи пассивного действия (аналитическая конструкция с *bli*).

Напротив, при объективации предстоящих событий как внешних по отношению к говорящему в конструкции с *kommer att* чаще используется форма пассива на *-s*: *Jag vill rädda fyrtio tusen människor som annars kommer att dödas nästa år* (V. Moberg) «Я хочу спасти сорок тысяч человек, которые иначе будут убиты в следующем году»; *Han ställer sig tolerant även till en del danismer, som han förutspår snart kommer att*

betraktas som god svenska (Språkvård) «Он относится терпимо даже к целому ряду данизмов, которые, в соответствии с его предсказанием, скоро будут считаться хорошим шведским».

Прагматически обусловленные различия между установкой говорящего на субъективную интерпретацию и объективную констатацию заметно проявляются при употреблении способов выражения пассивного действия в инфинитиве после модальных глаголов различной семантики, на что обращали внимание шведские исследователи. Еще в начале прошлого столетия в статье, опубликованной в журнале «Språk och stil», Эбба Бьёрнстрём [Björnström, 1904: 15] отмечала, что в высказывании с аналитическим пассивом: *Paketet skall bli hemskickadt*¹ «Пакет доставят на дом» — передается обещание продавца доставить посылку на дом, в то время как в высказывании с пассивом на *-s* содержится просьба покупателя: *Det skall skickas till Grefvregatan 58* «Его надо доставить по адресу Гревтурегатан 58». Аналогичным образом предложения: *Tuget måste strykas på avigsidan, annars förlorar det sin glans* «Эту ткань нужно гладить с изнанки, иначе она утратит блеск»; *Enligt Svenska Akademien bör "sjöss" skrivas med två s* «Согласно Словнику Шведской Академии, слово "sjöss" следует писать с двумя *s*» — содержат общие рекомендации объективного характера, источником которых не является говорящий. В то же время в высказываниях с аналитическим пассивом: *Den författaren måste en gång förr eller senare bli erkänd för verkligt stor* «Этот писатель рано или поздно должен быть признан действительно великим»; *Efter hvad jag kan förstå bör hon bli antagen som elev* «Насколько я могу понять, её следует принять на учебу»; *Följande uppsats är ett fragment af en stor biografi, som snart nog torde blifva offentliggjord* «Приводимое ниже сочинение является фрагментом большой биографии, которая, по-видимому, довольно скоро будет опубликована»; *Måtte hon bli antagen som elev!* [Björnström, 1904: 15] «Хоть бы её приняли на учебу!» — передается заверение, предположение или пожелание самого говорящего.

Аналогичное различие между субъективно-конкретным («subjektiv-konkret») аналитическим пассивом с *bli* и объективно-абстрактным («objektiv-abstrakt») пассивом на *-s* отмечается также в грамматике У. Туреля [Thorell, 1973: 127]. В ней приводятся два высказывания с модальным глаголом внешнего долженствования *ska*, которые, в зависимости от способа передачи пассивного действия в инфинитиве, получают различную прагматическую интерпретацию: *Den här cykeln ska göras ren* «Этот велосипед надо вымыть» — содержит просьбу заказчика, от которого не зависит выполнение; *Cykeln ska bli ordentligt rengjord* «Велосипед будет тщательно вымыт», напротив, передает обещание испол-

¹ Здесь и далее примеры приводятся в орфографии автора до реформы 1906 г.

нителя заказа, которое предполагает гарантированность, исходящую от субъекта речи.

При параллельном употреблении аналитического и синтетического пассива в позиции контраста различия в установке говорящего выступают особенно ярко: — *En viss person mördades tio minuter i tolv. — Så ruskigt! Blev han mördad?* (S. Trenter) «— Одного человека *убили* без десяти двенадцать. — Какой ужас! Его *убили?*». В первом высказывании содержится объективная констатация факта убийства; дистанцированность и отчуждение субъекта речи эксплицированы также неопределенным местоимением в подлежащем, хотя обоим участникам диалога известно, о ком идет речь. Экспрессивно насыщенная реплика второго коммуниканта явно указывает на актуальность случившегося для него.

Оказывается, однако, что и на других участках шведской языковой системы имеются содержательно близкие формы и конструкции, различающиеся в прагматическом аспекте ориентацией на субъективную и объективную интерпретацию. Так, в описаниях шведской грамматики отмечается, что при обобщенной референции класса денотатов существительными в единственном и множественном числе возможно употребление как определенной, так и неопределенной формы. При этом в высказываниях с определенной формой содержится объективная констатация общеизвестных фактов: *Lodjuret fick snabbt smak för det nya bytet* «Рыси скоро понравилась новая добыча»; *Rådjuren är inte särskilt välanpassade till vårt klimat* [Riserus, Serin, Vedin, 1992: 104] «Косулям не особенно подходит наш климат». Напротив, существительные с показателями неопределенности употребляются в высказываниях, содержащих оценку говорящего: *En flicka ska dofta som ett glas rent vatten* «Девушка должна пахнуть, как свежая вода в стакане»; *En dam petar inte näsan offentligt* «Даме не положено ковырять при людях в носу»; *En hund bör vara lydig* «Собака должна быть послушной» [Svartholm, 1978: 51]; *Svenskar är lata och egoistiska* [Riserus, Serin, Vedin, 1992: 105] «Шведы ленивы и эгоистичны». В Шведской Академической грамматике приводится пример альтернативного употребления существительного в форме множественного числа с показателями определенности и неопределенности в тождественном окружении, в зависимости от установки говорящего: *Japanerna är skickliga affärsmän* «Японцы — хорошие бизнесмены» (объективная констатация общеизвестного факта) / *Japaner är skickliga affärsmän* (оценка говорящего) [SAG, 4: 109]. Характерно, что употребление обозначающих вымышленные существа имен существительных с обобщенной референцией возможно только с показателем неопределенности; ср. *Enhörningar är vanliga sagodjur* «Единороги — типичные сказочные животные», но *Katterna är vanliga sällskapsdjur* [SAG, 4: 110] «Кошек обычно заводят, чтобы не было скучно».

Существенные различия в прагматической семантике наблюдаются также при выборе между неопределенным артиклем и неопределенным

местоимением *någon*. Анализируя смысловые нюансы того или иного употребления, Л. Ю. Экерут отмечает, что выбор неопределенного артикля свидетельствует об актуальности описываемой ситуации для говорящего и возможен в том случае, когда ему, в отличие от адресата речи, известно, о каком конкретном референте идет речь: *Eva bor i en by på landet* «Ева живет в (одной) деревне». При употреблении неопределенного местоимения говорящему неизвестно или безразлично, о чем идет речь: *Eva bor i någon by på landet* «Ева живет в какой-то деревне». Употребление неопределенного артикля в вопросительном высказывании возможно при наличии эпистемического модального наречия: *Har du verkligen skjutit en älg?* [Ekerot, 1995: 175] «Ты действительно застрелил лося?». Близкая трактовка рассматриваемых различий содержится в Шведской Академической грамматике. Там, в частности, указывается на прагматические различия между вопросительными высказываниями *Står det en / någon bil därnere?* — «Внизу стоит машина / какая-нибудь машина?». Говорящий использует неопределенный артикль в том случае, если ожидает появления автомобиля, и, следовательно, содержащаяся в пропозиции информация является для него актуальной. По тем же основаниям употребление неопределенного артикля в вопросе *Har du redan köpt en julgran?* «Ты уже купил ёлку?» предполагает, что адресат речи обязательно должен сделать это [SAG, 4: 423].

Свойственное обиходно-разговорной речи эмотивное употребление неопределенного артикля с местоименной функцией в словосочетаниях с вещественными и абстрактными существительными (у которых неопределенный артикль как показатель единственного числа в принципе невозможен) и оценочными прилагательными имеет прагматические основания и передает экспрессивно выраженное субъективное отношение говорящего: *Det var mig ett smaklöst kaffe du har bryggt* [SAG, 4: 407] «Какой невкусный кофе ты мне сделал»; *Det var en sur ved du har* «Какие у тебя сырые дрова»; *De visade en påtaglig respekt för oss* [SAG, 4: 410] «Они проявили по отношению к нам какое-то особое уважение». На местоименную функцию эмотивного артикля указывает также возможность его употребления с конкретными считающимися существительными во множественном числе: *Ni betedde er som ena kvalificerade dumbommar* «Вы вели себя как настоящие дураки»; *Hon uppfostrade sina barn till ena riktiga snobbar* «Она воспитала своих детей настоящими снобами»; *Du har alltid ena konstiga kompisar med dig* «У тебя всегда какие-то странные приятели»; *Han har köpt ena äckliga blommor* [SAG, 4: 410] «Он купил какие-то отвратительные цветы».

Интересные наблюдения содержатся в статье Т. Петтерссона о категории определенности / неопределенности в шведском языке [Pettersson, 1976: 139–141]. Он рассматривает тончайшие смысловые нюансы в употреблении распространенных придаточными определительными предложениями существительных с определенным артиклем или в безартик-

левой форме после местоименного детерминатива. Как видно из предлагаемых автором статьи семантических толкований, наличие или отсутствие показателя определенности при существительном в предложениях с модальным глаголом внутреннего долженствования *måste*, который имеет омонимичные формы презенса и претерита, служит средством разграничения темпоральной отнесенности высказывания — к будущему при безартиклевом существительном или к дистантному прошлому при существительном в определенной форме: *Den gång / gången jag måste sluta med mitt pensionat* «В тот раз, когда я должен буду / должен был оставить свой пансионат». При употреблении обеих конструкций в контекстах, совпадающих по временной отнесенности, Т. Петтерссон также усматривает тончайшие прагматические нюансы, выявляющие установку субъекта речи на «внутреннюю» или «внешнюю» реальность. Употреблением безартиклевой формы маркируется привязка описываемой ситуации к моменту речи и, следовательно, её актуальность для говорящего: *Den villa som låg vid sjön var till salu* «Та самая вилла у озера была выставлена на продажу». При употреблении существительного с определенным артиклем имеет место объективная констатация факта, отчуждаемого говорящим в дистантное прошлое: *Den villan som låg vid sjön var till salu* «Та вилла у озера была выставлена на продажу». Сопоставляя высказывания *Den dagen / dag du svek mig blev jag djupt olycklig* «В тот день, когда ты предал / предал бы меня, я был / был бы глубоко несчастен», Т. Петтерссон указывает, что первое из них является констатацией отнесенного к прошлому факта, в то время как второе может быть интерпретировано только в категориях нерелевантного наклонения, допускающего употребление претеритальных форм как средств выражения гипотетичности, определяемой установкой говорящего. При отнесенности обоих вариантов конструкции с детерминативом к будущему между ними также имеются существенные различия в прагматической семантике. В высказывании с безартиклевой формой *Den dag du gör något sådant kommer jag att förakta dig* «В тот день, когда ты сделаешь нечто подобное, я стану презирать тебя» содержится указание на соотношенность темпорального ориентира с настоящим говорящего. Напротив, при употреблении идентичного высказывания с определенной формой существительного *Den dagen du gör något sådant kommer jag att förakta dig* «В тот день, когда ты делаешь нечто подобное, я начинаю презирать тебя» говорящий как бы выводит себя за пределы речевой ситуации, интерпретируя описываемое событие как уже свершившееся.

Важной областью, в которой находит проявление человеческий фактор, являются указательные местоимения. В шведском языке существует несколько способов выражения указательности; принято считать, что основные различия между ними относятся к области стилистики. Однако, как показывает материал, представленный в Шведской Акаде-

мической грамматике, употребление различных способов передачи указательности в значительной мере обусловлено установкой говорящего, направленной на выражение смысловой корреляции субъективного и объективного. Характерные для устной речи сочетания *den här, det här, de här* в определенных ситуациях могут приобретать оттенок дистанцированности, отчуждения референта «вовне», его исключения из сферы интересов или симпатий говорящего: *Så vitt jag kunde förstå följde han med i den här debatten om dödshjälp* [SAG, 4: 319] «Насколько я мог понять, он участвовал в этой дискуссии об автаназии». При таком употреблении речь идет о предметах, известных участникам коммуникативной ситуации, которые отторгаются говорящим как неприятные, неприемлемые или чуждые ему. Аналогичное наблюдение принадлежит Б. Мольде, который усматривает в ряде употреблений *den här, det här, de här* оттенок недовольства или презрения со стороны говорящего: *Jag är trött på det här ständiga käbblen* [Molde, 1992: 46] «Я устал от этих постоянных препирательств». Как подчеркивает Б. Мольде, негативный оттенок, предполагающий дистанцированность и отчуждение (*den avståndstagande bitonen*) со стороны говорящего, может проявляться в словосочетании *det här landet* «эта самая страна», что побуждает носителей языка с осторожностью относиться к такому употреблению. Для выражения эмотивно-оценочной коннотации, исходящей от субъекта речи, используются местоимения *denna, detta, dessa*: *Ack, denna sinnets ängslan, detta eviga tvivel!* «Ах, эта душевная тревога, эти вечные сомнения!»; *Å, detta helvetes regnande!* [SAG, 4: 817] «О, эти проклятые дожди!»; *Dessa evinnerliga predikningar!* «Эти вечные проповеди!»; *Å, denna förbannade dörr som alltid är så svår att få upp* [SAG, 4: 313] «О, эта проклятая дверь, которую всегда так трудно открывать». При употреблении с экспрессивно сниженной оценкой, также исходящей от субъекта речи, предпочтение отдается сочетаниям детерминатива *den* с определенной формой существительного: *den stackarn / djäveln / pratvarnen / idioten / dumbommen / skrytoxen / uslingen / skurken* [SAG, 4: 326] «этот бедняга / дьявол / болтун / идиот / дурак / хвастун / негодяй / мошенник».

Иногда противопоставление актуального для субъекта речи или, напротив, отчуждаемого, дистанцированного им вовне выявляется на периферийных участках языковой системы, в деталях, казалось бы, малозаметных и несущественных. Сюда можно, в частности, отнести использование редко встречающейся формы генитива указательного местоимения *dessas* вместо общеупотребительного притяжательного местоимения 3-го лица множественного числа *deras* в случаях, когда коррелят указательного слова не является подлежащим: *Faktiskt är lavar och mossor ett främmande släkte även i växternas egen värld. De är överlevande från förlorade urskogar och driver efter dessas undergång sin säregna utveckling vidare* «На самом деле лишайники и мхи являются чужеродным элементом даже в собственном мире растений. Они представляют

собой реликты исчезающих древних лесов и после их исчезновения продолжают свое специфическое развитие»; Essäfförfattarna fann att Sundman gestaltade en motvillig och sammansatt fascination inför stora män och dessas ondska. Däremot riktade han kritik mot de idrottsintresserade. *Dessas mentalitet* beskrivs som en blandning av infantilism och senilitet [Josephson, 2001: 19] «Авторы эссе обнаружили, что Сундман изображал невольное и неоднозначное восхищение большими мужчинами и их злостью. Напротив, он направлял критику против интересующихся спортом. Их менталитет описывается как смесь инфантилизма и сенильности». Как отмечает У. Юсефсон в небольшой заметке, опубликованной в разделе ответов на вопросы читателей журнала «Språkvård», откуда взяты приведенные примеры, употребление формы *dessas* предусматривает исключение референта из области интересов говорящего, дистанцированность и отчужденность: *Stilläget blir mer formellt och författaren signalerar distans till de företeelser eller personer som dessas syftar på* [Josephson, 2001: 19] «Стиль становится более формальным, и автор сигнализирует дистанцированность по отношению к явлениям или лицам, соотнесенным с *dessas*».

Несмотря на строгое разграничение сфер употребления возвратно-притяжательного *sin* и притяжательных местоимений 3-го лица, в шведском языке имеется пограничная область, в которой возможно их варьирование (так называемая серая зона): *Varför vill (s) driva Britta från sitt / hennes hus?* «Почему социал-демократы хотят выгнать Бритту из своего / её дома?»; *Voken handlade om Annas liv i sin / hennes älskade sommarstuga.* «В книге рассказывалось о жизни Анны в своем / её любимом дачном домике» [Språkriktighetsboken, 2005: 222]. В книге о спорных случаях шведской грамматики, из которой взяты эти примеры, отмечается, что ведущим фактором при выборе местоимения является угол зрения говорящего, своего рода перспектива, в которой представлена ситуация: либо как близкая говорящему (*närhet*) — при употреблении возвратного местоимения, либо, напротив, как дистанцированная (*distans*) — при употреблении местоимения 3-го лица. Анализируя тонкие различия в прагматике таких высказываний, авторы книги подчеркивают, что в тех случаях, когда предпочтение отдается возвратному местоимению, говорящий как бы принимает точку зрения субъекта высказывания. Так, в примере с Бриттой, который был использован как лозунг предвыборной агитации Умеренной коалиционной партии Швеции и содержал резкую критику правящей партии социалдемократов, употреблялось возвратное местоимение *sin*. Объясняя это, авторы книги пишут о факторах, влияющих на выбор местоимения, следующее: «Det är Britta det handlar om, det är henne vi ska sympatisera med, och det är henne vi ser framför oss packande sina pinaler. På samma sätt intar exempel med Anna hennes perspektiv snarare än bokens... Tvärtom kan motsvarande meningar, skrivna i enlighet med den gamla tumregeln, uppfattas som mer

distanserade. Principen här är alltså att *sin* markerar närhet och *hans / hennes* markerar distans i perspektivet, vilket kunde väntas ge utslag åt båda håll, men det uttrar sig framför allt i en ökad användning av *sin*» [Språkriktighetsboken, 2005: 222] «Речь идет именно о Бритте, мы должны испытывать симпатию именно к ней, именно она, собирающая свои пожитки, встает перед нашими глазами. Точно также пример с Анной представляет её точку зрения, а не точку зрения автора текста... Напротив, соответствующие высказывания, написанные в соответствии со старым грамматическим правилом, воспринимаются как более дистанцированные. Следовательно, основным принципом в таком случае является то, что *sin* маркирует близость, а *hans / hennes* маркирует дистанцию в интерпретации (букв. в перспективе), что, как можно было бы ожидать, проявляется в употреблении обоих вариантов, но в действительности находит проявление прежде всего в большем употреблении *sin*».

Отмеченные прагмасемантические различия, обусловленные установкой говорящего на разграничение субъективно-близкого и объективно-дистанцированного, наблюдаются также при употреблении пар лексически близких модальных наречий, имеющих различную словообразовательную структуру: *Hon hade tydligt / tydligen sett harspår* «Она *явно / , очевидно*, видела заячьи следы»; *Uppenbart / Uppenbarligen har han aldrig anslutit sig till Mussolinis vedersakare* [Wellander, 1948: 207–208] «*Открыто / Очевидно*, он никогда не принадлежал к противникам Муссолини». Ср. также: *Han var tydligt missnöjd* «Он был *явно* недоволен»; *Det är tydligt att hon inte vill* «*Ясно*, что она не хочет» / *Posten var öppnad så hon hade tydligen varit hemma* «Почта была вскрыта, так что она, *повидимому*, побывала дома»; *Han var tydligen militär eftersom han hade uniform* [Svensk ordbok, 1999: 1314] «Он, *по всей вероятности*, был военным, поскольку у него была военная форма»; *Beslutet fattades på uppenbart felaktiga grunder* «Решение было принято на *явно* ошибочных основаниях»; *Detta är ju välmående kommundelar som uppenbart har bärkraft* [Svanlund, 2001: 21] «Ведь это благополучные районы муниципалитета, которые *явно* имеют экономическую устойчивость»; *Det är uppenbart att han hade något att dölja* «Совершенно *очевидно*, что он что-то скрывал» / *Den omkomne föraren hade uppenbarligen inte observerat den mötande bilen* [Svensk ordbok, 1999: 1340] «Погибший водитель, *по всей вероятности*, не заметил встречную машину». Как отмечается в небольшой заметке Яна Сванлунда, помещенной под рубрикой «Frågor och svar» в журнале «Språkvård», в высказываниях с наречиями на *-t* содержится указание на прямое восприятие описываемой ситуации субъектом речи и / или непосредственно полученное им знание о положении дел. Напротив, в высказываниях с наречиями на *-ligen* передается косвенное умозаключение субъекта речи: *Uppenbarligen* signalerar ofta en mer indirekt slutsats, medan *uppenbart* markerar något som har skådats direkt av talaren / skribenten eller kan beskådas av alla och envar... Poängen

är snarast skillnaden mellan direkt tillgänglig kunskap och indirekta slutsatser [Svanlund, 2001: 20] «*Uppenbarligen* часто указывает на более косвенное умозаключение, в то время как *uppenbart* указывает на то, что непосредственно наблюдал субъект речи / автор текста или на то, что доступно наблюдению любого и каждого... Их специфика, скорее всего, состоит в различии между прямо полученным знанием о положении дел и косвенным умозаключением».

Таким образом, одним из важных проявлений человеческого фактора в шведском языке является передаваемое различными средствами противопоставление того, что представляется говорящим сквозь призму собственного восприятия как субъективный взгляд на положение дел, и того, что дистанцируется им во внешнюю реальность и представляется как объективный взгляд на вещи.

Функционально-семантические аспекты вариативности в современном шведском языке

1. Парадигматическая вариативность словоизменительных форм

Некоторые глаголы в шведском языке имеют вариативные формы претерита (иногда также и супина), образованные как по сильному, так и по слабому спряжению; это обусловлено историческими процессами перехода ряда глаголов как из сильного в слабое, так и из слабого в сильное спряжение [Wessén, 1951: 155–156]. В современном шведском языке наблюдается тенденция к семантизации словоизменительных вариантов, которая имеет различные проявления и различную степень закрепленности в системе и норме. Выбор словоизменительной формы может быть обусловлен лексико-семантическим вариантом значения по линии переходности / непереходности; это характерно для глаголов *svälta* — vi «голодать»; vt «морить голодом»; *smälta* — vi «таять»; vt «растоплять»; *frysa* — vi «мерзнуть»; vt «замораживать»; формы презенса у этих глаголов совпадают.

Соотношение между вариантами может быть различным.

1. В непереходном значении глагол имеет только форму с аблаутом, в то время как в переходном, по данным Шведской Академической грамматики, допускается варьирование по сильному и слабому 2 спряжению: Vi *frös* i snålblåsten «Мы *мерзли* на пронизывающем ветру» // Vi *fryste* / *frös* fem kilo jordgubbar «Мы *заморозили* пять килограмм клубники»; Efter första världskriget *svalt* många i Sverige «После первой мировой войны многие в Швеции *голодали*» // Cecilia och Rebecka *svälte* / *svalt* sig till skuggor «Сесилия и Ребекка так *заморили себя голодом*, что превратились в тени» [SAG, 2: 577]. Показательно, что современные толковые словари шведского языка не фиксируют вариативность для переходных глагольных лексем и относят их к слабому 2 спряжению: Många *svälte* sina döttrar för att de skulle bli så attraktiva som möjligt [Svenskt språkbruk, 2003: 1164] «Многие *морили* своих дочерей *голодом*, чтобы те стали как можно более привлекательными». Вероятно, указанное расхождение между ориентированным на норму словарем и Шведской Академической грамматикой, в которой зафиксированы также диалектные и региональные особенности, свидетельствует о том, что норма и узус находятся в отношении неустойчивого равновесия.

2. При непереходном употреблении наблюдается вариативность словоизменительных форм по слабому / (реже) сильному спряжению, в то время как переходный глагол имеет только слабую форму: Glassen *har smält* / *smultit* «Мороженое *растаяло*» // Jag *har smält* smöret «Я *растопила масло*» [SAG, 2: 577].

У некоторых слабых глаголов 1 спряжения использование форм с аблаутом может служить для разграничения прямого (по слабому типу) и переносного (по сильному типу) значений: *Det klickade till i låset* «В замке что-то щелкнуло» // *Det klack till i honom* «Внутри у него что-то ёкнуло» [SAG, 2: 575].

Встречаются также случаи:

а) со слабой формой в прямом употреблении и вариативностью в переносном: *Han stupade i kriget* «Он *погиб* на войне» // *Per stupade i stöpsäng* «Пер *рухнул* в постель» [SAG, 2: 575];

б) с варьированием в прямом употреблении глагольной лексемы и сильным спряжением в переносном: *Det rykte i skorstenen* «Из трубы *шел дым*» // *Där rök min sista tia* «Там *испарилась* моя последняя десятка» [SAG, 2: 577].

У глагола *sluta* (который в древнешведском языке был слабым) и его производных наблюдается вариативность словоизменения, обусловленная лексико-семантическими различиями. Так, глагол *besluta* спрягается как сильный (*besluter, beslöt, beslutit*) в значении «решить(ся) сделать что-н.» и как слабый (*beslutar, beslutade, beslutat*) в значении «принять решение» (обычно в формальной ситуации). Вместе с тем в современном шведском языке можно наблюдать результат «преодоления» вариативности, когда глаголы, образованные от одной лексемы, разошлись и по лексическому значению, и по морфологической принадлежности сильному или слабому спряжению. Сюда относится, в частности, глагол *avsluta*, который спрягается как слабый 1 класса в значении «закончить, завершить» и как сильный в значении «заклЮчить (договор, соглашение)». Ср.: *Kommittén avslutade sitt arbete* «Комитет *завершил* свою работу» // *Parterna avslöt ett fördrag* «Стороны *заклЮчили* соглашение» [SAG, 2: 575]. С глаголом *sluta* картина более пестрая; он спрягается преимущественно как слабый в значениях «закончить; закончиться» и как сильный в значениях «закрЮть; заклЮчить; завершить»: *Med dessa ord slutade han sitt tal* «Этими словами он *закончил* свою речь» // *Skicka gärna en tia, slöt han brevet* «Пожалуйста, пришли десятку, *написал* он в заклЮчение письма» [SAG, 2: 575].

2. Вариативность употребления различных словоизменительных форм одной части речи

В шведской разговорной речи в течение долгого времени устойчиво держится употребление издавна отмечавшейся в диалектах конструкции с двойным супином (*dubbelsupinum*). Она встречается в сложном глагольном сказуемом с формами плюсквамперфекта или перфектного инфинитива неполнозначных глаголов — чаще всего модального глагола *kunna* «мочь, иметь возможность», реже таких, как *behöva* «иметь необходимость», *bruka* «иметь обыкновение», *böra* «нужно, следует», *hinna* «успевать», *orka* «быть в состоянии, иметь физическую возмож-

ность», *råka* «сделать что-либо случайно», *tänka* «собираться сделать что-либо», *vilja* «хотеть», *våga* «иметь смелость, осмелиться», которые в соответствии с грамматической нормой требуют употребления инфинитива: *Det hade du kunnat sagt förut* [Wellander, 1948: 277] «Ты мог бы сказать это раньше»; *Jag hade kunnat sökt mig till de svaga* [Hultman, 2003: 231] «Я мог бы присоединиться к слабым»; *Hade det inte varit för ett olyckligt bensinstopp i ledningen på väg till depån hade sjätteplatsen kunnat varit något betydligt bättre* [Språkriktighetsboken, 2005: 321] «Если бы этого не произошло из-за прекращения подачи бензина по дороге на склад, результат мог бы быть значительно лучше, чем седьмое место».

Несмотря на то, что такое употребление допускается только в устной речи, в последнее время авторитетные шведские лингвисты обратили внимание на то, что устойчивость конструкции с двойным супином может быть связана с семантизацией для передачи перфективно-результативного значения. Впервые на это обратила внимание в одной из своих статей Маргарета Вестман; она связывала различия в употреблении конструкций с двойным супином и с инфинитивом после супина в составе форм перфектного ряда с возможностью постановки различных обстоятельств: *Jag hade kunnat göra det i åtminstone två timmar* «Я мог бы делать это по крайней мере в течение двух часов», но *Jag hade kunnat gjort det på två timmar* «Я бы смог сделать это за два часа» [Westman, 2001: 16]. Аналогичные наблюдения содержатся в новой книге о спорных случаях шведской грамматики: *Jag hade kunnat cykla vid det här laget, om jag bara kunde tränat ordentligt* «Я бы к этому времени умел (научился) кататься на велосипеде, если бы тренировался как следует», но *Jag hade kunnat cyklat till jobbet i morse, om jag bara hade startat tidigare* «Я смог бы доехать до работы на велосипеде сегодня утром, если бы выехал пораньше» [Språkriktighetsboken, 2005: 323]. Синтаксическим фоном для перфективно-результативного значения конструкции с двойным супином служит перфективно-результативная конструкция с глаголом *få* «получать» (не обязательно в форме с супином) и супином переходных предельных глаголов: *Han har fått uträttat mycket på kort tid* [Språkriktighetsboken, 2005: 323] «Он много сделал за короткое время». Кроме того, в синтаксисе разговорной речи двойной супин проявляет сходство с псевдосочинительной конструкцией: *Han hade inte börjat och målat huset ännu* [Språkriktighetsboken, 2005: 323] «Он еще не начал красить дом», вместо нормативно принятого сочетания фазового глагола с инфинитивом: *Han hade inte börjat måla huset ännu*.

3. Вариативность служебных слов с близкой семантикой

Ни одна работа по нормативной грамматике и стилистике шведского языка не обходит стороной наблюдаемую в течение длительного времени вариативность в употреблении темпорального предлога *före* «перед» и подчинительного союза *innan* «прежде чем» (наречия по проис-

хождению, которое в древнешведском языке имело также предложную функцию) [Wessén, 1965: 86]¹. Шведские языковеды обращали внимание на то, что *innan* чаще встречается в предложной функции со словами, в лексическом значении которых содержится указание на определенный момент или период времени: *innan klockan åtta* «до восьми часов», *innan kvällen* «до вечера», *innan den första maj* «до первого мая», *innan sommaren* «до лета» [Чекалина, 2002: 184]. Однако встречается употребление и с другими существительными: *innan resan till Göteborg* «до поездки в Гетеборг», *innan middagen* «до обеда». У М. Вестман содержится интересное наблюдение о тонких различиях в семантике обстоятельств *c före* и *innan* — в то время как предлог *före* обозначает непосредственно предшествование и является в этом плане антонимом предлога *efter*, *innan* в предложной функции акцентирует внимание на последовательности событий «до и после» [Westman, 2001: 17]. В известном смысле семантическое различие между *före* и *innan* в словосочетаниях со значением предшествования проявляет сходство с русскими предлогами «перед» и «до». Показательно, что *före*, как и русский предлог «перед», употребляется в обстоятельственной функции не со всеми существительными. Так, по-шведски вряд ли можно сказать *före kvällen*, также как по-русски нельзя сказать «перед вечером». Разумеется, отношение между ними не является однозначным, поскольку русский предлог «перед» имеет и пространственное употребление, что не свойственно *före*.

4. Вариативность морфологической структуры слова в композитах

В плане семантической дифференциации морфологической вариативности представляет интерес сосуществование двух моделей образования сложных слов с идентичными первыми компонентами *gata* «улица» и *kyrka* «церковь», обладающими высокой степенью продуктивности. Они образуют композиты различной морфологической структуры — с соединительным гласным *u-* / *o-*, восходящим к показателю генитива основ женского рода слабого склонения, и без него; число тех и других образований, по данным словарей, примерно одинаково. Анализ материала позволяет, хотя и с известной осторожностью, предположить, что в большинстве случаев композиты различной морфологической структуры различаются по характеру смысловой связи между компонентами. При наличии соединительной морфемы в значении композита содержится идея неотъемлемой «внутренней» принадлежности денотата второго компонента первому, свойственной ему как бы априорно, по логике вещей. Для композитов без соединительного гласного характерна скорее внешняя (или, вернее, как бы привнесенная извне), «вторичная»

¹ См. об этом [Чекалина, 2002: 150].

связь между денотатами компонентов, образующих новое понятие. Ср., например, *gatukors* «перекресток» (который неизбежно возникает на пересечении улиц) и *gatuplan* «первый этаж» (также обязательно имеющийся в здании, состоящем из нескольких этажей), но *gadflicka* «уличная девка», *gatpojke* «уличный мальчишка», *gatlykta* «уличный фонарь», *gatsopare* «подметальщик улиц». Подтверждением предлагаемой трактовки может служить наличие двух композитов различной структуры с идентичными первым и вторым компонентами, имеющих принципиально различные денотаты: *kyrkogång* с двумя значениями — «посещение церкви; введение женщины в храм после рождения ребенка» и *kyrkgång* «проход в церкви между рядами скамеек». Аналогичные пары компонентов с различной семантической структурой имеются и для других слов с первым компонентом *kyrk(o)*: *kyrkogård* «кладбище», *kyrkoherde* «пастор», *kyrkolatin* «церковная латынь», *kyrkomusik* «церковная музыка», но *kyrkråtta* «церковная крыса», *kyrksilver* «церковное серебро» и другие. Важно подчеркнуть, что модель композита не обусловлена временем его письменной фиксации. Так, многие композиты с соединительным гласным появились в шведском языке в XIX веке: *gatubeläggning* «уличное покрытие» 1834; *gatuförsäljare* «уличный торговец», *gatuplan* «нижний этаж» 1889 — и даже во второй половине XX века: *gatukontor* «муниципальная служба, отвечающая за содержание улиц и дорог» 1950; *gatukök* «уличный киоск, где можно купить горячую пищу» 1965; *gatubarn* «беспризорник», букв. «дитя улицы» 1984².

В то же время многие композиты без соединительного гласного являются значительно более ранними образованиями, например: *kyrkbacke* «открытое пространство перед церковью» (в сельской местности), *kyrkby* «село, в котором имеется церковь» 1520; *kyrktorn* «колокольня; церковная башня» 1522; *kyrkklocka* «часы на церковной башне» 1530; *kyrkbänk* «церковная скамья» 1538; *kyrkbåt* «лодка, на которой прихожане ездили в церковь» 1615.

Отмеченные смысловые различия не всегда четко видны, поскольку словообразование как лексический процесс не является облигаторным. Так, среди композитов с компонентом *kyrk(o)* имеются варианты, образованные по обоим моделям: *kyrk(o)bibel* «церковная Библия»; *kyrk(o)bok* «церковная книга»; *kyrk(o)bokföring* «запись в церковной книге»; *kyrk(o)tagning* «введение женщины в храм после рождения ребенка»; *kyrk(o)besök* «посещение церкви».

Имеются также структурно различные композиты, у которых расхождения в смысловом содержании не столь заметны. Незначительные нюансы можно усмотреть и при сравнении таких пар композитов, как *kyrkoherde* «пастор» и *kyrkvård* «церковный староста», *kyrkorum* «цер-

² Даты первой письменной фиксации приводятся по данным словаря Шведской Национальной энциклопедии [NO].

ковное помещение» и *kyrksal* «зал для богослужений, находящийся не в церкви». В слове *gatuförsäljare* «уличный торговец» содержится обозначение свойства (какой торговец), в то время как в композитах *bil-*, *glass-*, *tavelförsäljare* «продавец автомобилей, мороженого, картин» имеет место объектная связь между компонентами (продавец чего). Нельзя полностью исключить и влияние фонотактики; ср. *gatubelysning* «уличное освещение» и *gatlykta* «уличный фонарь»; *gatubeläggning* «уличное покрытие» и *gatläggning* «мощение улиц». Однако представляется, что этот фактор является вторичным.

Рассмотренные на материале различных частей речи примеры из шведского языка показывают, что морфологическая вариативность нередко сопровождается семантической дифференциацией языковых средств, напоминая о том, что «язык не живет своей особой жизнью или помимо жизни говорящих» [Косериу, 1963: 149].

Семантический потенциал категории рода в современном шведском языке

Не подлежит сомнению, что человеку, говорящему на одном из ариоевропейских языков, род напоминает о себе непрерывно и беспрестанно.

И.А. Бодуэн де Куртене. Из конспекта рефератов, прочитанных в заседании лингвистической секции Неофилологического общества при Санкт-Петербургском университете 15-го марта 1900 г.

Грамматический род — это трудноизлечимое хроническое заболевание языка.

Э. Тегнер. Om genus i svenskan.

Известно, что в языках, имеющих лексиконный род, так или иначе реализуется семантический потенциал родовой дифференциации [Виноградов, 1938; Смирницкая, 2004]. Однако взаимодействие грамматики и семантики рода происходит по-разному и приводит к различным результатам, в зависимости от особенностей их системного устройства. Это в полной мере относится и к шведскому языку, в котором сложилась двучленная родовая система по преобладающей в континентальных скандинавских языках модели **общий / средний род** как лексико-грамматическая категория существительных и согласовательная морфологическая категория прилагательных и адъективных местоимений.

В XIV–XV вв. в условиях сильного нижненемецкого и датского влияния в шведском языке произошла кардинальная перестройка именного склонения, в результате которой исчезли морфологические различия между существительными мужского и женского рода и произошло их парадигматическое слияние в общий род [Wessén, 1951: 149–150; Стеблин-Каменский, 1953: 200; Pettersson, 1996: 154–155]. Устойчивости среднего рода способствовала формальная маркированность особым способом образования множественного числа посредством нулевого показателя [Кузьменко, 1998: 25]. Одновременно были устранены морфологические признаки, различавшие существительные мужского и женского рода в агглютинативных показателях определенности и в согласовательных показателях свободностоящих неопределенного и определенного артиклей, а также сильной формы прилагательных и других адъективных слов. Стирание морфологических различий между мужским и женским родом способствовало установлению однозначной формальной корреляции по трем параметрам [Кузьменко, 1998: 22]:

1) **род / артикль:** общий род — неопределенная форма единственного числа **en** vit björk «белая береза» / определенная форма единственного числа **den** vita björken; средний род — неопределенная форма единственного числа **ett** vitt bord «белый стол» / определенная форма единственного числа **det** vita bordet;

2) **род / форма сильного прилагательного** и других адъективных частей речи: общий род — **en** vit björk / **min** vita björk «моя белая береза»; средний род — **ett** vitt bord / **mitt** vita bord «мой белый стол»;

3) **род / число:** общий род множественное число — неопределенная форма **vita björkar** / определенная форма **de** vita björkarna «белые березы»; средний род множественное число — неопределенная форма **vita bord + 0** / определенная форма **de** vita borden «белые столы»¹.

Родовая принадлежность существительных стала играть ведущую роль в их словоизменении — как при образовании множественного числа, так и при выборе постпозитивного и отдельно стоящих неопределенного и определенного артиклей. Таким образом, перестройка именного склонения привела к установлению большей однозначности парадигматического выражения родовых различий в морфологической структуре самих существительных и образуемых ими словосочетаний.

Вместе с тем в недрах парадигматической перестройки шведского именного склонения были заложены механизмы неизбежно сопровождающих грамматику рода семантических преобразований. Одним из её важнейших последствий стало изменение функционально-семантического статуса местоимений 3 лица **han** «он» / **hon** «она» / **det** «оно», служивших ранее анафорическими показателями лексико-грамматического рода существительных [Andersson, 1979: 44]. Это привело к преобразованию системы анафорических местоимений **из трехчленной в четырехчленную** в связи с включением в неё указательного **den**, по аналогии с **det**, в новой функции анафорического местоимения **предметного общего рода**².

Анафорическое предметное местоимение общего рода **den**, симметричное предметному местоимению среднего рода **det**, заполнило не только грамматическую, но и семантическую лауну, обусловленную

¹ В современном шведском языке имеет место вариативность показателей множественного числа существительных как общего (-or, -ar, -er, -r), так и среднего рода (0, -n), в зависимости от морфологической структуры и исхода основы.

² Утверждение указательного местоимения **den** в новой для него анафорической функции имело длительную историю, в которой отразилось сложное переплетение внутрисистемных и социокультурных факторов языкового изменения, включая иноязычное влияние и деятельность шведских нормализаторов. Об этом подробно и увлекательно рассказано выдающимся шведским лингвистом Э. Тегнером в книге «О роде в шведском языке», первое издание которой вышло в 1892 г.

системной перестройкой родовой дифференциации. При анафоре местоимения мужского и женского рода 3 лица единственного числа *han / hon* утратили функцию указания на парадигматический род, сохранив лишь семантическую функцию указания на лицо. Одновременно с этим произошло функциональное «расщепление» *den / det*; при анафоре указание на принадлежность к семантическому предметному роду стало служить выражением общего или среднего рода существительного. В то же время в функции указательных местоимений и свободностоящих определенных артиклей в составе именных словосочетаний они используются только как формальные показатели рода всех существительных — как личных, так и предметных: **den flickan** «(э)та девочка» — **den boken** «(э)та книга»; **det barnet** «(э)тот ребенок» — **det huset** «(э)тот дом»; **den lilla flickan** «маленькая девочка» — **den lilla boken** «маленькая книжечка»; **det lilla barnet** «маленький ребенок» — **det lilla huset** «маленький домик».

Включение *den*, наряду с *han*, *hon*, *det*, в систему анафорических местоимений привело к превращению скрытого в лексическом значении существительных противопоставления бинарных именных классов по признакам одушевленности — неодушевленности, характеризующим денотаты, в противопоставление по признакам личности / неличности, характеризующим субстантивные корреляты, т.е. сами существительные³.

Таким образом, категория одушевленности / неодушевленности сузилась до категории личности / неличности, для выражения которой, наряду с анафорическими местоимениями, составляющими ее ядро, используется функционально-семантический потенциал словоизменительных показателей в морфологической структуре всех именных частей речи — существительных, прилагательных, местоимений и первых двух порядковых числительных (см. ниже). В шведском языке фактически появилась **новая лексико-грамматическая категория**, поскольку замещение местоимениями третьего лица *han* и *hon* стало обязательным только при обозначении лиц, для которых биологический пол является необходимым атрибутом социальной характеристики. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что при замещении собирательных существительных для обозначения лиц используются предметные местоимения общего и среднего рода *den / det*. Большая часть таких слов относится к общему роду, например: *allmoge* «крестьянство»; *besättning* «экипаж, команда, гарнизон»; *församling* «собрание (людей), приход, паства»; *kår* «(объединенная общим социальным статусом) группа лиц, (дипломатический) корпус»; *personal* «персонал, сотрудники, штат». Существительных среднего рода значительно меньше: *lag* «спортивная коман-

³ О специфике этих категорий см. [Кацнельсон, 2002: 22–24; Ельмслев, 1972: 114–152].

да, бригада»; gäng «компания, группа (при сниженном употреблении), банда»⁴.

Местоименное замещение названий «безличных» живых существ также происходит в шведском литературном языке с помощью предметных местоимений общего или среднего рода (кроме случаев персонификации): en geting «оса», en fluga «муха» — den; ett bi «пчела», ett sto «кобыла» — det [Teleman, 1995: 111]. В диалектно окрашенной речи сохраняется замещение зоонимов общего рода по старой трехродовой системе: en gås «гусь», en mus «мышь» — hon, en snok «уж», en hök «ястреб» — han [SAG, 2: 278].

В выражении лексико-грамматической категории личности / неличности участвуют также согласовательные показатели некоторых адъективных местоимений при субстантивном употреблении: Någon / Något ligger i buskarna [Andersson, 1979: 30] «Кто-то / Что-то лежит в кустах»; Ingen är profet i sitt fädernesland «Нет пророка в своем отечестве»; Inget oroar dem så som ovissheten «Ничто не беспокоит их так, как неопределенность» [SO, 1999: 513].

Одним из средств, участвующих в выражении новой категории, стали композиты с дейктическими наречиями här «здесь» / där «там» и предлогами (не являющиеся полностью симметричными друг другу) — härmed, härvid, därav, därefter и другие. Они употребляются вместо сочетаний предметного местоимения среднего рода с предлогами при обозначении абстрактных понятий. Тем самым в шведском языке сложилась особая характеризующаяся асимметрией трехкомпонентная лексико-грамматическая микросистема, на что первым обратил внимание Э. Тегнер [Tegnér, 1962: 207]:

1) предложные словосочетания:

а) с личными местоимениями мужского и женского рода в объектном падеже — med honom «с ним», av henne «от нее» и другие;

б) с местоимениями общего и среднего рода при анафорическом замещении конкретных существительных с предметной семантикой — med den / det, av den / det;

2) наречно-предложные композиты с дейктическим компонентом, выражающие соотнесенность с абстрактными понятиями — härmed «этим, при этом», härav «из этого, от этого»; därmed «тем самым», därav «из того»; см. подробнее [Andersson, 1979: 43–44].

Взаимодействие грамматики и семантики рода имеет различные проявления и находит выражение в словоизменительной морфологии, синтаксисе и словообразовании современного шведского языка.

⁴ Семантика этого слова подтверждает наблюдения О. Есперсена об употреблении одушевленных существительных среднего рода применительно к живым существам с пейоративным оттенком пренебрежительной оценки; так, в датском языке, как и в шведском, многие слова бранного характера относятся к среднему роду [Есперсен, 1958: 279–280].

1. Функционально-семантический потенциал согласовательных показателей рода при субстантивации

Согласовательные показатели рода (и числа в случае общего рода) используются для выражения лексико-грамматической категории личности / неличности при частичной субстантивации прилагательных. Однако функционально-семантический потенциал морфологических показателей сильных и слабых прилагательных общего и среднего рода реализуется по-разному. Прилагательные в форме общего рода при субстантивации всегда обозначают лицо⁵.

В случае обобщенной референции, которая может быть как определенной, так и неопределенной, используются и сильная (с неопределенным артиклем или без него), и слабая форма прилагательного (всегда со свободностоящим определенным артиклем): De har fått **en liten** [Thorell, 1973: 71] «У них родился маленький (мальш)» (такое употребление не является эллипсисом, поскольку существительное ett (litet) barn «(маленький) ребенок» относится к среднему роду); Om **en sjuk** och **en frisk** står i kö, äger **den sjuke** förtursrätt [Widmark, 1992: 38] «Если больной и здоровый (пациент) ожидают в очереди, преимуществом пользуется больной». В субстантивации участвуют и другие прилагательные, в лексическом значении которых содержится указание на отнесенность признака к лицу: (**en**) *anhörig* «близкий (человек)», *bekant* «знакомый», *borgerlig* «правый (по политическим взглядам)», *handikappad* «инвалид», *obehörig* «посторонний», *skattskyldig* «налогоплательщик», *vit* «белый (представитель белой расы; белогвардеец; шахматист, играющий белыми фигурами)», *värnpliktig* «военнообязанный» [SAG, 2: 218].

При употреблении сильной формы артикль является факультативным; возможно, в некоторых случаях имеет место, скорее, эллипсис, а граница между синтаксическим явлением контекстуального или ситуативного пропуска и частичной субстантивацией подвижна: **Rattonykter** orsakade olycka «Пьяный за рулем стал причиной аварии»; **Uppgifterna** får inte lämnas till **obehörig** «Сведения нельзя предоставлять посторонним» [SAG, 3: 54]; **Vit** öppnar spelet [Thorell, 1973: 72] «Белые начинают игру» (букв. «белый»; имеется в виду играющий белыми фигурами шахматист, а не шахматные фигуры, как в русском переводе)⁶.

⁵ В русском языке есть неодушевленные существительные, образованные в результате субстантивации прилагательных как мужского, так и женского рода, хотя их немного: *золотой*; *кривая*, *столовая*, *посевная*. Это обусловлено трехродовой системой именного склонения, а также тем, что парадигматические показатели существительных мужского и женского рода участвуют в выражении категории одушевленности (при обозначении лиц и животных) / неодушевленности [Виноградов, 1938: 41].

⁶ В русском языке субстантивация прилагательного в форме единственного числа в данном случае невозможна именно в силу того, что парадигматика родовой дифференциации базируется на трехчленной системе, ядро которой со-

При конкретной референции субстантивация происходит только в слабой форме прилагательного в сочетании с облигативным определенным свободностоящим артиклем. В орбиту парадигматических средств, используемых при субстантивации, вовлечен также вариативный показатель слабой формы прилагательного -e, который в древне- и среднешведский период употреблялся в слабой форме прилагательных мужского рода [Wessén, 1951: 104]. Естественно, что его семантический потенциал еще до преобразования трехродовой системы использовался при лексикализации устойчивых сочетаний с именами собственными и постоянными эпитетами в постпозиции, как и соответствующие родовые показатели прилагательных в русском языке, что хорошо видно из переводов⁷: Karl **den** store «Карл Великий», Erik **den** helige «Эрик Святой» — Katarina **den** stora «Екатерина Великая», Maria **den** blodiga «Мария Кровавая».

Таким образом, окончания -e / -a приобрели статус устойчивых морфологических показателей семантического мужского и женского рода, близких к словообразовательным. Этому способствовало аналогичное различие в исходе основ существительных мужского и женского рода слабого склонения (например, make «супруг» — maka «супруга», gubbe «старик» — gumma «старуха», han(n)e «самец» — hona «самка»), в том числе фонетически идентичных имен собственных: Helge — Helga, Tore — Tora⁸.

Окончание -e является также лексически закрепленным в составе устойчивых словосочетаний с порядковыми числительными *förste* и *andre*, которые используются при обозначении должностей и профессий, бывших прежде исключительно мужскими: *förste* byråsekreterare «первый секретарь»; *förste* amanuens, arkivarie, bibliotekarie, kammarskrivare «старший ассистент, библиотекарь, бухгалтер»; *förste*

ставляет дихотомия мужского и женского рода. Таким образом, даже из фрагментарного сопоставления видно, что грамматика рода существенно влияет на семантизацию его парадигматических показателей.

⁷ В русском языке «в случае прилагательного, словоформы ‘больной’ и ‘больная’ представляют две формы одного слова, различающиеся по линии категории рода. При субстантивации же образуются два слова — ‘больной’ и ‘больная’, т.е. одно прилагательное оказывается базой для образования двух существительных. Категория рода при этом из грамматической превращается в лексико-грамматическую (выделено мною. — Е. Ч.). В некоторых случаях субстантивированное прилагательное может очень далеко отойти от исходного слова, что проявляется хотя бы в отсутствии у этого слова парности по роду: ср., например, ‘капризная больная’ — ‘капризный больной’, но ‘большая столовая’ (где соответствующего существительного мужского или среднего рода нет)» [Смирницкий, 1959: 154].

⁸ Э. Андерссон называет участие показателей слабой формы прилагательных и исхода основ существительных мужского и женского рода слабого склонения морфосемантическим фактором [Andersson, 1979: 41].

gästdirigent, intendent, konsertmästare «главный приглашенный дирижер, хранитель, концертмейстер»; **andre** ambassadörsekreterare, vice ordörande, styрман «второй секретарь посольства, заместитель председателя, штурман» и другие [Språkriktighetsboken, 2005: 93]. В современном шведском языке они регулярно используются и применительно к женщинам; это свидетельствует о том, что при указании на социальный статус лица морфема *-e* получила новую функцию показателя семантического общего рода: 1970 blev hon **förste intendent** för avdelningen [SAG, 1999: 2, 204] «В 1970 году она стала главным хранителем отдела». При обычном употреблении тех же порядковых числительных со свободностоящим артиклем и существительным, обозначающим конкретное лицо женского пола, они получают окончание *-a*: Hon var den **första bibliotekarie** som anställdes vid det nya huvudbiblioteket [Språkriktighetsboken, 1995: 93] «Она была первым библиотекарем, принятым на работу в основной отдел (библиотеки)».

Таким образом, при субстантивации показатель *-e* выражает категорию лица и может выполнять не одну, а две функции:

а) семантического мужского рода (в случае конкретной референции): **Den** vackre satt och stirrade ner i glaset [SAG, 2: 224] «Красавец сидел, уставившись в рюмку»;

б) семантического общего рода (обобщенного лица) при отсутствии указания на пол: **Den** händige behöver ingen hjälp [там же] «Умелому помощь не нужна».

Морфема *-a* в слабой форме прилагательного при субстантивации выступает только показателем семантического женского рода: **den sjuka** «больная», **den dömda** «осужденная», **den nyfödda** «новорожденная» [SAG, 2: 223]; ср. **Den** sjuke / **Den** sjuka måste få snabb läkarhjälp [Hultman, 2003: 88] «Больной должен / Больная должна получить быструю помощь врача».

В результате сужения грамматических функций показателя *-e* в слабой форме прилагательных и понижения его статуса от грамматически облигаторного к вариативному расширился его функционально-семантический потенциал; см. подробнее [Чекалина, 2008]. Об этом свидетельствует, в частности, не связанное с субстантивацией использование его при разграничении лексико-семантических вариантов лицо / предмет у отдельных существительных с суффиксом *-are*, изначально имевших только значение имен лица⁹: **den nye mottagaren** «новый приемщик» / **den nya mottagaren** «новый (радио)приемник»; **den nye skrivaren** «новый писарь (переписчик)» / **den nya skrivaren** «новый принтер»; **den uppmärksamme läsaren** «внимательный читатель» / **den optiska läsaren** «оптический сканер» [Hellberg, 1984: 45; Språkriktighetsboken, 2005: 95].

⁹ О продуктивности и расширении семантики этого суффикса в современном шведском языке см. [Мокин, 2011].

Только при субстантивации прилагательных в форме общего рода возможно образование множественного числа: (**En**) Skattskyldig / Skattskyldiga som bara har folkpension påförs inte någon skatt «Налогоплательщик / Налогоплательщики, которые получают только базовую пенсию, не облагаются налогом»; Vården av alla gamla, sjuka och handikappade i hemmen «Уход за всеми престарелыми, больными и инвалидами на дому» [SAG, 2: 218]; **De blinda** bildar en förening «Слепые создают свое общество» [Thorell, 1973: 71]¹⁰.

При субстантивации прилагательных среднего рода семантические различия между сильной и слабой формами носят иной характер. Сильной формой среднего рода передается вещественно-собирательное значение недискретного предметного множества: Hon bjuder alltid på **hembakat** «Она всегда угощает домашней выпечкой»; **Grönt** är bra för ögonen «Зеленый цвет полезен для глаз»; Hon älskar **blått** «Она любит синий цвет»; Han lönade **ont** med **gott** «Он отплатил за зло добром» [SAG, 2: 224]; Du gör **svart** till **vitt** «Ты выдаешь черное за белое» [Thorell, 1973: 72]; **Rött** är sött «Красное симпатично»; **Gult** är fult «Желтое некрасиво»; **Grönt** är skönt «Зеленое красиво» [Hultman, 2003: 88]. В таких случаях субстантивация может поддерживаться неопределенным местоимением в форме среднего рода: Ta på dig **något gammalt** «Надень что-нибудь старое» [SAG, 2: 224]; Bruden ska ha **något gammalt, något nytt, något lånat, något blått** «На невесте должно быть что-нибудь старое, что-нибудь новое, что-нибудь чужое, что-нибудь голубое» [Hultman, 2003: 88].

Субстантивированные прилагательные в слабой форме среднего рода имеют вещественное или абстрактное значение¹¹: Du ska inte ta så mycket av **det gula** «Не надо брать так много желтого»; Är det någon som har sopat upp **det äckliga**? «Кто-нибудь подмел эту гадость?» [SAG, 2: 224]; Hon verkar i **det tysta** «Она действует молча»; Och varför försöka hindra **det oundvikliga**? «А зачем пытаться предотвратить неизбежное?»

¹⁰ А.М. Пешковский обратил внимание на сужение в русском языке значения субстантивированного прилагательного до обозначения лица, по сравнению с исходным «полнозначным»: «Слепыми могут быть и люди, и животные, но убежище для слепых имеет в виду т о л ь к о людей, и это значение заключено здесь в самом слове *слепой* без подразумевания слова *люди*. Когда же *слепой* обозначает н е ч е л о в е к а, становится обязательным прибавление существительного: *убежище для слепых животных*. В этом и заключается отличие субстантивирования от простого опущения существительного» [Пешковский, 2001: 151]. В контексте нашего изложения важно подчеркнуть, что при субстантивации с помощью морфологических показателей мужского и женского рода как в русском, так и в шведском языке обязательно реализуется семантический потенциал лексико-грамматической категории лица.

¹¹ Ср. замечание В.В. Виноградова о том, что в русском языке в подобных случаях семантика среднего рода выражается в «беспредметности» [Виноградов, 1938: 35].

Det negativa i utvecklingen ska inte överdrivas «Негативное в этой тенденции не следует преувеличивать» [Thorell, 1973: 71].

Таким образом, при выборе парадигматических показателей субстантивации заметная роль принадлежит лексическому значению прилагательного. Отметим, что слабая форма прилагательных с абстрактной семантикой используется при субстантивации в тех случаях, когда показатель среднего рода в морфологической структуре сильной формы прилагательного совпадает с материально тождественным показателем образованного от него наречия; ср., например: *oundvikligt* «неизбежно», *negativt* «негативно, отрицательно». Формы множественного числа невозможны, что обусловлено вещественно-абстрактной семантикой среднего рода.

2. Семантическое согласование предикатива с подлежащим, выраженным существительными общего и среднего рода

Выражение категории лица морфологическими средствами наблюдается при семантическом согласовании существительных среднего рода (таких как *ett barn* «ребенок», *sändebud* «посланник, посыльный», *tidningsbud* «разносчик газет», *biträde* «помощник», *affärsbiträde* «продавец-консультант», *ritbiträde* «чертежник», *sjukvårdsbiträde* «санитар(ка)», *ombud* «представитель, уполномоченный», *statsråd* «министр», *kommunalråd* «муниципальный советник», *vittne* «свидетель») с предикативом в форме общего рода, хотя такое употребление является факультативным¹²: *Regeringsrådet är sjuk* «Член Верховного административного суда болен»; *Vårt dagbarn är sömnig på morgnarna* «По утрам ребенок, которого приводят к нам на день, всегда хочет спать» [SAG, 2: 226–227]; *Vittnet, som idag är 22 år gammal(t), är inte beredd (berett) att svara på alla polisens frågor* «Свидетель, которому сейчас 22 года, не готов ответить на все вопросы полиции» [Språkriktighetsboken, 1995: 247]; *Nya kommunalrådet är gammal i gården* [Hultman, 2003: 88] «Новый мэр — человек, искушенный в политике».

¹² Результаты проведенного шведской исследовательницей Г. Видмарк анкетирования свидетельствуют о различной степени «предпочтительности» семантического согласования предикатива по общему роду с одушевленными существительными среднего рода. Так, оно безоговорочно принимается носителями шведского языка для существительных с компонентом *-råd советник* (*ett stats-, kommunalråd*), но считается менее обязательным для слов с компонентом *-biträde помощник* и факультативным для существительного *vittne свидетель*. По мнению Г. Видмарк, ведущую роль в сомнительных случаях играет «личностный» фактор: чем более знакомым субъекту речи является то или иное лицо, тем сильнее проявляется тенденция к семантическому согласованию. Это подтверждает наше предположение о том, что семантическое согласование в нарушение грамматического правила выступает как способ семантизации категории лица при употреблении одушевленных существительных среднего рода.

Показательно, что в структуре именных словосочетаний морфологические согласовательные показатели общего и среднего рода всегда являются обязательными.

Как семантическое согласование трактуется в лингвистической литературе и употребление предикатива в форме среднего рода с безартиклевыми существительными общего рода, которые имеют вещественное и абстрактное значение: *Sill är gott* «Селедка — это вкусно»; *Folkdans är inte alls tråkigt* «Народные танцы — это совсем не скучно» [Widmark, 1992: 18]; *Aga är helt förbjudet i Sverige sedan 1979* «Телесные наказания полностью запрещены в Швеции с 1979 года»; *Det största problemet är dock att doping inte är förbjudet* «Самая большая проблема заключается, однако, в том, что допинг не запрещен» [Hultman, 2003: 88]; см. об этом также [Wellander, 1948; Teleman, 1965; Källström, 1993]. Однако такое употребление, давно распространенное в литературной норме, нельзя трактовать однозначно как нарушение грамматического согласования, поскольку предикатив может интерпретироваться и как наречие, образованное от качественного прилагательного по модели среднего рода. По всей вероятности, здесь имеет место переходный случай, который показывает, что граница между формой среднего рода прилагательного и образованного от него наречия является достаточно тонкой. При подлежащем, выраженном существительным с конкретной референцией в определенной форме общего рода, согласование с предикативом происходит строго по грамматическому правилу: *Sillen är god* «Селедка вкусная»; *Folkdansen är vacker* «Этот народный танец красивый» [Widmark, 1992: 18]; *Dock är husagan självklar* «Однако рукоприкладство в отношении домашней прислуги здесь очевидно» [Hultman, 2003: 88].

Аналогичная тенденция наблюдается и при «нарушении» правила согласования с существительным общего рода во множественном числе. Семантическое согласование предикативного прилагательного по среднему роду возможно только при выражении собирательного множества в неопределенной форме существительного: *Rosor är vackert* [Widmark, 1992: 18] «Розы — это красиво». Определенная форма существительного, указывающая на конкретное множество, в таком случае невозможна (**rosorna är vackert*; но *rosor(na) är vackra* «розы красивые») [Кузьменко, 1998: 15].

3. Функционально-семантический потенциал показателей парадигматического рода при словообразовании

Участие парадигматических показателей в выражении лексико-грамматической категории личности / неличности наблюдается при родовой дифференциации существительных с одинаковыми словообразовательными показателями, как, например, в случаях полной субстантивации причастий 1. Все существительные общего рода (в том числе композиты с именной основой в качестве первого компонента) обозначают лиц: *en resande* «пассажир, путешественник», *handelsresande* «ком-

мивояжер», studerande «учащийся», ordförande «председатель», sökande «заявитель, соискатель, претендент», klagande «потерпевший», kående, målsägande «истец», svarande «ответчик». Существительные среднего рода, напротив, передают конкретно- или абстрактно-предметные понятия: **ett** antagande «предположение», avskaffande «устранение», beteende «поведение», befriande «освобождение», berättigande «оправдание, наделение полномочиями», boende «проживание», erkännande «признание», firande «празднование», främjande «содействие», förhållande «отношение», insjuknande «заболевание», leende «улыбка», meddelande «сообщение», seende «зрение, видение», slopande «упразднение», utrotande «искоренение», а также процессы, имеющие конкретные физические проявления: ett brakande «треск, грохот», gnällande «нытье, хныканье», gåmande «мычание», smällande «хлопанье», suckande «вздохи, оханье», surrande «жужжание» и другие. Поэтому такие существительные принадлежат к различным словоизменительным парадигмам, в том числе, что особенно важно для парадигматики рода в шведском языке, имеют различные показатели множественного числа:

общий род — единственное число: неопределенная форма **en** studerande «учащийся» / определенная форма studeranden; множественное число (по модели имен деятеля с этимологически тождественными суффиксами — более ранним и полностью ассимилированным -are и более поздним -er — en lärare «учитель», en politiker «политик»); неопределенная форма studerande + 0 / определенная форма studerandena;

средний род — единственное число: неопределенная форма **ett** meddelande «сообщение» / определенная форма meddelandet; множественное число (по модели существительных среднего рода с исходом основы на гласный, например, ett äpple «яблоко»): неопределенная форма meddelanden / определенная форма meddelandena.

Имеются отдельные случаи, когда родовая принадлежность существительных выступает средством разграничения лексических значений; ср.: **den** idealiske resanden «идеальный пассажир» — **det** myckna resandet «бесконечная езда; бесконечные (букв. многие) разъезды, поездки, путешествия».

Другим показательным примером является интернациональное слово в двух ЛСВ, имеющих различную родовую принадлежность, которая служит средством семантической дифференциации по линии лексико-грамматической категории личность / неличность¹³: **en** individ «личность, индивид(уум)» (например: individen och samhället «личность и общество», individens rättigheter och skyldigheter «права и обязанности личности») — **ett** individ «биологическая особь» (например: ett individ av släktet Primula «представитель семейства примул») [SO, 1999: 509].

¹³ См. об этом также [Tegnér, 1962: 30; Есперсен, 1958: 280].

Как показал Ю.К. Кузьменко, замеченные шведскими исследователями в речи детей неправильные с точки зрения родовой принадлежности употребления некоторых существительных (*sandet* вместо *sanden* «песок», но *tågen* вместо *tåget* «поезд» [Svartholm, 1978: 167–168; Andersson, 1992: 57] могут быть не просто случайной ошибкой, а проявлением той же тенденции к семантизации противопоставления по роду: вещество — средний род, конкретный предмет — общий род [Кузьменко, 1998: 16].

В датском литературном языке и особенно в некоторых диалектах тенденция к семантизации грамматических показателей родовой дифференциации существительных идет еще дальше и проявляется еще ярче. Для указания количества при названиях вещества употребляются адьюнкты в форме среднего рода, даже если эти слова являются существительными общего рода. «Так, например, мы говорим *mælken*, *osten* “молоко, сыр” (в датском языке, как и в шведском, это существительные общего рода. — *Е. Ч.*), но *alt det mælk*, *noget andet ost* “всё то молоко, какой-то другой сыр” (при обозначении массы); “другой сыр” при обозначении предмета будет *en anden ost* (другой сорт сыра или другая головка сыра. — *Е. Ч.*). *Jeg kan ikke nøjes med det te* “Я не могу удовлетвориться этим количеством чая”, но *...med den te*, если имеется в виду сорт или качество» [Есперсен, 1958: 281]. П.Дидериксен рассматривал аналогичное явление как возможность изменения существительных по роду в зависимости от значений «конкретное количество» — «абстрактное (вещество)»; ср. *han har drukket øllen* «он выпил пиво» (кружку, бутылку и т.п.) — *han har drukket øllet* «он выпил пива»; *har du drukket den mælk?* «ты выпил то молоко?» — *har du drukket det siste mælk?* «ты выпил последнее молоко?» [Diderichsen, 1957: 91–93]. При этом данные существительные изначально имеют различий лексиконный род: *øl* среднего, а *mælk* общего рода. Возможно, что семантическая дифференциация, выраженная в парадигматических показателях рода, обуславливает и просодико-синтаксические различия между высказываниями с точки зрения акцентного выделения различных членов предложения, отмеченных нами подчеркиванием.

Многие диалекты Ютландии идут еще дальше: существительные, обозначающие неисчисляемые предметы, независимо от их первоначального рода, перешли в средний род, а в диалекте Ханхерредера вообще все названия предметов перешли в общий род: *iset*, *jordet*, но *skiben*, *husen* (в литературном датском: *isen* «лед», *jorden* «земля», *skibet* «корабль», *huset* «дом») [Есперсен, 1958: 280–281].

4. Использование предметного местоимения общего рода при выражении обобщенного лица

Одной из наиболее интересных тенденций современного шведского языка является использование анафорического **предметного местоимения общего рода *den*** при указании на обобщенное лицо для выражения

семантического общего рода: **Den** används i viss utsträckning även med animat betydelse och generell syftning på båda könen: Var och en får gå och lägga sig om **den** själv vill [Hultman, 2003: 96] «В ряде случаев **den** употребляется также со значением одушевленности при обобщенной референции, независимо от пола: Каждый может лечь спать, когда сам захочет».

В идеологической ситуации борьбы за гендерное равноправие **den** в этой функции чаще всего заменяет местоимение 3 лица мужского рода **han**, поскольку при выражении обобщенного лица для обозначения социального статуса в силу экстралингвистических причин обычно используются существительные, относившиеся ранее к мужскому роду (например, такие как **lärare** «учитель», **väljare** «избиратель», **elev** «ученик» и многие другие): **Kunden** måste bestämma sig för vilken betalningssätt **den** föredrar «Клиент должен сам определиться, какой способ оплаты он предпочитает»; **Forskaren** kan söka forskningsanslag för de idéer **den** har utvecklat «Исследователь имеет возможность искать источники финансирования своей научной работы».

Однако особенно ярко проявляется употребление **den** для выражения семантического общего рода при анафорическом замещении существительных, ранее принадлежавших женскому роду и вплоть до недавнего времени обозначавших преимущественно женские профессии: **Om en sjuksköterska** vill ha semester i juli, måste **den** anmäla det ett halvår i förväg¹⁴ «Если медицинская сестра хочет получить отпуск в июле, она должна обратиться с заявлением об этом за полгода» [SAG, 2: 281].

Таким образом, в тех случаях, когда указание на мужской или женский род невозможно или неуместно, в шведском языке наблюдается тенденция к выражению специализированными грамматическими средствами семантического общего рода имен лица, **по аналогии с формально-грамматическим предметным общим родом**. Особенно показательны примеры использования **den** при анафорическом замещении неопределенного местоимения общего рода со значением лица: **Om någon** vill börja här så måste **den** genomgå en intervju och en rad test «Если кто-нибудь захочет поступить сюда, он должен пройти собеседование и ряд тестов»; **Låt oss anta att någon** vill öppna en restaurang här i stan. Då

¹⁴ С середины 70-х годов минувшего века профессию медицинской сестры, традиционно называемую словом **sjuksköterska**, в Швеции стали получать не только женщины, но и мужчины. В связи с этим до сих пор остается открытым вопрос о ее названии без выраженной коннотации гендерной принадлежности. В финляндском варианте шведского языка для этого используется существительное **sjukskötare** с суффиксом имени деятеля, который фактически получил функцию показателя семантического общего рода. В Швеции этого не произошло в силу экстралингвистических причин, поскольку существительное **skötare** используется для обозначения профессии санитаря в психиатрических больницах [Grünbaum, 1996: 116].

måste **den** först skaffa ett oräkneligt antal intyg och tillstånd «Предположим, что кто-то захочет открыть в этом городе ресторан. В таком случае он должен сначала получить бесчисленное количество справок и разрешений» [SAG, 2: 281].

Следует отметить, что при указании на лицо *den*, одновременно и по аналогии, и по контрасту с *det* для обозначения абстрактно-предметного понятийного среднего рода [Есперсен, 1958: 281–284], давно используется в детерминативной функции перед существительными, распространенными придаточными относительными с ограничительной функцией: **Den** som vill röka får göra det i korridoren «Тот, кто хочет, может покурить в коридоре»; **Den** som satt här nyss har visst glömt sin portfölj «Тот, кто только что сидел здесь, явно забыл свой портфель» [SAG, 2: 281]; **Den** som säger hon om en båt gör det alltså inte efter grammatiskt genus (då skulle det bli han!) utan därför att **han** uppfattar båten som besjälad och kvinnlig «Тот, кто говорит она о плавательном судне, делает это, следовательно, не в соответствии с грамматическим родом (в таком случае употреблялось бы местоимение он), а потому, что воспринимает это судно как одушевленное существо женского пола»; **Den** som lever får se «Поживем — увидим» [Hellberg, 1984: 23]; ср.: **Det**, som glänser, är inte alltid guld «Не все то золото, что блестит» [Beckman, 1964: 85].

Показательно также, что при обобщенно-личном употреблении *den* в детерминативной функции используется особая форма генитива *dens*, по аналогии с предметно-притяжательным *dess* (от *det* + *s*), на что давно обращали внимание авторы шведских грамматик: **Han följer dens order**, **som** har befälet «Он следует приказу того, кто отдает команду» [Wellander, 1948: 252]; **I dens tjänst som** lovar mest (Snoilsky) «На службе у того, кто обещает больше» [Beckman, 1964: 85]; **Böckerna är dens, som** besökte oss i går «Это книги того, кто был у нас вчера» [Маслова-Лашанская, 1953: 177]. Судя по данным Шведской Академической грамматики, бывшее достаточно редким и стилистически маркированным, в современном языке такое употребление стало более распространенным: **Dens sorg som** mist en älskad katt är ofta inte mindre djup än **dens som** mist en nära mänsklig vän «Горе того, кто потерял любимого кота, часто бывает не менее сильным, чем того, кто потерял близкого друга»; **Han såg på intet vis ut att vara förkrossad, tvärtom verkade han både stark och stolt, men tonfallet var dens som** blivit förkrossad «Он вовсе не выглядел потерянным, напротив, он казался сильным и гордым, и только интонация выдавала его» [SAG, 2: 281].

Таким образом, перестройка родовой системы и образование парадигматического общего рода, повлекшее за собой появление новой лексико-грамматической категории личности / неличности, обусловило тенденцию к грамматикализации семантического общего рода лица — *genus commune*. Возможно, с грамматическими и семантическими осо-

бенностями двучленной родовой дифференциации связано и то, что в шведском языке не прижилось использование модели *han eller hon*, по аналогии с английским *he or she*, которая воспринимается носителями языка как претенциозно вежливая и вместе с тем иронично звучащая. Шведская исследовательница Г. Видмарк объясняет это неудобством использования слишком длинной синтагмы, особенно в разговорной речи [Widmark, 1992: 24]. Думается, однако, что основная причина коренится глубже и имеет внутрисистемные основания, по которым английский и шведский языки кардинально различаются, поскольку «...в английском языке различение родов устраняется из именной области и остается единственно только в местоимении 3-го лица» [Бодуэн де Куртенэ, 1995: 10].

В этой связи интересным представляется тот факт, что более раннее усвоение личных местоимений при одушевленных существительных немецкими детьми (*er, sie*), чем английскими (*he, she*), свидетельствует о влиянии морфологических признаков рода [Кузьменко, 1998: 19]. Это также указывает на воздействие грамматики на семантику рода, поскольку в немецком языке важную роль играет системный фактор наличия парадигматически выраженной в именном склонении трехчленной родовой дифференциации с компонентами: мужской / женский / средний род, в то время как в английском языке родовая дифференциация в морфологии имени отсутствует.

5. Тенденция к выражению семантического общего рода словообразовательными средствами

В конце XX — начале XXI века стали значительно менее употребительными и приобрели пейоративную окраску шведские имена лиц с заимствованным из немецкого суффиксом *-inna*, маркирующим семантический женский род: *läraⁱⁿna* «учительница» (это слово перестало употребляться при обозначении профессии не только в официально-деловой, но и в нейтральной речи), *författa^{ri}inna* «писательница», *väⁿⁱinna* «подруга», *hjä^{lti}inna* «героиня» и некоторые другие. Для современного носителя шведского языка они звучат примерно так же, как для русского существительные с суффиксом *-ка* в словах *училка* или *подружка*. Сотрудник Совета по шведскому языку Биргитта Линдгрэн в одной из своих статей пишет, что женщину скорее всего назовут словом *hjä^{lti}inna* «героиня», если ей с большим трудом удалось достать желанные билеты в кино для своих друзей, но если она с риском для себя спасла жизнь ближнего, по отношению к ней будет употреблено слово *hjä^{lte}* «герой» [Lindgren, 2004: 62]. Об этом свидетельствует следующий пример фактического словоупотребления: *Dagens hjä^{lti}inna är en äldre alert dam som hjä^lpte brandkåren att hitta till rätt adress* [Svenskt språkbruk, 2003: 488] «Героиня дня — пожилая бойкая дама, которая помогла пожарной команде найти нужный адрес». Тенденция к прагмастилистическому снижению производных существительных с суффиксами, маркирующими

семантический женский род, подтверждается тем, что носители шведского языка на основе игры слов могут создавать новые производные с женскими суффиксами при выражении пейоративной семантики, например, *naturvetarinna* (букв. «естественница» о занимающейся естественными науками женщине-специалисте, научном сотруднике или обучающей эту область студентке), *medaljös* «медалистка» или *poetissa* «поэтесса» [Språkriktighetsboken, 2005: 85].

Показательно, что в немецком языке, имеющем трехродовую систему именного склонения, наблюдается прямо противоположная тенденция, которую шведские лингвисты объясняют исключительно сильным влиянием феминистской идеологии [Grünbaum, 1996: 115; Språkriktighetsboken, 2005: 86]. Идентичный шведскому немецкий суффикс, маркирующий семантический женский род в названиях профессий и других обозначений социального статуса женщин, приобрел большую продуктивность и стал обязательным, например: *Ärztin* «женщина-врач», *Doktorin* «женщина — доктор наук», *Kollegin* «коллега (о женщине)», *Lehrerin* «учительница», *Professorin* «женщина-профессор», *Reporterin* «женщина-репортер» и другие. Отмеченное различие убедительно показано в списках наиболее употребительных шведских названий профессий и их немецких соответствий, которые приводит автор контрастивного исследования о категориях рода и одушевленности [Jobin, 2004: 78]:

Профессии, в которых доминируют женщины:
försäljare «менеджер по продажам» — *Verkäufer / -in*;
barnskötare «воспитатель / воспитательница, няня (в детском саду)» — *Erzieher / -in*;
hotell- och kontorsstädare «уборщик / уборщица (в гостиницах и учреждениях)» — *Hotel- und Büroreiniger / -in*;
grundskollärare «учитель / учительница средней школы» — *Grundschullehrer / -in*;
förskolelärare «воспитатель / воспитательница детского сада, педагог дошкольного обучения» — *Vorschullehrer / -in, Erzieher / -in*;
bokförings- och redovisningsassistent «бухгалтер» — *Buchhalter / -in*;
skötare, vårdare «санитар / санитарка» — *Pfleger / -in*;
administrativ assistent «помощник администратора» — *Verwaltungsassistent / -in*.

Профессии, в которых доминируют мужчины:
företagssäljare «торговый представитель (крупной фирмы или предприятия)» — *Kaufmann / -frau*;
system(er)are «системный инженер» — *Systemtechniker / -in*;
programmerare «программист» — *Programmierer / -in*;
lastbils- och långtradarchaufför «водитель грузовиков и трейлеров» — *Kraftfahrer / -in*;

byggnadsträarbetare «строительный рабочий-плотник» — Bauarbeiter / -in, -tischler / -in;
datatekniker «компьютерный техник» — Computertechniker / -in;
fastighetsskötare «комендант (здания), завхоз, дворник» — Hausmeister / -in;
chef (mindre företag) «директор (малого предприятия)» — Chef / -in (Kleinbetrieb);
växtodlare «растениевод» — Pflanzenzüchter / -in;
byggingenjör «инженер-строитель» — Bauingenieur / -in.

Можно предположить, однако, что эти различия обусловлены не только и, возможно, не столько социолингвистическими факторами, связанными с популярностью феминистской идеологии, сколько влиянием трехродовой системы именного склонения на семантику родовой дифференциации в немецком языке.

В современном шведском языке наблюдается также тенденция к замене имен лица с полусуффиксом -man, в которых содержится «скрытая память» языка [Николаева, 2002] о гендерной принадлежности референта, словами с другой морфологической структурой, которые могут использоваться при выражении семантического общего рода [Språkriktighetsboken, 2005: 82]:

непроизводным существительным:

polis**man** «полицейский» polis;

производными существительными с суффиксами имен деятеля:

bank**man** «сотрудник банка» bankrådgivare;

idrotts**man** «спортсмен» idrottare;

justerings**man** «лицо, заверяющее протокол» justerare;

stats**man** «государственный деятель, политик» politiker;

tales**man** «представитель, уполномоченный» representant, företrädare;

vetenskaps**man** «ученый, научный работник» forskare, vetenskapare;

värderings**man** «оценщик» värderare;

сложным словом:

riksdags**man** «член риксдага» riksdagsledamot;

производным или сложным словом:

hallå**man** «диктор» programpresentatör, programvärd.

Однако такие существительные обычно употребляются для обозначения семантического общего рода в официальных ситуациях, в том числе в документах, создаваемых на основе нормативной регламентации, а в обиходной речи они используются чаще всего только по отношению к женщинам. Устойчивость некоторых обозначений новых социальных ролей женщин, таких как ombudsman «уполномоченный, омбудсмен», nämndeman «судебный заседатель», talman «спикер парламента», возможно, объясняется стабильностью традиционных политических институтов.

Использование новых имен деятеля для обозначения семантического общего рода происходит при указании на социальную функцию ре-

ферента, на что обращали внимание шведские специалисты [Grünbaum, 2001: 33; Lindgren, 2004]. Отмеченные ими тенденции свидетельствуют о том, что в шведском языке наблюдается прагмасемантическая дифференциация имен деятеля различной морфологической структуры, обусловленная различной интерпретацией референта: социальная **функция** / конкретный индивидуальный **образ**¹⁵.

В тех случаях, когда акцентируется отнесенность к лицу, имеющему индивидуально-конкретный образ, с необходимостью предполагающей указание на пол, дифференциация имен лица с различной морфологической структурой по семантическому мужскому или женскому роду во многих случаях сохраняется. Эта тенденция наблюдается в определенных лексико-семантических группировках одушевленных существительных:

1. Обозначения национальной и этнической принадлежности: *fransman* «француз» — *fransyska* «француженка»; *grek* «грек» — *grekiska* / *grekinna* «гречанка»; *jude* «еврей» — *judinna* «еврейка».

2. Имена титулованных светских и церковных лиц: *greve* «граф» — *grevinna* «графиня»; *prins* «принц» — *prinsessa* «принцесса»; *diakon* «диакон» — *diakonissa* «диакониса, сестра милосердия (в приютах, благотворительных обществах при церковной общине)».

3. Обозначения спортсменов, выступающих в зрелищных видах спорта: *simmare* «пловец» — *simmerska* «пловчиха»; *konst- / skid- / skridsko- / slalomåkare* «фигурист, конькобежец, лыжник, горнолыжник» — *konst- / skid- / skridsko- / slalomåkerska* «фигуристка, конькобежка, лыжница, горнолыжница».

4. Обозначения представителей зрелищных видов искусства: *skådespelare* «актер» — *skådespelerska* «актриса»; *sångare* «певец» — *sångerska* «певица».

5. Обозначения работников сферы обслуживания: *flyg-, tågvärd* «стюард, проводник» — *flyg-, tågvärdinna* «стюардесса, проводница»; *demonstratör* «демонстратор, служащий компании, демонстрирующий продукцию (покупателям, клиентам)» — *demonstratris* «служащая компании, демонстрирующая продукцию»; *kassör* «кассир» — *kassörska* «кассириша»; *massör* «массажист» — *massös* «массажистка»; *servitör / kypare* «официант» — *servitris* «официантка».

6. Имена лиц с эмотивно-оценочным компонентом, в которых ярко проявляется гендерная специфика: *beundrare* «поклонник, почитатель» —

¹⁵ Данное различие находит проявление и в грамматике при употреблении имен лица в предикативе: без артикля при обозначении социальной функции — с неопределенным артиклем при соотносении с конкретным референтом, чаще всего с оценочной коннотацией; ср. *Han är snickare* (svensk, katolik, socialdemokrat, diabetiker, änkeman) «Он столяр (швед, католик, социал-демократ, диабетик, вдовец)» // *Han är en skicklig yrkesman* «Он искусный мастер» / *en hedersknuffel* «славный малый» [Ekerot, 1995: 171, 182].

beundrar**inna** «поклонница, почитательница»; älskare «любовник, любитель» — älskar**inna** «любовница, любительница».

7. Имена мифологических персонажей: fruktbarhets- / krigs- / kärleks- / seger- / sång- / ödesgud — -gud**inna** «бог — богиня плодородия / войны / любви / победы / поэзии».

8. Имена лиц с отрицательными коннотациями: bondfångare «мошенник, аферист» — bondfångerska «мошенница, аферистка»; äventyrare «искатель / любитель приключений, авантюрист, лихач» — äventyrerska «искательница / любительница приключений, авантюристка, лихачка».

9. Названия некоторых животных женского пола с выраженным коннотативным компонентом, имеющие главным образом метафорическое употребление, в том числе (для первых двух слов) в сравнительных оборотах: lejon**inna** «львица», tigr**inna** «тигрица», varg**inna** «волчица», åsn**inna** «ослица».

Сюда относятся и существительные värd «хозяин» / värd**inna** «хозяйка», имеющие выраженные гендерные коннотации при употреблении в ситуациях, когда гостей принимают представители обоих полов. В тех случаях, когда гостей встречает кто-то один, используется слово värd, независимо от пола данного лица [Lindgren, 2004: 61].

Таким образом, в современном шведском языке так или иначе проявляется неустойчивость словообразовательных моделей существительных, в морфологической структуре которых может содержаться указание на семантику женского или мужского рода.

Все рассмотренные выше тенденции свидетельствуют о том, что функционально-семантический потенциал категории рода в шведском языке реализуется в условиях взаимодействия морфологических показателей именного склонения с лексико-грамматической категорией личности / неличности, сложившейся на базе категории одушевленности / неодушевленности в результате перестройки парадигматики имени. Поэтому наблюдающиеся в динамике синхронии процессы оказываются созвучными тому, что имело место в диахронии. При этом формально-грамматическая структура категории рода оказывает индуцирующее воздействие и определяет направленность и конфигурацию семантических аспектов родовой дифференциации. На различных участках языковой системы — при субстантивации прилагательных и адъективных местоимений, при семантическом согласовании существительных общего и среднего рода с предикативом в нарушение грамматической нормы, в распределении новой лексики по родам, в судьбе словообразовательных моделей, содержащих указание на семантический род — семантика родовой дифференциации как бы «дублирует» её грамматическую модель. Морфологические показатели общего и среднего рода в шведском языке могут использоваться при этом как средства выражения семантического противопоставления обобщенное лицо / не-лицо. Наиболее

ярко это проявляется в тенденции к выражению семантического общего рода имен лица, **по аналогии с формально-грамматическим общим родом**, предметным местоимением *den*. Таким образом, процессы, наблюдаемые в динамике синхронии, говорят о том, что в шведском языке «категория рода и теперь оказывает влияние на семантическую судьбу слов» [Виноградов, 1938: 18–19].

Судьба и статус имен лица женского рода в современном шведском языке и обществе

В современной Швеции женщины стали выполнять все или почти все социальные роли, которые прежде были исключительно или предпочтительно мужскими. Как писала в одной из своих заметок о языке в газете «Dagens Nyheter» известный специалист в области языковой политики Катарина Грюнбаум в начале 90-х годов минувшего века, «в Швеции женщины могут и умеют делать почти все то же, что и мужчины — пить пунш, играть в карты, летать в космос, возглавлять правительства, воевать с оружием в руках» [Grünbaum, 1996: 113] (здесь и ниже перевод мой. — Е. Ч.). В современном шведском языке в большинстве случаев новые социальные роли женщин обозначаются существительными общего рода, относившимися ранее к парадигматическому мужскому роду и в течение длительного времени, вплоть до середины XX века, сохранявшими указание на семантический мужской род — такими, как *astronaut* «космонавт», *premiärminister* «премьер-министр», *soldat* «солдат», *student* «студент». Тем самым слова, принадлежащие **парадигматическому общему роду**, многие из которых являются интернациональными и имеют иноязычное происхождение, приобрели новую функцию обозначения **семантического общего рода**. Эта тенденция затронула в первую очередь существительные с суффиксом *-are*, имеющим наиболее высокую продуктивность [Мокин, 2011], а также с другими суффиксами имен лица иноязычного происхождения:

-ör — *akupunktör* «иглотерапевт, рефлексотерапевт», *ambassadör* «посол», *arrangör* «организатор, устроитель», *direktör* «директор», *informatör* «сотрудник отдела по связям с общественностью», *ingenjör* «инженер», *instruktör* «инструктор», *konduktör* «кондуктор», *repetitör* «репетитор»;

-er — *minister* «министр», *musiker* «музыкант», *politiker* «политик»;

-or — *doktor* «доктор», *professor* «профессор», *registrator* «регистратор», *revisor* «ревизор»;

-är — *militär* «военный», *missionär* «миссионер»;

-ist — *artist* «артист»;

-and — *doktorand* «докторант»;

-ant — *trafikant* «участник дорожного движения»;

-ent — *abonnent* «абонент», *dirigent* «дирижер», *konsulent* «консультант»;

-log — *psykolog* «психолог», *teolog* «теолог»;

-graf — *fotograf* «фотограф».

Особенно ярко проявляется такая тенденция в официально принятых обозначениях различных профессий, как тех, которые могут иметь

представители обоих полов — *bilförare* «водитель машины», *läkare* «врач», *sekreterare* «секретарь» и другие, для которых в шведском языке не возникло женских наименований с соответствующими суффиксами (см. об этом ниже), так и все еще остающихся преимущественно женскими, например, *småskollärare* «учитель / -ница младшей школы».

Одновременно с этим в последние десятилетия стали значительно менее употребительными и приобрели особые стилистические коннотации или вовсе вышли из речевого обихода имена лиц женского пола с суффиксами немецкого и французского происхождения [Lindgren, 2004]:

- inna — *hjältinna* «героиня», *väninna* «подруга»;
- ska — *studentska* «студентка»;
- erska — *lejtämjerska* «укротительница львов», *tiggerska* «нищенка, попрошайка»;
- örska — *snabbköpskassörska* «кассир(ша) в супермаркете», *postkassörska* «почтовый операционист»;
- tris — *aviatris* «летчица», *inspekttris* «инспектор(ша)», *instrukttris* «инструктор(ша)», *kondukttris* «кондуктор(ша)», *operatris* «операционист(ка)»;
- ös — *brodös* «вышивальщица», *dansös* «танцовщица», *disös* «чтица», *massös* «массажистка», *retuschös* «женщина-ретушер»;
- issa — *abbedissa* «игуменья»;
- essa — *prinsessa* «принцесса».

Существительные *lärarinna* «учительница», *författarinna* «писательница», *väninna* «подруга», *hjältinna* «героиня» получили заметную пейоративную окраску, а первые два слова перестали употребляться для обозначения профессий не только в официально-деловой, но и в нейтральной речи. Для современного носителя шведского языка они звучат примерно так же, как русские слова с уменьшительным суффиксом *-ка*: *училка* или *подружка*.

Обсуждая эту проблему, сотрудник Совета по шведскому языку Биргитта Линдгрэн отмечала, что слово *hjältinna* «героиня» может быть использовано в отношении женщины, которой с большим трудом удалось достать билеты в кино для своих друзей, но если она с риском для себя спасла жизнь близких, то её скорее назовут словом *hjälte* «герой» [Lindgren, 2004: 62]. На пейоративную окраску того же существительного указывает и приведенный в Шведском словаре словоупотреблений контекст: *Dagens hjältinna är en äldre alert dam som hjälpte brandkåren att hitta till rätt adress* [Svenskt språkbruk, 2003: 488] «Героиня дня — пожилая бойкая дама, которая помогла пожарной команде найти нужный адрес».

Тенденция к прагмастилистическому снижению производных существительных с суффиксами, маркирующими семантический женский род, проявляется и в том, что носителями языка по этим моделям на

основе игры слов могут создаваться новые слова, изначально имеющие пейоративный характер, например, *naturvetarinna* букв. «ученая-естественница» (о занимающихся естественными науками специалисте, научном сотруднике или студентке), *medaljös* «медалистка» или *poetissa* «поэтесса» [Språkriktighetsboken, 2005: 85]. Как показывают переводные эквиваленты, в русском языке эти слова также являются стилистически маркированными, хотя они имеют различный функционально-стилистический статус.

Показательно, что в немецком языке с трехродовой системой именного склонения наблюдается противоположная тенденция, которую шведские языковеды объясняют исключительно сильным влиянием феминистской идеологии [Grünbaum, 1996: 115; Språkriktighetsboken, 2005: 86]. Аналогичный шведскому немецкий суффикс, маркирующий семантический женский род (который был заимствован из немецкого языка), при обозначении профессий и социального статуса женщин, приобрел большую продуктивность и стал обязательным в таких словах, как *Ärztin* «женщина-врач» *Doktorin* «женщина — доктор наук», *Kollegin* «коллега», *Lehrerin* «учительница», *Professorin* «женщина-профессор», *Reporterin* «женщина-репортер» и другие. Отмеченное различие убедительно показано в списке наиболее употребительных официально принятых шведских названий профессий и их немецких соответствий, который приводит автор контрастивного исследования о категориях рода и одушевленности в этих языках [Jobin, 2004: 78].

Профессии, в которых доминируют женщины:

försäljare — *Verkäufer / -in* «продавец / продавщица»;
barnskötare — *Erzieher / -in* «воспитатель / воспитательница, няня (в детском саду)»;
hotell- och kontorsstädare — *Hotel- und Büroreiniger / -in* «уборщик / уборщица (в гостиницах и офисах)»;
grundskollärare — *Grundschullehrer / -in* «учитель / учительница средней школы»;
förskolelärare — *Vorshcullehrer / -in* «воспитатель / воспитательница детского сада», *Erzieher / -in* «педагог дошкольного обучения»;
bokförings- och redovisningsassistent — *Buchhalter / -in* «бухгалтер»;
skötare, vårdare — *Pfleger / -in* «санитар / санитарка»;
administrativ assistent — *Verwaltungsassistent / -in* «помощник администратора».

Профессии, в которых доминируют мужчины:

företagssäljare — *Kaufmann / -frau* «торговый агент, агент по продажам»;
system(er)are — *Systemtechniker / -in* «системный инженер-программист»;
programmerare — *Programmierer / -in* «программист»;
lastbils- och långtradarchaufför — *Kraftfahrer / -in* «водитель грузового транспорта»;

byggnadsträarbetare — *Bauarbeiter / -in, Tischler / -in* «строительный рабочий — мастер по дереву; столяр»;
datatekniker — *Computertechniker / -in* «компьютерный техник»;
fastighetskötare — *Hausmeister / -in* «комендант (здания), завхоз»;
chef (mindre företag) — *Chef / -in (Kleinbetrieb)* «руководитель, директор (небольшого предприятия)»;
växtodlare — *Pflanzenzüchter / -in* «растениевод, селекционер»;
byggingenjör — *Bauingenieur / -in* «инженер-строитель».

Можно предположить, однако, что эти различия обусловлены не только и, возможно, даже не столько социолингвистическими факторами, связанными с феминистской идеологией, сколько «давлением» именно парадигматики с устойчивой трехродовой системой склонения на семантические аспекты родовой дифференциации в немецком языке.

На ограниченном участке языковой системы аналогичная тенденция, вероятно, имеет место и в норвежском языке, где не только в диалектах, но и в литературном букмоле сохраняется принадлежность ряда существительных к женскому роду, что также находит выражение в именно парадигматике. Так, Совет по норвежскому языку не рекомендует использование имен лица с «мужским» полусуффиксом *-mann* применительно к женщинам. Поэтому вместо существительного *formann* «председатель» (швед. *ordförande*), если им является женщина, рекомендуется использовать слово *leier* букв. «лидер, руководитель» (швед. *ledare*) [Grünbaum, 1996: 115]. Существительное *rådmann* «руководитель местной администрации» заменено в тексте закона о местном самоуправлении нейтральным с точки зрения семантического рода композитом *administrasjonssjef* букв. «руководитель администрации», а вместо существительного *varamann* «заместитель» используется композит *varamedlem* или усеченное слово *vara*. Напротив, при обозначении лиц, совершивших преступные деяния, в норвежском языке употребляются обозначения, коррелирующие по семантическому роду: *gjerningsmann* «преступник» / *gjerningskvinna* «преступница» (об аналогичной тенденции в шведском языке см. ниже).

Комментируя имеющиеся в этой области различия между шведским и другими германскими языками, К.Грюнбаум подчеркивала, что в Швеции не было столь бурных дебатов феминистского толка, как в Германии или в Норвегии. «Это дало нам преимущество, которое состоит в том, что многие прежние обозначения с семантикой мужского рода стали употребительными и для женщин. Мы избежали также и предлагавшихся для других языков непрактичных, порой нелепых и смешных решений, связанных с соблюдением справедливости и равенства полов в языке, которые сами по себе не устраняют несправедливость и неравенство в жизни» [Grünbaum, 1996: 115].

Шведские языковеды отмечают также, что в английском языке имеется значительно меньше личных имен, содержащих указание на семан-

тический женский род, чем в шведском, хотя и в их родном языке таких существительных относительно немного. Именно этим они объясняют наблюдаемую в английском языке тенденцию к замене их средствами, устраняющими указание на семантический мужской род. Так, в американском варианте английского языка также не рекомендуется использование существительных с «мужским» полусуффиксом, если речь идет о женщинах или о представителях обоих полов, например, *businessman* «предприниматель, бизнесмен», *chairman* «председатель», *layman* «дилетант», *spokesman* «представитель». Вместо них предлагается использовать неологизмы, в состав которых входит нейтральный с точки зрения семантики рода второй компонент *-person*, например: *businessperson*, *chairperson* (или усеченное *chair*), *layperson*, *spokesperson* [Språkriktighetsboken, 2005: 86]. При обозначении профессий, выполняемых женщинами, существительные с компонентом *-man* также заменяются другими словами. Так, вместо существительных *brandman* «пожарный» и *policeman* «полицейский», сохраняющими «скрытую память языка» [Николаева, 2002: 25–41], стали использоваться производное с суффиксом имени деятеля *firefighter* и близкое к композиту словосочетание *police officer*. Можно предположить, что причина этого, на поверхности имеющая отношение только к внешней лингвистике, также коренится в системном устройстве английского языка, связанном с отсутствием родовой дифференциации в именной парадигматике. «В английском языке различие родов устраняется из именной области и остается единственно только в местоимении 3-го лица и, в связи с этим, в глаголе» [Бодуэн де Куртенэ, 1995: 10].

В шведском языке проблема использования имен лица с компонентом *-man* также не решается однозначно. Целый ряд новых социальных ролей женщин безоговорочно могут обозначаться такими существительными, например: *ombudsman* «омбудсмен, уполномоченный», *nämndeman* «судебный заседатель», *tjänsteman* «служащий, должностное лицо». При обозначении профессий и должностей в ситуациях, требующих указания на конкретное лицо, такие слова обычно сопровождаются именами собственными, что снимает гендерную проблему: *styrman Annika Svensson* «штурман Анника Свенссон»; *barnavårdsman Elsie Blom* «работник патронажной службы¹ Элси Блум» [Grünbaum, 2001: 33].

Устойчивость обозначения такой должности, как *talman* «спикер парламента», по-видимому, объясняется характерной для Швеции стабильностью традиционных политических институтов и их названий. В тех случаях, когда роль спикера в шведском Риксдаге выполняет женщина, её традиционное обозначение предваряется титулом вежливости, эксплицирующим семантический женский род: *fru talman* «госпожа спикер». В то же время, как пишут шведские нормализаторы и языковеды,

¹ помогавшей одиноким родителям и упраздненной в 1981 г.

применительно к женщинам — членам Риксдага нежелательно употребление слова *riksdagsman*, которое используется, только когда речь идет о мужчинах. Вместо него в официальных ситуациях рекомендуется композит *riksdagsledamot* [Grünbaum, 1996: 113–114].

Как показывают последние работы шведских специалистов, устойчивость группировки личных имен с полусуффиксом *-man* поддерживается функционированием *man* как самостоятельного слова в двух частеречных «ипостасях» — существительного *мужчина, муж* и неопределенно- и / или обобщенно-личного местоимения. Этим объясняется использование альтернативных слов с различной морфологической структурой, лишенных указания на гендерную принадлежность референта [Språkriktighetsboken, 2005: 82]:

1. Непроизводное существительное: *polisman / polis* «полицейский».

2. Производные существительные с суффиксами имен деятеля: *idrottsman / idrottare* «спортсмен»; *justeringsman / justerare* «лицо, заверяющее протокол»; *vetenskapsman / forskare, vetenskapare* «ученый, научный работник»; *värderingsman / värderare* «оценщик»; *statsman / politiker* «государственный деятель, политик».

3. Двусловные сращения с теми же суффиксами: *bankman / bankrådgivare* «сотрудник банка».

4. Сложные слова: *riksdagsman / riksdagsledamot* «член риксдага».

5. Производные или сложные слова: *hallåman / programrepresentatör, programvärd* «диктор»; *talesman / representant, företrädare, språkrör* «представитель, уполномоченный».

Однако такие существительные встречаются при обозначении семантического общего рода только в официальных документах, создаваемых на основе нормативной регламентации, а в реальной речевой практике носителей шведского языка используются далеко не всегда и только по отношению к женщинам. Как отмечал У. Телеман, употребление наименований лиц семантического общего рода в сфере официальной коммуникации отражает её дистанцированный характер. В ситуациях коммуникативной близости (швед. *när sfären*), например, при общении в семье, указание на семантический мужской или женский род является естественным и даже необходимым [Teleman, 1995: 7]. Другие шведские специалисты также обращали внимание на то, что имена деятеля, которые не только грамматически, но и семантически относятся к общему роду, употребляются при выражении социальной функции референта [Grünbaum, 2001: 33; Språkriktighetsboken, 2005: 83–84]. Таким образом, в шведском языке выбор слов различной морфологической структуры основан на прагмасемантической дифференциации:

социальная функция — слова семантического общего рода, не дифференцирующие семантический мужской / женский род;

конкретное лицо — слова, обязательно содержащие указание на семантический мужской или женский род.

Важно подчеркнуть, что отмеченное различие характерно для шведской грамматики в целом и проявляется также при употреблении существительных без артикля для обозначения социальной функции / с неопределенным артиклем для обозначения конкретного референта, чаще всего с оценочной коннотацией; ср. Han är *snickare* (*svensk, katolik, socialdemokrat, diabetiker, änkeman*). «Он столяр (*швед, католик, социал-демократ, диабетик, вдовец*)». — Han är *en skicklig yrkesman / en hedersknyffel*. «Он искусный мастер / славный парень» [Ekerot, 1995: 171, 182]; см. об этом также [Bolander, 2004: 100–101]. Показательно, что в английском языке, именная парадигматика которого лишена родовых различий, подобная прагмасемантическая дифференциация отсутствует, а существительные с синтаксической функцией предикатива в составе именного сказуемого всегда употребляются с неопределенным артиклем.

В тех случаях, когда акцентируется указание на лицо, представляющее в конкретном образе, с необходимостью предполагающем указание на биологический пол, дифференциация имен лица с различной морфологической структурой по семантическому роду во многих случаях сохраняется. Эта тенденция наблюдается в различных лексико-семантических группировках одушевленных существительных, относящихся к именам деятеля или класса, в которых ярко проявляется гендерная специфика:

1. Обозначения национальной и этнической принадлежности: *engelsman* «англичанин» — *engelska* «англичанка»; *fransman* «француз» — *fransyska* «француженка»; *norrman* «норвежец» — *norska* «норвежка»; *grek* «грек» — *grekinna, grekiska* «гречанка»; *jude* «еврей» — *judinna* «еврейка».

2. Имена титулованных светских и церковных лиц: *greve* «граф» — *grevinna* «графиня»; *prins* «принц» — *prinsessa* «принцесса»; *diakon* «диакон» — *diakonissa* «диаконисса, сестра милосердия» (в приютах, благотворительных обществах при церковной общине).

3. Обозначения спортсменов, выступающих в зрелищных видах спорта: *simmare* «пловец» — *simmerska* «пловчиха»; *konst- / skid- / skridsko- / slalomåkare* «фигурист, конькобежец, лыжник, горнолыжник» — *konst- / skid- / skridsko- / slalomåkerska* «фигуристка, конькобежка, лыжница, горнолыжница».

4. Обозначения представителей зрелищных видов искусства: *dansör* «танцор» — *dansös* «танцовщица»; *skådespelare* «актер» — *skådespelerska* «актриса»; *sångare* «певец» — *sångerska* «певица».

5. Обозначения работников сферы обслуживания: *demonstratör* «демонстратор, служащий компании, демонстрирующий продукцию» (покупателям, клиентам) — *demonstratris* «служащая компании, демонстрирующая продукцию»; *flyg- / tågvärd* «стюард / проводник» — *flyg- / tågvärdinna* «стюардесса / проводница»; *kassör* «кассир» — *kassörska* «кассирша»; *massör* «массажист» — *massös* «массажистка»; *servitör* «официант» — *servitris* «официантка».

6. Наименования лиц, содержащие эмотивно-оценочный компонент: *beundrare* «поклонник, почитатель» — *beundrarinna* «поклонница, почитательница»; *älskare* «любовник, любитель» — *älskarinna* «любовница, любительница».

7. Имена мифологических персонажей: *fruktbarhets- / krigs- / kärleks- / seger- / sång- / ödesgud* «бог плодородия / войны / любви / победы / поэзии» — *fruktbarhets- / krigs- / kärleks- / seger- / sång- / ödesgudinna* «богиня плодородия / войны / любви / победы / поэзии».

8. Имена лиц с отрицательными коннотациями: *bondfångare* «мошенник, аферист» — *bondfångerska* «мошенница, аферистка», *äventyrare* «искатель / любитель приключений, авантюрист, лихач» — *äventyrerska* «искательница / любительница приключений, авантюристка, лихачка».

9. Названия некоторых животных женского пола, содержащие коннотативный компонент и часто имеющие метафорическое употребление, в том числе (для первых двух слов) в сравнительных оборотах: *lejoninna* «львица», *tigrinna* «тигрица», *varginna* «волчица», *åsninna* «ослица».

Сюда же относятся и существительные *värd* «хозяин» / *värdinna* «хозяйка», имеющие выраженные гендерные коннотации, употребление которых остается актуальным в ситуациях, когда гостей принимают двое — мужчина и женщина. В тех случаях, когда гостей встречает кто-то один, этот человек (он или она) обозначается словом *värd* [Lindgren, 2004: 61].

Таким образом, дифференциация имен лица по линии мужского / женского семантического рода имеет в шведском языке (как и в других языках с родовой дифференциацией, например, в русском) асимметричный характер. Те существительные, в морфологической структуре которых содержится указание на семантический женский род, всегда эксплицируют гендерную принадлежность референта и почти всегда употребляются с различными эмотивно-оценочными коннотациями. Напротив, их лексические соответствия, бывшие раньше словами семантического мужского рода, в условиях равенства полов приобрели в шведском языке новую социально значимую функцию семантического общего рода.

Функционально-семантическая асимметрия осложняется социокультурными факторами внешней лингвистики, которые связаны с изменениями профессиональных традиций и обусловленного этим использования имен деятеля и для мужчин, и для женщин. Так, существительное *bagare* «пекарь, уст. булочник», употреблявшееся только применительно к мужчинам и лишь с шестидесятих годов прошлого века ставшее общим для всех обозначением профессии, изначально имело и женское соответствие *bagerska* уст. «булочница (профессия как род деятельности), жена булочника». В то же время возникшие позднее и бывшие вначале также исключительно мужскими имена деятеля *läkare* «врач», *teolog* «теолог» раньше (в первом случае) или позже (во втором случае)

также стали обозначениями профессий как для мужчин, так и для женщин, так и не получив при этом женских соответствий. Существительное мужского рода *lärare* учитель, преподаватель, напротив, имело соответствие, в морфологической структуре которого содержалось указание на семантический женский род — *lärarinna* «учительница». Однако с самого начала различия в семантическом роде этих слов сопровождалось указанием на различный профессиональный и социальный статус референтов, поскольку женщины-учителя имели право преподавать только в начальной школе [Widmark, 1992: 18–19]. Позднее существительное мужского рода в соответствии с общей тенденцией стало официальным обозначением профессий как мужчин, так и женщин, например: När *hon* kom till Göteborg på sextiotalet, blev *hon lärare* i engelska och franska [Svenskt språkbruk, 2003: 73] «Когда *она* в шестидесятых приехала в Гётеборг, то стала *учителем* английского и французского». Однако несмотря на то, что существительное с женским суффиксом *lärarinna* приобрело пейоративную окраску (см. выше), по мнению шведских лингвистов, семантическая дифференциация по роду между членами рассматриваемой словообразовательной пары с суффиксами *-are / -inna* сохраняется в тех случаях, когда общий контекст и / или коммуникативная ситуация предполагают указание на гендерную специфику референта. Поэтому высказывание: Min *lärare* väntar barn i vår. «*Моя учительница* (букв. *мой учитель*) весной должна родить» и для современного носителя шведского языка звучит довольно странно [Grünbaum, 1996: 116]. Особенно ярко такая асимметрия проявляется в тех случаях, когда мужчины выполняют социальные роли, бывшие традиционно преимущественно женскими. Как остроумно заметила К. Грюнбаум, носителю шведского языка гораздо легче и естественнее называть женщину словом *magister* «магистр, учитель средних и старших классов в общеобразовательной школе и гимназии» (в определенной форме *magistern* используется также в качестве обращения), чем обращаться к мужчине, используя слово *fröken* уст. «фрекен» (ранее обозначение незамужней женщины и официальное обращение к ней), совр. «воспитательница детского сада, учительница младших классов».

С середины 70-х годов прошлого века профессию медицинской сестры, традиционно называемую словом *sjuksköterska*, в Швеции стали получать не только женщины, но и мужчины. В связи с этим до сих пор остается открытым вопрос о выборе её названия без коннотации гендерной принадлежности. В финляндском варианте шведского языка для этого используется существительное *sjukskötare* с суффиксом имени деятеля, который фактически приобрел функцию показателя семантического общего рода. В Швеции этого не произошло в силу экстралингвистических причин, поскольку существительное *skötare* используется для обозначения профессии санитаря в психиатрических больницах. Также непривычно и обращение *syster Björn* или *syster Bengt*, в которое вхо-

дит термин родства, однозначно маркирующий семантический женский род, к мужчине, работающему медицинской сестрой [Grünbaum, 1996: 116].

Рассуждая о возможности вмешательства языковедов и нормализаторов, направленного на устранение естественно сложившейся в шведском обществе и — одновременно или вслед за ним — в шведском языке асимметрии, У. Телеман указывал на несколько альтернативных возможностей [Teleman, 1995: 8–9]:

1. Проводить линию невмешательства, предполагая, что изменения общественных тенденций, независимо от внешнего субъективного вмешательства, сопровождаются языковыми изменениями.

2. Объяснять неискушенным носителям шведского языка содержание и причины языковых изменений, связанных с социокультурными изменениями в шведском обществе.

3. Предпринимать попытки так или иначе изменить языковую норму, а вслед за нею и узус, пропагандируя те или иные языковые инновации.

Применительно к обсуждаемой в этой статье теме речь может идти о четырех альтернативных употреблении для выражения семантического общего рода:

— принятого в английском языке двойного обозначения *han eller hon* (см. выше): Om det är någon som vill röka så får *han eller hon* göra det utomhus «Если кто-нибудь захочет покурить, *он или она* может сделать это на улице»;

— местоимения 3-го лица множественного числа *de*, в котором нейтрализовано различие как по грамматическому, так и по семантическому роду и одушевленности: Om det är några som vill röka så får *de* göra det utomhus букв. «Если есть те, кто захочет покурить, *они* могут сделать это на улице»;

— местоимения общего рода *den*, которое обычно используется при анафоре для замещения неодушевленных существительных: Om det är någon som vill röka så får *den* göra det utomhus. «Если кто-нибудь захочет покурить, то может сделать это на улице».

Наиболее кардинальной инновацией могло бы стать использование финского местоимения семантического общего рода *hän*² с измененной по аналогии с *den* орфографией: Om det är någon som vill röka så får *hen* göra det utomhus. В официальном письменном языке в таком случае У. Телеман предлагал использовать аббревиатуру *hn*³.

В действительности, несмотря на значительный прогресс шведского общества в области равноправия между мужчинами и женщинами и

² Наличие такого местоимения в финском языке обусловлено отсутствием родовой дифференциации существительных.

³ Это слово включено в последнее 14-е издание Словника Шведской Академии.

влияние феминистской идеологии, гендерные различия между ними по-прежнему остаются, хотя нередко и в измененном виде. Возможно, именно поэтому шведские лингвисты и нормализаторы женского пола более реально смотрят на вещи, чем мужчины той же профессии, признавая, что «в отношении к выражению мужского — женского начала нет подлинного равновесия ни в жизни, ни в языке» [Grünbaum, 1996: 116]. Это всегда в большей или меньшей степени находит языковое выражение, о чем свидетельствует, казалось бы, столь незначительный факт, как семантический дисбаланс между двумя очень похожими по форме, но очень разными по лексическому значению существительными — *yrkesman* «специалист, профессионал, мастер своего дела, умелец» и *yrkesvinna* «работающая женщина» (являющаяся квалифицированным специалистом) [Grünbaum, 2001: 33].

Особенности функционирования и системный статус шведских местоимений как отражение динамики синхронии

Семантике английских и русских местоимений в сопоставительном плане была посвящена кандидатская диссертация О.Н. Селиверстовой [Селиверстова, 1965]; позднее она написала книгу, в которую вошли три очерка, посвященные природе местоименных значений и их референциальных свойств — также в сопоставительном аспекте: о личных местоимениях и указательном *это* в сопоставлении с 3-м лицом; о русских местоимениях с *-нибудь* и *-то* и английских с *-one* и *-body*; о русском *любой* и английском *any* [Селиверстова, 1988]. В книге были сформулированы наиболее важные особенности местоименного значения:

1) в денотативном плане основное своеобразие местоимений состоит в отсутствии постоянного класса денотации;

2) специфика местоименного значения заключается в его несамодостаточности, которая, вместе с тем, не тождественна ситуативной изменчивости значения;

3) семантическая структура местоимений бывает чрезвычайно сложной;

4) значение местоимений часто предопределяет синтаксические условия их употребления [Селиверстова, 1988: 144].

Анализ семантики и употребления шведских местоимений в современной, главным образом, обиходно-разговорной речи показывает, что сложными являются также и внутренняя конфигурация этого, казалось бы, вполне закрытого и «устоявшегося», хотя и неомогенного класса слов, включающего несколько разнородных функционально-семантических разрядов, и их соотношение со словами, принадлежащими другим частям речи. В предлагаемой статье рассматриваются некоторые аспекты динамики синхронии шведских местоимений, выявленные при анализе тех функционально-семантических разрядов, которым посвящена книга О.Н. Селиверстовой. Это, во-первых, местоимения 3-го лица — сами по происхождению указательные — в соотношении с собственно указательными и, во-вторых, полифункциональное слово *en*, способное выступать в шведском языке в различных «ипостасях» и тем самым принадлежать различным функционально-семантическим разрядам.

На материале различных языков не раз отмечалось, что личные местоимения вместе с притяжательными и указательными занимают центральное место в структуре этой части речи [Вольф, 1974; Майтинская, 1969; Мещанинов, 1978]. Известно также, что образованные от указательных местоимения 3-го лица занимают периферийное положение как

в плане выражения, так и в плане содержания, будучи немаркированным членом корреляции лица [Бенвенист, 1974: 289].

В скандинавских языках важнейшую роль в перестройке системы личных местоимений сыграло слияние мужского и женского рода существительных и включение в область грамматического третьего лица предметного местоимения общего рода *den*, по аналогии с предметным местоимением среднего рода *det* и общим для личных и предметных местоимением 3-го лица множественного числа *de* [Стеблин-Каменский, 1953: 212]. Важно, однако, что этот существенный для истории шведского языка момент [Pettersson, 1994: 155] не стал только фактом диахронии, но послужил импульсом для дальнейшего расширения области 3-го лица, выявляемого в динамике синхронии. Дело в том, что *den* и (реже) *det* могут употребляться в современном шведском языке анафорически не только как предметные, но и как неопределенно-личные местоимения при указании на лицо безотносительно к семантическому полу; их выбор обусловлен при этом грамматическим родом коррелята. Это возможно в следующих случаях:

1. При анафорической соотнесенности с неопределенным местоимением *någon* в субстантивном употреблении:

- (1) Om *någon* vill börja här, så måste *den* genomgå en intervju och en rad test; зд. и далее [SAG, 2: 281 «Если кто-нибудь хочет начать работать здесь, то должен пройти собеседование и ряд тестов»;
- (2) Låt oss anta att *någon* vill öppna en restaurang här i stan. Då måste *den* först skaffa ett oräkneligt antal intyg och tillstånd «Предположим, что кто-нибудь хочет открыть здесь в центре ресторан. В таком случае он должен сначала получить бесчисленное количество справок и разрешений».

2. При соотнесенности с одушевленными существительными как общего, так и среднего рода в контекстах, для которых обозначение пола невозможно или нерелевантно:

- (3) *En baby* blir ofta gnällig, om *den* inte fått tillräckligt med mat «Младенец часто капризничает, если не наелся»;
- (4) När *det lilla barnet* är hungrigt, börjar *det* nästan alltid skrika «Когда маленький ребенок голоден, он почти всегда начинает кричать»;
- (5) Det fanns visst *ett vittne* till händelsen, men man lyckades aldrig spåra upp *det* efteråt «Имелся свидетель этого события, но его так и не удалось позднее разыскать»;
- (6) Om *ett biträde* vägrar ta övertid, blir *det* inte gammalt i den här affären «Если помощник продавца отказывается работать сверхурочно, он ненадолго останется работать в этом магазине».

3. С пейоративным оттенком при наличии конкретного одушевленного коррелята:

- (7) Anders? Nej, *den* vill jag inte ta i med tång; зд. и далее [SAG 2: 282] «Андерс? Нет, с таким я не хочу иметь дела»;
- (8) Har du sett på *den*? «Видал такого?»

4. В лексикализованных сочетаниях *den och den*, *den eller den*, когда конкретизация названных ранее лиц нерелевантна для говорящего:

- (9) När någon i fyllan och villan började berätta skvaller, att *den och den* hade ihop det med *den och dens* fru, blev hon arg och hutade åt honom «Когда кто-то спьяну начал рассказывать сплетни о том, что тот-то и тот-то завел интрижку с женой того-то и того-то, она разозлилась и оборвала его».

Важно подчеркнуть, что при неопределенно-личном употреблении *den* имеет форму генитива *dens* по модели *hans*, а не *dess*, как у предметных местоимений *den / det*:

- (10) *Dens sorg* som mist en älskad katt är ofta inte mindre djup än *dens* som mist en nära mänsklig vän [SAG, 2: 270] «Горе того, кто потерял любимого кота, часто бывает не менее сильным, чем того, кто потерял близкого друга».
- (11) Han såg på intet vis ut att vara förkrossad, tvärtom verkade han både stark och stolt, men tonfallet var *dens* som blivit förkrossad [SAG 2: 281] «Он вовсе не выглядел сильно расстроенным, напротив, он казался сильным и гордым, и только интонация была как у того, кто сильно расстроен»; см. также пример (9) выше.

Эта форма иногда встречается в устной речи и при соотносительности с неодушевленным коррелятом общего рода вместо *dess*:

- (12) Varför har du ställt *kokboken* här? Vet du inte att *dens plats* är i köket? [SAG 2: 271] «Почему ты поставил поваренную книгу здесь? Разве ты не знаешь, что её место в кухне?».

Для предметного местоимения среднего рода, напротив, возможна только форма генитива *dess*, которая изначально была образована от указательного *det*, а затем распространилось и на генитив местоимения *den*:

- (13) Smickra *ett barns* fåfänga och du är *dess* idol «Польстите тщеславию ребенка, и вы станете его идолом» [SAG, 2: 281].

Представляется, что наряду с *den* следует включить в область 3-го лица и неопределенно-личное местоимение *man* (объектный падеж *en*,

генитив *ens*), которое трактуется в Шведской Академической грамматике как «неопределенное обобщенное соответствие личным местоимениям» [SAG. 2: 393]; там же, по сути дела, названы и синтаксические критерии, указывающие на их сходство:

1. Аналогичное употребление в словосочетаниях с местоимениями *själv* «сам» и *egen* «собственный»: *man själv (jag / du / han själv)*; *ens egna barn (mina / dina / hans egna barn)*.

2. Соотнесенность с возвратными местоимениями *sig* и *sin*:

(14) Tillhör man adeln, kan *man* bygga *sig* en slottsvagn [SAG, 2: 394] «Если принадлежишь дворянскому сословию, то можешь построить себе замок на колесах»;

(15) På det sättet ville *man* markera *sin* särart [SAG, 2: 395] «Таким образом хотели подчеркнуть свою уникальность».

Man может употребляться и в функции местоимения 1-го лица для снятия «эгоцентричности» высказывания о самом себе:

(16) *Man* är väl inte mer än människa! (Hj. Söderberg) [Чекалина, 1984: 31] «Я ведь всего-навсего простой смертный!».

Переходным между субстантивным и местоименным является, по видимому, употребление *man* с числительными при указании на количество человек, независимо от пола:

(17) Firman anställer *sex nya man* (P.G. Evander) [Чекалина, 1984: 12] «Фирма примет на работу еще шесть человек».

Общее для личных *han / hon* и предметных *den / det* местоимение множественного числа *de* в неформальной речи способно замещать неопределенно-личное *man*, если в класс референтов не включаются участники коммуникации:

(18) I England kör *dom*¹ fortfarande till vänster; зд. и далее [SAG 2: 286] «В Англии (они) по-прежнему ездят по левой стороне»;

(19) I Stockholm tror *dom* väl att vi inte är riktigt kloka «В Стокгольме они ведь думают, что мы не совсем в своем уме»;

(20) I Malmö har *de* visst byggt ett nytt konstmuseum «В Мальме (они) построили, конечно, новый художественный музей».

При таком употреблении в значении *de* явно проступает «исходная» указательность (*они*, а не *мы*, значит *те*).

¹ Такое написание местоимения *de* [dom] возможно при отражении особенностей устной речи.

При неопределенно-личном употреблении *de*, в отличие от *man*, всегда содержит указание на множественность, о чем свидетельствует согласование с именной частью сказуемого; у *man* это наблюдается только в обиходно-разговорной речи:

- (21) *Man var eniga om att något borde göras* [Thorell, 1973: 77] «Существовало единое мнение, что надо что-то делать»;
- (22) *Man kunde vara flera* (A. Lundkvist) [Чекалина, 1984: 31] «Их могло быть несколько».

Аналогичный статус имеет существительное *folk* в собирательном значении «люди» при употреблении без показателей рода и определенности в субъектной позиции, которое проявляет мало заметную тенденцию к переходу в разряд неопределенно-личных местоимений с семантикой множественности:

- (23) *Jag förstår att folk är besvikna över matchens utgång*; зд. и далее [Svenskt språkbruk, 2003: 321] «Я понимаю, что люди расстроены результатом матча»;
- (24) *Folk är upprörda över de försämringar som har skett* [Svenskt språkbruk, 2003: 321] «Люди возмущены произошедшими изменениями».

Важным критерием промежуточной частеречной принадлежности является семантическое согласование *folk* с именной частью сказуемого в форме множественного числа, а также отсутствие падежных словоизменительных форм как по собственно субстантивному, так и по местоименно-субстантивному типу.

Расширение сферы 3-го лица выявляется также при субстантивном употреблении указательного местоимения *denne* в анафорической функции для замещения одушевленных существительных, обозначающих лиц мужского пола. Такое употребление чаще встречается в книжной речи в тех случаях, когда рядом оказываются два различных существительных, причем *denne* замещает то, которое не является грамматическим субъектом:

- (25) *För att en projektledare skall kunna anställa en doktorand inom ett projekt, måste denne kunna uppvisa specialkunskaper på området*; зд. и далее [SAG, 2: 309] «Для того, чтобы руководитель проекта мог принять для работы в проекте докторанта, тот должен суметь продемонстрировать особые знания в этой области»;
- (26) *Berggren har talat med sin chef, men han lyckades inte få ur denne något bestämt besked* «Берггрен поговорил со своим начальником, но ему не удалось получить от того никакой определенной информации».

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в современном шведском языке в области 3-го лица сложилась трехчленная система:

личные	неопределенно-личные	предметные
<i>han hon</i>	<i>man (en) den de</i>	<i>den det de</i>
<i>denne</i>		
<i>den det de</i>		

Таким образом, область 3-го лица в динамике синхронии проявляет заметную «открытость» по отношению к указательным местоимениям, как бы оживляя тем самым «скрытую память языка» [Николаева, 2002: 25].

Другой проблемой, сложно и причудливо отражающей динамику синхронии, является частеречная принадлежность и функционально-семантический статус полифункционального слова *en*, которое в шведском языке выступает в различных «ипостасях» — либо вместе со своим аналогом среднего рода *ett*, либо без него, а также в слабой форме и форме множественного числа *ena*.

I. Так же, как и *ett*, *en* может быть:

1) количественным числительным *один*;
2) неопределенным артиклем — показателем грамматической формы единственного числа у считаемых существительных; разграничение числительного / неопределенного артикля осуществляется просодически (числительное ударно) и / или контекстуально;

3) местоименным компонентом составного вопросительного местоимения с предлогом:

(27) *Hon måste ligga en tid efter olyckan. — Vad för en olycka?*; зд. и далее [SAG 2: 355] «Она должна полежать какое-то время после несчастного случая. — Какого несчастного случая?»;

(28) *Vad för ett hus vill du ha?* «Какой дом ты хочешь иметь?».

В разговорной речи *en / ett* может заменяться неопределенным местоимением *någon*; высказывание приобретает при этом еще более выраженные прагматические коннотации:

(29) *Vad för någon färg ska du ha?* «Какой же цвет тогда тебе нужен?»;

(30) *Vad för något tyg hade du tänkt dig?* «Какой же материал тогда тебе нужен?»;

(31) *Vad för några elever var det som kom?* «Какие же ученики тогда пришли?».

Прагматика употребления *någon* в составе вопросительного местоимения позволяет сопоставить его с русским местоимением *какой же* (тогда, еще, в таком случае).

II. Случаи, когда употребляется только *en*:

1) как неопределенно-личное местоимение (см. выше):

а) в форме объектного падежа неопределенно-личного местоимения *man*:

(32) Det häftigt blåa i luften gjorde *en* glad om hjärtat (L.Ahlin) [Чекалина, 1984: 31] «Яркая синева воздуха веселила сердце»;

б) в субъектной позиции вместо *man* с прагматической коннотацией уничижительности в обиходно-разговорной речи:

(33) *En* skulle inte ha eld (P.Lagerkvist) [Чекалина, 1984: 31] «Огонь зажигать не полагалось»;

2) в функции адвербиальной частицы со значением приблизительного количества (швед. gradadverbial):

(34) *en trettio trettiofem stycken* [SAG, 2 492] «штук так (этак) 30–35».

III. Только *ena* — в образованном по модели слабой формы корреляте к *andra* — порядковому числительному *второй* и / или местоимению *другой* — со значением *один из двух*: *bussens ena framhjul*; зд. и далее [SAG, 2: 465] «одно (из двух) переднее колесо автобуса»; *mitt ena svenska företag* «одно из двух моих шведских предприятий». В Шведской Академической грамматике такое употребление трактуется как определенная форма неопределенного артикля / числительного *en*.

IV. Особый интерес представляют случаи местоименного употребления в обиходно-разговорной речи *en* (чаще всего) / *ett* (реже всего) / *ena* при существительных во множественном числе (довольно часто), имеющие выраженные эмотивно-оценочные коннотации. По синтаксической дистрибуции их можно разделить на два типа:

I. Атрибутивное употребление — всегда факультативно в экспрессивных целях:

а) в постпозиции к обиходно-разговорному местоимению *sicken* «каков» (вместо *vilken* «какой»):

(35) *sicken (en) rackare*; зд. и далее [SAG, 2: 444] «каков негодник»; *sicket (ett) väder* «какова погодка»; *sickna (ena) rackare* «каковы негодники»;

б) в составе вопросительного местоимения *vad för (ena)* при существительном во множественном числе:

(36) *Vad för (ena) skridskor* tycker du bäst om?; зд. и далее [SAG, 2: 355] «Какие же (еще, тогда) коньки тебе нравятся больше всего?»; в этой функции *ena* может замещаться неопределенно-личным местоимением *några* (см. пример 31 выше);

в) в местоименной функции так называемого «эмотивного» артикля [SAG, 2: 410] — в сильной рематической позиции при номинативных словосочетаниях с вещественными и абстрактными существительными и прилагательными, чаще всего с выраженной негативной оценкой, у которых неопределенный артикль обычно невозможен:

(1) *en / ett* при неисчисляемых существительных:

(37) *Det var en sur ved du har*; зд. и далее [SAG, 2: 410] «У тебя дрова какие-то сырые»;

(38) *Det var mig ett smaklöst kaffe du har bryggt* [SAG, 2: 407] «Ты мне приготовил какой-то безвкусный кофе»;

(2) *ena* при существительных во множественном числе:

(39) *Ni betedde er som ena kvalificerade dumbommar*; зд. и далее [SAG, 2: 410] «Вы вели себя как какие-то (настоящие) дураки»;

(40) *Hon uppfostrade sina barn till ena riktiga snobbar* «Она воспитала своих детей какими-то (настоящими) снобами»;

(41) *Du har alltid ena konstiga kompisar med dig* «У тебя всегда какие-то странные приятели»;

(42) *Han har köpt ena äckliga blommor* «Он купил какие-то отвратительные цветы».

В таком употреблении *en / ena* выступает как неопределенное местоимение, близкое по значению русским *какой-то*, *этаким* или даже *такой*, и имеет выраженные прагматические коннотации; о прагматической семантике русских местоимений; см. [Николаева, 1985; Шмелев, 2002].

2. Субстантивное употребление с эмотивно-экспрессивными коннотациями в функции заместителя существительного в словосочетаниях с прилагательными и / или атрибутивными местоимениями:

а) когда местоименный заместитель является синтаксически обязательным:

(43) *Jag såg en konstig en nyss i affären* [SAG, 3: 54] «Недавно я видел в магазине какого-то странного типа»;

(44) *Din bror är en konstig en*; зд. и далее [SAG, 3: 55] «Твой брат — какой-то странный тип»;

(45) *Det var en / ingen stor en! Det var ett / inget stort ett!* «Это какая-то большая / небольшая штуковина!»;

при существительных во множественном числе употребляется *ena*:

(46) *De där bröderna är ena besvärliga ena* «Эти братья — какие-то надоедливые типы»;

(47) Det var *ena / några / inga stora ena!* «Это какие-то большие / небольшие штуковины!»;

б) когда заместитель является синтаксически факультативным:

(48) Kan du låna mig en mejsel? — Jag har bara *en stor (en)* «Ты можешь одолжить мне долото? — У меня (есть) только такое большое»;

(49) Kan du låna mig ett stämjärn? — Jag har bara *ett stort (ett)* «Ты можешь одолжить мне стамеску? — У меня (есть) только такая (какая-то) большая»;

(50) Kan du låna mig fyra små skruvar? — Jag har bara *tre stora (ena)* «Ты можешь одолжить мне четыре маленьких сверла? — У меня (есть) только три таких больших».

Анализ употребления *en / ett / ena* в различных функциях показывает, что границы между: а) неопределенным артиклем; б) числительным *один*; в) неопределенным местоимением являются достаточно размытыми. Тем самым выявляется и размытость границы между шведским числительным *один* и неопределенным местоимением *какой-то*; ср. соотношение между порядковым числительным *второй* и местоимением *другой*. В связи с этим грамматический статус неопределенного артикля в шведском языке также оказывается одним из наименее определенных (что в данном случае удачно отражено в его названии). Показательно, что в Шведской Академической грамматике неопределенный артикль рассматривается как неопределенное местоимение и одновременно с этим как формальное слово, амбивалентное числительному *один*: Formordet *en* har också andra funktioner än som obestämd artikel (eller grundtal för 1) [SAG, 2: 407] «Формальное слово *en* имеет также другие функции, кроме функции неопределенного артикля (или количественного числительного *один*)».

Динамика синхронии, выявляемая в различном употреблении шведских местоимений, не сдерживаемом жестким нормированием, которое характерно для письменного языка, как бы дублирует «в новой интерпретации» те процессы, которые уже стали давно состоявшейся историей шведского языка².

Таким образом, материал даже одного языка, отражающий многообразие и сложность реальных употреблений в речи, не только становится его живой историей, но позволяет сделать наблюдения, полезные для сопоставительной и контрастивной лингвистики.

² В контрастивном аспекте возможно сравнение шведского полифункционального слова *en* с употреблением русского *один* в функции детерминатива.

Норма и вариативность употребления местоимения *sin* в современном шведском языке

Одним из немногих различий между датской и шведской грамматикой является употребление возвратно-притяжательного местоимения *sin* при анафорической отсылке к 3-му лицу. В датском языке это допустимо только с именным коррелятом в единственном числе, а в шведском распространяется и на множественное число; ср.: дат. Han (hun) vasker *sine* hænder «Он (она) моет (букв. *свои*) руки»; De vasker *deres* hænder [Есперсен, 1958: 259] «Они моют (букв. *их*) руки»; Pigen leger med *sine* dukker «Девочка играет со своими куклами»; Pigerne leger med *deres* dukker «Девочки играют со *своими* (букв. *их*) куклами» [Karker, 1997: 137]; но швед. Han håller *sitt* löfte «Он держит *свое* обещание»; De håller *sitt* löfte «Они держат *свое* обещание» [Thorell, 1973: 87]; Eleverna har *sina* förkunskaper «Ученики имеют *свои* базовые знания» [Thorell, 1973: 89].

Правда, в южношведском региональном варианте при именном корреляте множественного числа вместо возвратного встречается притяжательное местоимение 3-го лица *deras*, как в датском языке: Skottar är kända inte allena för *deras* sparsamhet, utan också för *deras* oftast lika utpräglade saklighet [SAG, 2: 332] «Шотландцы известны не только *их* бережливостью, но и *их* часто столь же заметной трезвостью взглядов».

В большинстве случаев появление возвратно-притяжательного местоимения «регулируется правилами прономинативности, носящими строго синтаксический характер» [Исаченко, 1965: 160]. Тем не менее, как писал Э. Велландер в своей широко известной книге «Riktig svenska», на протяжении всего XX в. служившей основным пособием по нормативной грамматике и стилистике шведского языка, употребление возвратных местоимений является одной из наиболее часто обсуждаемых и спорных проблем шведской грамматики: «I många fall kan en bestämd regel givas och följas, men i andra fall står regel mot regel, och språkkänslan är osäker. Ofta ger den enes språkkänsla bestämt utslag i en riktning, den andres i en annan, beroende på någon olikhet i tankegång, i medvetna eller omedvetna analogier, i språklig skolning, i tycke och smak» [Wellander, 1948: 233] «Во многих случаях можно дать определенное правило и следовать ему, но в других случаях одно правило противоречит другому, а языковое чутьё является ненадежным. Часто языковое чутьё одного ведет в одну сторону, а другого в другую, в зависимости от некоторого различия в ходе мыслей, в осознанных или неосознанных аналогиях, в языковой подготовке, в предпочтении и вкусе» (здесь и далее

перевод мой. — Е. Ч.). Ему вторит на исходе XX века и современный шведский языковед Л.-Г. Андерсон: «Valet mellan *sin* och *hans*, *sin* och *hennes*, *sin* och *dess* och *sina* och *deras* hör till knepigheterna i den svenska grammatiken» [Andersson, 2000: 110] «Выбор между *свой* и *его*, *свой* и *её*, *свой* и *его* / *её* (о неодушевленных предметах), *свой* и *их* относится к неоднозначностям шведской грамматики».

Постановка *sin* является облигаторной, когда именной коррелят анафорической отсылки, независимо от синтаксической функции, выступает смысловым субъектом предикации в рамках простого предложения. Чаще всего, однако, он является грамматическим субъектом: Hon målade *sin* båt / *sitt* hus / *sina* naglar [SAG, 2: 230] «Она покрасила *свою* лодку / *свой* дом / *свои* ногти»; Han gladdes åt *sin* brors framgångar [Teleman, 1997: 272] «Он радовался успехам *своего* брата»; Hon föreföll aldrig irriterad på *sina* medarbetare [SAG, 2: 336] «Казалось, что она никогда не раздражается на *своих* сотрудников»; Han lovade (mig) att ta med *sina* dikter till nästa gång «Он обещал (мне) принести *свои* стихи к следующему разу»; Hon räknade med att få *sin* artikel antagen [SAG, 2: 335]; «Она рассчитывала на принятие *своей* статьи»; Axel talade länge om en resa till *sin* födelsesocken [SAG, 2: 334] «Аксель долго говорил о поездке в *свой* родной приход»; Genom denna berättelse gjorde han mig nyfiken på *sin* fru [SAG, 2: 336] «Этим рассказом он вызвал у меня любопытство к *своей* (т.е. *его*) жене».

В монорематических высказываниях с формальным грамматическим субъектом и реальным подлежащим в постфинитной позиции местоимение *sin* кореферентно последнему: Plötsligt flög det upp några fåglar från *sina* pinnar «Вдруг несколько птиц вспорхнули со *своих* жердочек»; Det sitter en gubbe därnere i *sin* gungstol och pratar med alla som kommer förbi [SAG, 2: 340] «Там внизу сидит в *своем* кресле-качалке (какой-то) старик и заводит разговор со всеми, кто проходит мимо».

Под прототипическое употребление с именным коррелятом *sin* в функции подлежащего подпадают также предложения, осложненные синтаксическими оборотами:

- со сравнительной частицей *än*: Per är äldre än *sin* bror [SAG, 2: 336] «Пер старше *своего* брата (букв. чем *свой* брат»;
- со сравнительным союзом *som*: Per hade samma yrke som *sin* bror [SAG, 2: 336] «У Пера была та же профессия, что и у его (букв. *своего*) брата»;
- с предлогом *utom* в союзной функции [Чекалина, 2002: 143–151]: Utom *sin* bror kände kassören bara två personer i församlingen [Teleman, 1997: 276] «Кроме *своего* брата, кассир был знаком только с двумя прихожанами»;
- с предложно-инфинитивным оборотом: Hon ville imponera på oss genom att visa *sina* talanger i matlagning [SAG, 2: 335] «Она хотела произвести на нас впечатление, показав *своё* кулинарное искусство»;

— при безличном оформлении предложения с «низведенным» смысловым субъектом инфинитива: Det går lätt för Per att skriva ner alla *sina* idéer [SAG, 2: 331] «Перу легко записать все *свои* идеи».

Возвратно-притяжательное местоимение может употребляться и при отсутствии эксплицированного именного коррелята для указания на обобщенный смысловой субъект инфинитивной конструкции в высказываниях различной синтаксической структуры:

— с инфинитивом цели: Skåpet är avsett att lägga *sina* privata saker i [SAG, 2: 335] «Шкаф предназначен для того, чтобы класть в него *свои* личные принадлежности»;

— с инфинитивной конструкцией в постфинитной позиции при формальном грамматическом субъекте: Det är dumdrigt att säga upp sig från *sitt* arbete i dessa tider [SAG, 2: 334] «Слишком безрассудно увольняться со *своей* работы в эти времена»; Det är skönt att få sova i *sin* egen säng [SAG, 2: 332] «Прекрасно поспать в *своей* собственной постели»; Någon att anförtro *sina* hemligheter är det viktigt att ha [SAG, 2: 335] «Важно иметь кого-нибудь, кому можно доверить *свои* секреты»; Det är inte alltid lätt att hålla *sina* löften [Thorell, 1973: 90] «Не всегда легко сдерживать *свои* обещания»; Det är inte lätt att ha *sina* barn på sjukhus [Teleman, 1997: 275] «Нелегко, когда *свои* дети в больнице»;

— с инфинитивной конструкцией в инициальной позиции грамматического субъекта: Att segra är *sin* egen belöning [SAG, 2: 332] «Победить уже само по себе является вознаграждением» (букв. «Победить — это *свое* собственное вознаграждение»); Att opponera sig mot *sina* lärare lönar sig inte längre [SAG, 2: 334] «Возражать *своим* учителям больше не имеет смысла». В последнем случае возможна также замена инфинитива синонимичным существительным с процессуальной семантикой: Oppositionen mot *sina* lärare lönar sig inte längre [SAG, 2: 334] «Возражение *своим* учителям больше не имеет смысла».

Нередки, однако, и такие случаи, когда именной коррелят возвратного местоимения является второстепенным членом предложения:

— препозитивным определением в форме генитива: Peters bok om *sin* far är mycket intressant [SAG, 2: 340] «Книга Петера о *своем* отце очень интересная»;

— дополнением: Att odla *sin* trädgård roade honom mest av allt [SAG, 2: 335] «Заниматься *своим* садом нравилось ему больше всего»; Vi erbjöd fångarna daglig kontakt med *sina* fruar [SAG, 2: 335] «Мы предоставили заключенным ежедневную возможность встречаться со *своими* женами».

Именной коррелят в функции дополнения встречается также в предложениях осложненной синтаксической структуры:

— при сложном дополнении с инфинитивом: Vi hörde honom spela *sina* skivor [SAG, 2: 335] «Мы слышали, как он ставит *свои* пластинки»;

- при распространенном постпозитивном определении к дополнению, выраженном причастием: Vi såg Bengt bärande på *sin* gamla väska [Teleman, 1997: 275] «Мы видели, как Бенгт тащил *своей* старый чемодан»;
- в предложениях с объектным предикативом: Detta har gjort Bengt besviken på *sina* vänner «Это привело к тому, что Бенгт разочаровался в *своих* друзьях»; Jag betraktade Koivisto som *sitt* lands främste politiker [Teleman, 1997: 275] «Я считал Койвисто самым выдающимся политиком *своей* страны»;
- при инфинитивном обороте с предлогом: Jag misstänkte honom för att ha sålt *sina* skivor [SAG, 2: 335] «Я подозревал его в том, что он продал свои пластинки»;
- при каузативном предикате с инфинитивной конструкцией после дополнения, раскрывающей содержание каузации: Vi förbjöd Axel att ta med *sin* dator [SAG, 2: 331] «Мы запретили Акселю приносить *своей* компьютер».

Однако в синтаксически осложненных высказываниях с несколькими актантами однозначная трактовка коррелята *sin* возможна только при подлежащем в 1-м и 2-м лице, когда замещение возвратным местоимением недопустимо: Jag visade Peter till *sitt* rum «Я показал Петеру его (букв. *свою*) комнату»; Jag upptäckte Per vid *sitt* skrivbord «Я обнаружил Пера за его (букв. *своим*) письменным столом»; Vi gav Peter *sin* välförtjänta belöning [Teleman, 1997: 276] «Мы дали Петеру его (букв. *свое*) заслуженное вознаграждение». При нескольких актантах в 3-м лице сразу возникает неопределенность анафорической отсылки, например: Bertil lät inte Peter tala med *sin* syster [Teleman, 1997: 271] «Бертиль не разрешил Петеру поговорить со *своей* сестрой»; Bengt såg Peter läsa i *sin* bok [Teleman, 1997: 279] «Бенгт видел, как Петер читает *свою* книгу». Ср. также остроумный пример с тремя актантами, придуманный У. Телеманом: Bengt lät Peter se Katrin sova i *sin* säng (*sin* = Katrins eller Peters eller Bengts) [Teleman, 1997: 277] «Бенгт разрешил Петеру посмотреть, как Катрин спит в *своей* постели (*своей* = в постели Катрин или Петера или Бенгта)». Аналогичный пример реального употребления, в котором можно при желании усмотреть двусмысленность, приводит в своей книге Э. Велландер: En morgon fann städerskan honom död i *sin* säng [Wellander, 1948: 250] «Однажды утром горничная нашла его мертвым в *своей* кровати».

В случаях подобного рода при употреблении *sin* в предложениях с несколькими актантами 3-го лица имеет место синтаксическая синонимия: De (1) lät barnen (2) bo i *sitt* föräldrahem «Они (1) разрешили детям (2) жить в доме *своих* родителей»; Per (1) lät Bengt (2) köra *sin* båt «Пер (1) разрешил Бенгту (2) сесть за руль *своей* моторки»; Per (1) skickade ut Bengt (2) för att möta *sin* moster [SAG, 2: 331] «Пер (1) послал Бенгта (2) встретить *свою* тетю»; Per (1) visade Björn (2) till *sitt* rum [SAG, 2: 336] «Пер (1) показал Бьерну (2) *свою* комнату».

Судя по приведенному в статье У. Телемана материалу, при выборе именного коррелята *sin* действует принцип преимущества контактного расположения: Peter lyssnade på Axels berättelse om Ernsts besök hos *sin* kusin (*sin* = Ernsts, men också alternativt Axels eller Peters) [Teleman, 1997: 278] «Петер слушал рассказ Акселя о визите Эрнста к *своей* кузине (*своей* = Эрнста, но возможно также Акселя или Петера)».

Иногда в языковой системе имеются специализированные средства, позволяющие снимать омонимию подобного рода, например, в предложениях с предикатом, выраженным глаголом *be* «(по)просить» и предложно-инфинитивной конструкцией, ср.: Katrin bad Peter om att få ringa till *sin* bror (*sin* = Katrins). «Катрин попросила Петера позвонить *своему* брату (*своему* = Катрин)», но: Katrin bad Peter om att ringa till *sin* bror (*sin* = Peters) [Teleman, 1997: 274] «Катрин попросила Петера позвонить *своему* брату (*своему* = Петера)». Возможная неоднозначность снимается в первом предложении облигаторным употреблением глагола *få* с модально-аспектуальной семантикой при инфинитиве, которым маркируется, что Катрин попросила разрешения позвонить своему брату; см. об этом подробнее [Чекалина, 1985: 122–126]. Во втором предложении, напротив, речь идет о том, что Катрин попросила Петера, чтобы тот позвонил своему брату.

В ряде случаев однозначное указание на именную коррелят обусловлено ситуативным контекстом. Так, в предложениях: Polisassistenten bad Anna visa *sitt* pass «Помощник полицейского попросил Анну показать *свой* паспорт»; Polisassistenten lät Anna låna *sin* bil [SAG, 2: 331] «Помощник полицейского разрешил Анне взять *свою* (т.е. его) машину» семантика предикатов прямо указывает на именную коррелят возвратного местоимения — косвенное дополнение в первом случае и подлежащее во втором.

Особо следует выделить случаи употребления *sin* в составе синтаксических групп со свернутой предикацией, ядром которых являются существительные с процессуальной семантикой — *nomen actionis*, *nomen qualitatis* и *nomen agentis*. Чаще всего коррелят в форме генитива является смысловым субъектом процесса (у *nomen actionis*) или состояния (у *nomen qualitatis*), выраженных нексусными существительными¹, а возвратное местоимение входит в состав постпозитивного предложно-субстантивного определения к такому существительному: Vi hörde om

¹ Нексусные существительные как особый разряд имен были выделены О. Есперсеном, включившим в эту группу не только отглагольные *nomen actionis* (например, англ. *arrival*), но и предикативные *nomen qualitatis*, образованные от прилагательных (например, англ. *cleverness*). Близостью между этими разрядами он объяснял, в частности, то обстоятельство, что в датском языке, где нет отглагольного существительного, соответствующего глаголу *elske* «любить», вместо него употребляется существительное *kærlighed* «любовь», образованное от прилагательного *kærlig* «любимый» [Есперсен, 1958: 155].

Pers besök hos *sin* gamle lärare «Мы слышали о визите Пера к *своему* старому учителю»; Skolans ansvar för *sina* elever efter skoltid är lika med noll «Ответственность школы за *своих* учеников в свободное время после школы равна нулю»; Pers generositet mot *sina* vänner var välkänd [SAG, 2: 333] «Щедрость Пера по отношению к *своим* друзьям была хорошо известна».

Свернутая предикация может содержаться и в *nomen agentis*, которое способно выступать именным коррелятом возвратного местоимения *sin* в составе постпозитивного предложно-субстантивного определения: Jag kunde inte stå ut med denne pratsamme beundrare av *sin* stad «Я не мог выдержать этого болтливового почитателя *своего* города»; Fiender till *sina* egna ekonomiska intressen har vi gott om i det här partiet [SAG, 2: 339] «В этой партии у нас полно врагов *своих* собственных экономических интересов».

В благоприятных синтаксических условиях в качестве коррелятов возвратного местоимения в составе синтаксических групп могут выступать имена родства: Jag har träffat två av hennes barn med *sin* förste man [SAG, 2: 339] «Я встретил двоих из её детей с её (букв. *своим*) первым мужем»; Ser du Bengt där borta med armen om livet på *sin* nya fru? «Ты видишь там Бенгта, обнимающего за талию *свою* новую жену?»; Jag talade med min moster, *sin* systers motsats i allt [Teleman, 1997: 275] «Я говорил со моей тетей, полной противоположностью *своей* сестры во всем».

При синтаксических трансформациях в целях эмпазы, обусловленных коммуникативными задачами, возвратное местоимение и его именной коррелят оказываются в разных субъектно-предикатных структурах, составляющих сложное синтаксическое целое:

- выделительную конструкцию с «расщеплением» (швед. *utbrytning*): Det var *sin* bror som Bengt pratade med i telefonen [SAG, 2: 342] «Бенгт как раз говорил по телефону со *своим* братом»;
- сложноподчиненное предложение с «переплетением» главной и изъяснительной придаточной частей (швед. *satsfläta*): *Sin* bror tror jag inte Anna har träffat på länge «Со *своим* братом, думаю, Анна не виделась давно»; *Sin* bror vet jag inte om Anna har pratat med «Не знаю, говорила ли Анна со *своим* братом» [Teleman, 1997: 272].

Как видно из этих примеров, в случаях эмпазы возвратно-притяжательное местоимение может предшествовать именному корреляту; важнейшим условием его употребления является при этом сохранение смысловой структуры исходной модели.

Анализируя русские возвратные местоимения, А.М. Пешковский обратил внимание на то, что «когда возвратное местоимение относится к 3-му лицу, может возникнуть некоторая неясность в его значении, объясняющаяся конкуренцией нескольких третьих лиц, к одному из которых можно отнести возвратное местоимение. Дело в том, что, в отли-

чие от первого лица, которое, конечно, всегда едино для всей данной речи, и от второго лица, которое всегда едино для данного предложения, третье лицо может мыслиться перемененно на протяжении даже одного и того же предложения. В жизни, конечно, обстановка, а в литературе контекст (иногда очень отдаленный) вызывают в нас должное понимание, хотя нередки и недоразумения на этой почве. Социальная функция местоимений, разряда, наиболее ярко воплотившего в себе две основные сущности языка — отвлеченность и социальную обусловленность, делается здесь столь тонкой, что “рвется”. В русском языке эта двусмысленность в пределах данного предложения обостряется еще и тем, что возвратное местоимение может тут относиться, как мы только что видели, ко всем трем лицам. В известном, например, стихотворении Пушкина *Слыхали ль вы за рожей глас ночной / Певца любви, певца своей печали?* контекст заставляет относить слово *своей* к слову *певца* (которое как глагольное существительное совмещает здесь в себе и действие, и субъект его); мы представляем себе, конечно, что этот певец поет о своей печали. Но в других условиях контекста мы могли бы относить *своей* и к слову *вы* как субъекту другого действия того же предложения (*слыхали*), т.е. понимать этот вопрос, как *слыхали ль вы за рожей глас певца вашей печали?* Если в русском языке можно при всех двусмысленностях его возвратности все же констатировать, что возвратность эта никогда не может относиться к субъекту другого предложения, то относительно немецкого и французского этого утверждать нельзя. Если бы это было иначе, то, например, в стихотворении Пушкина “К морю” после слов *ты катишь волны голубые и блещешь гордою красой* поэт мог бы сказать: *свой грустный шум, свой шум призывный услышал я в последний раз*, а это уже отдает бессмыслицей. Социальная обусловленность языка исправляет здесь неопределенность одного пункта определенностью другого» [Пешковский, 2001: 170–171].

Как видно из работ шведских грамматистов, в области употребления шведских притяжательных местоимений 3-го лица и возвратного *sin* также существует обширная маргинальная зона, в которой имеет место синтаксическая синонимия. Это наблюдается, в частности, при их употреблении в синтаксических группах с предложными словосочетаниями: *stoltheten hos Peter över sina / hans anor på mödernet* «гордость Петера своим / его предками по материнской линии»; *brevet från Bertil till sin / hans hustru* «письмо Бертила / его жене»; *löftet av min bror att stanna hos sina / hans barn* [SAG, 2: 334] «обещание моего брата остановиться у своих / его детей». Ядерным словом в составе такой синтаксической группы может быть *nomen actionis*: *Persson fick syn på advokatens brev till sin far* (*sin* = Perssons, eller oftare: advokatens) «Персон увидел письмо адвоката своему отцу (*своему* = Персона, или чаще: адвоката); *Persson åkte utomlands efter advokatens försäljning av sina fastigheter* (*sina* = Perssons, eller oftare: advokatens) «Персон уехал за границу после прода-

жи адвокатом своей недвижимостью (*svoeij* = Перссона, или чаще: адвоката); Persson kritiserade advokatens skötsel av *sina* affärer (*sina* = Perssons, eller oftare: advokatens) [SAG, 2: 333] «Персон критиковал ведение адвокатом своих дел (*svoix* = Персона, или чаще: адвоката)». Во всех этих случаях предпочтительность выбора именного коррелята к *sin* определяется принципом преимущества контактной позиции.

В книге Э. Велландера «Riktig svenska» детально описаны тонкие семантические нюансы, которыми могут различаться высказывания с возвратным *sin* и притяжательными местоимениями 3-го лица в составе предложно-субстантивных словосочетаний. Так, в предложении Slottsherren har inbjudit oss till älgjakt på *sina* marker «Владелец замка пригласил нас поохотиться на лосей в *svoix* угодьях» содержится указание на то, что сам владелец замка также принимал участие в охоте. При употреблении местоимения 3-го лица *hans* в том же вербальном окружении, напротив, речь идет о том, что охотились в его угодьях только гости [Wellander, 1948: 244]. По той же причине в предложении Han tog oss med på en vandring genom *sina* skogar «Он взял нас на прогулку по *svoim* лесам», где предикатом маркируется участие денотата подлежащего в совместном действии, необходимо возвратное местоимение [Wellander, 1948: 244]. В других предложно-субстантивных словосочетаниях нюансы употребления возвратного и притяжательного местоимений являются еще более тонкими. Так, по наблюдениям Э. Велландера, в предложении Tavlan föreställer kejsarinnan med *sina* hovdamer «Картина изображает царицу со *svoimi* придворными дамами» речь идет о том, что на картине изображена царица в окружении придворных дам; акцент ставится здесь на том, каким образом предстает она на полотне художника. Напротив, в предложении Tavlan föreställer kejsarinnan med *hennes* hovdamer «Картина изображает царицу с *eĭ* придворными дамами» подчинительное словосочетание с предлогом по смыслу становится близким сочинительному kejsarinnan och *hennes* hovdamer «царица и *eĭ* придворные дамы»; акцент делается здесь на том, кто, кроме самой царицы, изображен на полотне художника [Wellander, 1948: 244].

Те же нюансы усматривает Э. Велландер и в других употреблениях:

Slottet med *sina* / *dess* dyrbara inventarier skall säljas «Замок со *svoimi* / *ego* (замка) дорогими вещами должен быть продан»: в первом случае речь идет о том, на каких условиях должен быть продан замок, а во втором — что следует продать вместе с ним;

Salen var full av studenter med *sina* / *deras* flammor «Зал был полон студентов со *svoimi* / *ix* приятельницами»: в первом случае говорится о том, что студенты пришли не одни, а со своими девушками, а во втором подчеркивается, что в зале были не только студенты, но и девушки;

När chefen kom in på kontoret, fann han endast en ung flicka vid *sin / hennes* skrivmaskin «Когда начальник вошел в учреждение, то обнаружил там только одну девушку за *своей / её* пишущей машинкой»: в первом случае речь идет о том, чем занималась по обыкновению девушка-машинистка, а во втором — где она сидела, когда её начальник вошел в отдел;

Bielke fick se kungen på *sin / hans* vita häst «Бьельке увидел короля на *своей / его* белой лошади»: в первом предложении говорится о том, как выглядел король, а во втором — где его увидел Бьельке [Wellander, 1948: 245].

Таким образом, Э. Велландер связывает выбор местоимения с синтаксической функцией словосочетания, в которое оно входит: «Om prepositivuttrycket mera attributivt ansluter sig till sitt huvudord, så framträder benägenheten att rätta pronomenalet (*sin*) efter detta, om det åter mera adverbialt hänför sig till satsens predikat så rättar sig pronomenalet efter satssubjektet (3:e person)» [Wellander, 1948: 245–246] «Если предложное словосочетание связано со своим главным словом более атрибутивным употреблением, проявляется тенденция к тому, чтобы выбор местоимения (*sin*) был обусловлен этим словом, а если оно, напротив, как обстоятельство относится к сказуемому предложения, выбор местоимения ориентируется на подлежащее (3 лицо)».

На роль синтаксической функции словосочетания при выборе возвратного или притяжательного местоимения обращает внимание и Л.-Г. Андерсон. Он отмечает, в частности, что высказывание *Jag tycker att vi träffade honom tillsammans med sina föräldrar* «Я думаю, что мы встретили его вместе со *своими* родителями» звучит значительно лучше, чем *Vi träffade honom hos sina föräldrar* «Мы встретили его у *своих* родителей»: «Förklaringen ligger kanske i hur nära prepositionsfrasen, alltså *tillsammans med sina föräldrar* respektive *hos sina föräldrar*, är knuten till ordet *honom*» [Andersson, 2000: 111] «Объяснение заключается, возможно, в том, насколько тесно предложное словосочетание *вместе со своими родителями* соответственно у *своих родителей* связано со словом *его*».

Употребление возвратного местоимения в предложении: *Äldste sonen övertog ledningen av partiet efter mordet på sin far* «Старший сын взял на себя руководство после убийства *своего* отца», как остроумно отмечает У. Телеман [Teleman, 1997: 278], может быть понято как указание на то, что убийство отца совершил его сын, поскольку финальная часть высказывания трактуется как синтаксическая группа с тесной внутренней связью между компонентами. По этой же причине предпочтительным является употребление возвратного, а не притяжательного местоимения в высказывании: *Jag kokte fisken i sitt eget späd* [SAG, 2: 333] «Я варила рыбу в *своем* собственном соку», поскольку речь идет о том, как, а не где варилась рыба; замена *sin* притяжательным местоиме-

нием *dess* изменяет синтаксическую функцию словосочетания, делая его обстоятельством места.

Существенным фактором, «размывающим» нормативное употребление *sin* в пользу притяжательных местоимений 3-го лица, является изменение диатезы при пассивной форме глагола, когда грамматическое подлежащее не является смысловым субъектом предикации: *Händelsen har beskrivits av presidenten själv i all sin / dess löjlighet* «Это событие описано самим президентом во всей *svoeü / ego* (события) нелепости»; *Frågorna besvaras av deltagarna i sin / deras helhet* «Участники отвечают на вопросы во всей *svoeü / ux* полноте»; *Flickan giftes bort med en kusin mot hennes / sin vilja* «Девушку выдали замуж за кузена против *eë / svoeü* воли»; *Pojken flyttades av modern till en annan skola för hans / sin skull* [SAG, 2: 346] «Мать перевела мальчика в другую школу ради *ego / svoego* блага». Как видно из этих примеров, предпочтение в разных случаях отдается различным местоимениям; местоимения 3-го лица являются более предпочтительными при одушевленном корреляте, в то время как в случаях неодушевленности выбор делается скорее в пользу возвратного *sin*. Показательно также, что предложно-субстантивные сочетания имеют устойчивый характер и близки к фразеологизмам.

Неопределенность анафорической отсылки при наличии нескольких смысловых субъектов возникает и в тех случаях, когда местоимение и его коррелят входят в разные субъектно-предикатные структуры, образующие сложное синтаксическое целое:

- в предложениях с переплетением: *Sin chef trodde inte Per (1) att Anna (2) visste om Bo (3) hade träffat* [SAG, 2: 343] «Пер (1) не поверил тому, что Анна (2) знает о том, что Бу (3) виделся со *svoim* шефом»;
- при эмфатическом выделении с «фальшивым расщеплением» (швед. *falsk utbrytning*): *Det enda Bengt ville ta med sig var sin / hans gamla klocka* «Единственное, что Бенгт хотел взять с собой, были *svoü / ego* старые часы»; *Det första Anna fick syn på var sin / hennes gamla cykel* «Первым, что увидела Анна, был *svoü / eë* старый велосипед» [Teleman, 1997: 273];
- в сложноподчиненных предложениях с придаточными относительными: *Chefen vill ha en assistent som öppnar sin / hans post* «Шеф хочет иметь ассистента, который открывает *svoü / ego* почту»; *Peter har ingen som öppnar sin / hans post när han är borta* «У Петера нет никого, кто бы открывал *svoü / ego* почту, когда его нет»; *Där hänger den bild av sin / hans far som Bengt målat i Paris* «Там висит та картина *svoego / ego* отца, которую Бенгт написал в Париже» [SAG, 2: 343].

По данным, которые приводятся в «Шведской Академической грамматике», частотность употребления *sin* в осложненных синтаксических структурах может быть различной. Так, если в эмфатических высказываниях с «фальшивым расщеплением» оно используется многими

носителями языка (accepterar många språkbrukare «считают приемлемым многие носители языка»), то в сложноподчиненных предложениях с относительными придаточными такое употребление встречается лишь у некоторых (kan hos vissa språkbrukare talas, vissa språkbrukare accepterar «могут сказать некоторые носители языка, считают приемлемым некоторые носители языка») [SAG, 2: 343].

Важным фактором, предопределяющим выбор возвратного *sin* или притяжательного местоимения при их синтаксической синонимии, является прагматическая установка говорящего. В книге о спорных случаях шведской нормативной грамматики «Språkriktighetsboken», подготовленной Шведской языковой комиссией, приводятся примеры высказываний, в которых допускается варьирование возвратного и притяжательного местоимений [Språkriktighetsboken, 2005: 222]: Boken handlade om Annas liv i sin / hennes älskade stuga «В книге рассказывалось о жизни Анны в своем / её любимом дачном домике»; Varför vill (s) driva Britta från sitt / hennes hus? «Почему социал-демократы хотят выгнать Бритту из своего / её дома?». Второй из приведенных примеров является одним из лозунгов предвыборной агитации Умеренной коалиционной партии Швеции, критикующей политику социал-демократов; в лозунге употреблено возвратное местоимение *sin*. Анализируя тонкие различия в прагматике таких высказываний, в зависимости от выбора местоимения, авторы книги отмечают, что в тех случаях, когда предпочтение отдается возвратному местоимению, говорящий как бы принимает точку зрения того лица, о котором сообщается в высказывании: «Det är Britta det handlar om, det är henne vi ska sympatisera med, och det är henne vi ser framför oss packande sina pinaler. På samma sätt intar exempel med Anna hennes perspektiv snarare än bokens... Tvärtom kan motsvarande meningar, skrivna i enlighet med den gamla tumregeln, uppfattas som mer distanserade. Principen här är alltså att *sin* markerar närhet och *hans / hennes* markerar distans i perspektivet, vilket kunde väntas ge utslag åt båda håll, men det yttrar sig framför allt i en ökad användning av *sin*» [Språkriktighetsboken, 2005: 222] «Именно о Бритте идет речь, именно к ней мы должны испытывать симпатию, именно она, складывающая свои пожитки, встает перед нашими глазами. Точно также пример с Анной представляет её позицию, а не позицию автора текста... Напротив, высказывания, написанные в соответствии со старым школьным правилом, воспринимаются как более дистанцированные. Следовательно, основным принципом в таком случае является то, что *свой* маркирует близость, а *его / её* маркирует дистанцию в интерпретации (букв. в перспективе), что, как можно было бы ожидать, проявляется в употреблении обоих вариантов, но в действительности находит проявление прежде всего в большем употреблении *sin*».

Указание на возможность представить одну и ту же ситуацию говорящим в ближней или дальней перспективе (närhet / distans i

perspektivet) при использовании вариативных средств передачи одного и того же содержания представляется особенно интересным. Сделанные авторами книги наблюдения вписываются в более общую картину, отражающую смысловую корреляцию между возможностью представить одну и ту же ситуацию как актуальную, концептуально близкую (ближняя перспектива) или, напротив, отчуждаемую, дистанцируемую (дальняя перспектива); см. подробнее [Tchekalina, 1997: 139–155; Чекалина, 2003: 77–92]. Так, в высказывании *Per åkte till Tyskland med Ingrid, sin / hans sekreterare* [SAG, 2: 338] «Пер ездил в Германию с Ингрид, *своей / его* секретаршей» выбор притяжательного местоимения 3-го лица может быть обусловлен тем, что говорящий выражает неодобрение этого поступка или как-либо иначе дистанцируется от сообщения о поездке, исключая описываемую ситуацию из сферы своего личного «я».

Интересно, что близкую предлагаемой современными шведскими лингвистами трактовку коммуникативно-прагматической вариативности возвратного и притяжательных местоимений выдвигал в свое время А.М. Пешковский. Относительно таких употреблений притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица вместо возвратного *свой*, как, например, у Пушкина в монологе Бориса Годунова («В семье моей я мнил найти отраду...») или в стихотворении Лермонтова («...и вы не смаете всей *вашей* черной кровью поэта праведную кровь»). Как пишет А.М. Пешковский, «выбор между этими прилагательными, когда они употребляются в смысле *свой*, и самим этим *свой*, по-видимому, совершенно свободен в настоящее время в литературном языке. И, как это бывает при каждом *грамматическом синониме*, на этот выбор наслаиваются уже и особые стилистические оттенки. Так, едва ли случайно Борис Годунов говорит в одном случае — Я дочь *мою* мнил осчастливить браком..., а в другом случае — Я отравил *свою* сестру царицу... Во втором случае *свой* больше подходит, чем *мой*, потому что **высказывается мнение не самого Бориса, а его хулителей**, которые про него говорили: “Он отравил *свою* сестру”. Так что *свою* намекает здесь на этих хулителей, а *мою* излишне подчеркивало бы **участие говорящего в той мысли, которой он на самом деле не разделяет**» [Пешковский, 2001: 169–170] (выделено мною. — Е. Ч.).

Таким образом, реальная языковая действительность оказывается гораздо более сложной и неоднозначной, чем описывающие ее правила нормативной грамматики. Как остроумно заметил Л.-Г. Андерсон в небольшой заметке о синтаксической синонимии *sin* и *hans*, легче говорить по-шведски, чем объяснять, как это происходит, во всяком случае, тому, для кого шведский язык является родным. По его мнению, выбор местоимений нередко происходит исключительно на основе языкового чутья: «Vi låter vårt inre öra avgöra valet mellan *sin* och *hans*, liksom så mycket annat. Försökte vi välja mellan *sin* och *hans* genom att ta ut satsdelar och följa grammatiska principer, skulle vi inte få många rätt — och inte

mycket sagt heller» [Andersson, 2000: 111] «Мы позволяем нашему внутреннему чутью делать выбор между *свой* и *его*, как и многое другое. Если бы мы попытались сделать выбор между *свой* и *его*, выделяя члены предложения и следуя грамматическим принципам, то получили бы не так уж много правильных употреблений — и вместе с тем не смогли бы многое выразить».

Однако и языковое чутье иной раз может подвести носителя языка в тех случаях, которые представляют собой слабые звенья языковой системы, продуцирующие неустойчивость нормы. В реальном языковом употреблении нередки случаи, когда носители языка отдают предпочтение различным вариантам, как, например, в шутливо-назидательном двустии, которое приводит Л.-Г. Андерсон: Från denna regel aldrig vik att hänga nyckeln på *sin* spik [Andersson, 2000: 110] «От правила этого никогда не отступай вешать ключ на *свой* гвоздик». Некоторые носители шведского языка считают, однако, такое употребление *sin* ошибочным, отдавая предпочтение *dess*, хотя, как представляется, именно первый вариант звучит более естественно.

Возможны и настоящие ошибки, допускаемые носителями шведского языка. Так, по данным, которые приводит Л.-Г. Андерсон, в газетном тексте встретилось предложение Jan Myrdals mörka porträtt av sina föräldrar i boken “Barndom” skilde sig helt från *sin* syster Sisselas mycket ljusare minnen [Andersson, 2000: 111] «Мрачное изображения Яном Мюрдалем своих родителей в книге “Детство” полностью отличалось от гораздо более светлых воспоминаний *своей* сестры Сиссели». Второе местоимение *sin*, появившееся не без влияния первого, должно быть обязательно заменено на притяжательное *hans*, поскольку существительное *minnen* содержит указание на новый смысловой субъект. Ошибки такого рода могут встретиться в спонтанной устной и письменной речи даже там, где им трудно найти какое-либо объяснение, например: Dom ville ju inte att *sin* ballong skulle fastna i trädet [SAG, 2: 344] «Они ведь не хотели, чтобы *свой* воздушный шарик застрял на дереве»; Mamma vet bäst vad *sin* superstar vill ha [Andersson, 2000: 110] «Мама лучше всего знает, чего хочет *своя* суперстар».

Нарушения грамматической нормы при употреблении возвратного местоимения отмечаются не только в шведском, но и в датском языке, например, в тех случаях, когда *sin*, вопреки правилу, соотносится с коррелятом во множественном числе. Это особенно характерно для языка прессы, как видно из материала, приведенного в небольшой заметке датского лингвиста А. Каркера: De rapporterede sine iagttagelser til politiet (Politiken 1966, 19/2) «Они сообщили полиции о том, что видели» (букв. о *своих* наблюдениях); Det vil og skal ikke længere accepteres, at studienævnene udnytter *sin* kompetence til at krydse de beslutninger, der træffes i Folketinget (Magisterblad 1974, 5/6) «Не следует больше допускать и не будет допускаться возможность того, чтобы совместная ко

миссия преподавателей и студентов использовала свои полномочия вопреки тем решениям, которые принимаются в Фолькетинге»; *Moderne tider har holdt sit indtog* (Jyllands-Posten 1991, 1/10) [Karker, 1997: 137–138] «Пришли новые (букв. современные) времена».

В начале 90-х годов XX века датские лингвисты обратили внимание на распространение этого явления, усмотрев в нем тенденцию к расшатыванию грамматической нормы, которая в будущем могла бы привести к ликвидации различия между датским и другими скандинавскими языками в области употребления возвратно-притяжательного местоимения *sin* [Galberg Jakobsen, Stray Jørgensen, 1991: 397; Hansen, 1993: 178–179].

Прагматические функции артиклей и местоимений в современном шведском языке

Одним из важнейших открытий лингвистики XX столетия стал постулат об антропоцентрической сущности языка как семиотической системы, основные референциальные точки которой соотнесены с говорящим индивидом. По мере развития и углубления семантических исследований в науке о языке сложилось новое направление — лингвистическая прагматика, изучающая принципы выбора и закономерности употребления различных языковых средств, которые «предстают в речи пропущенными сквозь призму наших нужд, потребностей и желаний в смутном свете субъективного восприятия» [Балли, 1961: 328]. Организующим центром смыслового пространства языковых систем стал человек со всеми его психологическими комплексами [Арутюнова, Падучева, 1985: 8]. Конкретные исследования на материале различных языков делали все более очевидным тот факт, что в значении самых обычных слов, грамматических категорий и форм может передаваться установка говорящего на выражение отношения к своей собственной речи и к тому, что в ней сообщается. В отечественной лингвистике одним из первых на это обратил внимание А.М. Пешковский, выделив в русском языке особый разряд субъективно-объективных категорий, в значении которых содержится «элемент субъективности, элемент отношения говорящего к своей собственной речи» [Пешковский, 2001: 106–107].

На материале шведского языка почти не существует специальных работ по прагматической семантике; вместе с тем указание на установку говорящего при выборе тех или иных языковых средств можно обнаружить и в общих описаниях грамматики, и в конкретных исследованиях по отдельным проблемам. Автором этой статьи ранее были проведены исследования грамматических средств выражения временных значений прошлого и будущего, а также пассивного залога в русле прагматической семантики. Это позволило выявить смысловую корреляцию того что актуально для говорящего и, таким образом, представлено субъективно сквозь призму его интерпретации, с одной стороны, и того, что содержит объективную констатацию и поэтому концептуально дистанцировано им, с другой; см. об этом [Чекалина, 2003: 77–92; 2008: 268–293; Sekalina, 2006: 60–72].

На различных участках языковой системы прагматическая семантика, обусловленная установкой говорящего, наиболее рельефно проявляется там, где шведская грамматика «дает сбой». Это наблюдается не только в вариативности употребления различных средств в одинаково-

вых, на первый взгляд, функциях, но и выход за пределы грамматической нормы, что характерно для устной и базирующихся на ней регистрах неформальной письменной речи. Особенно интересные с точки зрения лингвистической прагматики тенденции проявляются в области употребления артиклей и местоименных слов, грамматические функции которых непосредственно связаны с выражением установки говорящего на основе коммуникативного дейксиса.

В описаниях шведской грамматики не раз отмечалось, что при обобщенной референции класса денотатов исчисляемые существительные в единственном числе обычно употребляются с определенным артиклем: *Lunnefågeln har försvunnit från Sverige* [Hultman, 2003: 67] «Тупик исчез из Швеции»; *Hästen har hovar* [Bolander, 2004: 101] «У лошади есть копыта»; *Katten blev vanlig som husdjur i Norden först i nyare tid* «Кошка стала обычным домашним животным в Скандинавии относительно недавно»; *Vildkatten dog ut i vårt land för länge sedan* «Дикая кошка в нашей стране давно вымерла»; *Bävern och uttern bygger dammar* «Бобер и выдра строят запруды» [SAG, 2: 109]. Во всех приведенных высказываниях содержится объективно представленная констатация общеизвестных фактов.

Употребление неопределенного артикля при обобщенной референции более редко и всегда маркировано прагматически. Оно встречается только в таких высказываниях, не являющихся общеизвестными истинами, которые передают субъективное мнение и / или оценку говорящего. На это могут указывать контекстуальные факторы:

- модальный глагол в сказуемом: *En hund bör vara lydig* [Svartholm, 1978: 51] «Собака должна быть послушной»; *En flicka ska dofta som ett glas rent vatten* [Riserus, Serin, Vedin, 1992: 104] «Девушка должна пахнуть, как стакан чистой воды»; *En polisman får helt enkelt inte uppträda så* [SAG, 2: 424] «Полицейскому просто-напросто нельзя так вести себя»; *En katt kan vara ett lämpligt sällskapsdjur för en pensionär* [SAG, 2: 110] «Кошка может быть подходящим домашним животным для пенсионера, чтобы ему не было одиноко»;
- отрицание: *En dam petar inte näsan offentligt* [Svartholm, 1978: 51] «При людях дама не ковыряет в носу»; *En pojke gråter inte* [Pettersson, 1976: 121] «Мальчик не плачет»;
- сказуемое, выраженное обобщенным презенсом: *En hund jagar katter* [Pettersson, 1976: 121] «Собака (обычно) гоняет кошек»; *En kvinna föder barn* [Bolander, 2004: 101] «Женщина предназначена для того, чтобы рожать детей»; *En granne ställer alltid upp med råd och dåd* [Pettersson, 1976: 121] «Сосед всегда поможет словом и делом».

Интересные примеры идентичных контекстов употребления именных словосочетаний в определенной и неопределенной форме приводит в своей статье шведский исследователь Т. Петтерссон: *Den svenske socialdemokraten / En svensk socialdemokrat lever och dör för sitt parti*

[Pettersson, 1976: 124] «Шведский социал-демократ живет ради своей партии и умирает за нее». Он отмечает, что если при употреблении определенной формы имеет место констатация объективно представленного факта как общеизвестной истины (*en allmänt acceperad sanning*), то в высказывании с неопределенным артиклем при обобщенной референции содержится субъективно-модальная коннотация назидательности.

При употреблении существительного во множественном числе для выражения обобщенной референции говорящий также делает выбор между определенной и неопределенной формой без артикля, в зависимости от того, интерпретируется ли сообщаемая им информация как общеизвестная истина, содержащая объективную констатацию факта, или передается его собственная установка. При идентичном лексическом наполнении грань между этими двумя альтернативами может быть очень тонкой; ср., например: *Japanerna* (констатация факта, основанного на эмпирических данных) / *Japaner* (мнение говорящего, основанное на его собственном опыте) *är skickliga affärsmän* [SAG, 2: 110] «Японцы — хорошие бизнесмены».

При различном лексическом наполнении высказываний контраст между объективной констатацией факта и выражением установки говорящего выступает ярче: *I Sverige har katterna det bra* «В Швеции кошкам живется хорошо» — *Katter används vid plågsamma djurförsök* «Кошек используют в мучительных опытах над животными» [SAG, 2: 111].

Отмеченный контраст становится еще более заметным при употреблении существительных с различным лексическим значением. Так, при обозначении вымышленных существ, которые не существуют в действительности, возможно употребление только неопределенной формы множественного числа, поскольку такие высказывания с точки зрения прагматики не могут передавать общеизвестные истины и объективные факты: *Katterna är ett vanligt sällskapsdjur* «Кошки — обычные домашние животные, которых заводят для компании» — *Enhörningar är vanliga sagodjur* «Единороги — типичные сказочные звери» [SAG, 2: 109].

Интересные особенности прагматического характера наблюдаются при употреблении существительных в предикативной функции. Грамматическое правило гласит, что при отнесенности референта к социальному классу, чаще всего выраженному существительными, обозначающими профессии, национальную, религиозную и партийную принадлежность, употребляется безартиклевая форма: *Henrik är bergsklättrare* «Хенрик — альпинист»; *Eugenia är dansös* «Евгения — танцовщица»; *Johan är katolik* «Юхан — католик»; *Lisa är folkpartist* «Лиза — член Народной партии» [Bolander, 2004: 101]; *Han är katolsk biskop* «Он — католический священник»; *Han är vikarierande lärare* «Он — учитель на временной ставке»; *Jag är svensk* «Я швед» [Pettersson, 1976: 127].

Употребление неопределенного артикля с существительными в предикативной функции возможно только при выражении оценочной

коннотации для передачи субъективной установки говорящего. Это особенно заметно, когда в лексической семантике существительного содержится пейоративный компонент: *Han är en (riktig) bedragare* «Он — (настоящий) обманщик»; *Han är en hedersknyffel* «Он — славный парень»; *Hon är en sladdertacka* «Она — сплетница»; *Glistrup är en skojarare* «Глистрип — шутник» [Pettersson, 1976: 129].

Еще заметнее это различие проявляется в идентичных контекстах, когда безартиклевая форма существительного обозначает принадлежность к определенному классу референтов, а употребление неопределенного артикля возможно только в случае метафоры; ср.: *Han är bödel* «Он палач» — *Han är en bödel* «Он настоящий палач» [Pettersson, 1976: 129]; *Han är trollkarl (till yrket)* «Он — фокусник (по профессии)» — *Han är en trollkarl (som kan åstadkomma det otroliga)* «Он — настоящий фокусник (который может осуществить невероятное)»; *Hon är konstnär (till yrket)* «Она — художник (по профессии)» — *Hon är en konstnär (en konstnärlig person)* «Она — (настоящий) художник (художественная натура)»; *Hon är ledare (ansvarig ledare)* «Она — руководитель (ответственный за работу)» — *Hon är en ledare (en ledartyp)* «Она — (настоящий) лидер (как психологический тип)» [Hultman, 2003: 218]; *Han uppträdde som åsna på maskeraden* «На маскараде он был в костюме осла» — *Han uppträdde som en åsna* «Он вел себя как осел» [Bolander, 2004: 100].

Особо следует остановиться на так называемом эмотивном употреблении неопределенного артикля в местоименном значении с несчитаемыми существительными при наличии определения с пейоративной семантикой, указывающей (чаще) на негативную или (реже) позитивную оценку со стороны субъекта речи: *Det var mig ett smaklöst kaffe; Du har brygget* [SAG, 2: 407] «Ты приготовил какой-то безвкусный кофе»; *Det var en sur ved du har* «У тебя какие-то сырые дрова»; *Det är en kvalificerad smörja han har skrivit* «Он написал какую-то ерунду»; *De visade en påtaglig respekt för oss* «Они проявили по отношению к нам явное уважение» [SAG, 2: 410]. Субъективная установка говорящего находит здесь выражение в синтаксической структуре с выделительной конструкцией, часто (первые два примера) в сочетании с эмотивно-оценочным претеритом связочного глагола, а также в плеонастическом употреблении объектной формы местоимения 1-го лица *mig*, прямо указывающей на субъективность оценки (ср. русские высказывания типа: *Ты мне только попробуй! Ты у меня смотри!*).

Еще более маркировано эмотивно-оценочное местоименное употребление неопределенного артикля с показателем множественного числа при существительных во множественном числе: *Ni betedde er som ena kvalificerade dumbommar* «Вы вели себя как настоящие дураки»; *Hon uppfostrade sina barn till ena riktiga snobbar* «Она воспитала своих детей настоящими снобами»; *Du har alltid ena konstiga kompisar med dig* «У тебя всегда какие-то странные приятели»; *Han har köpt ena äckliga*

blommor «Он купил какие-то отвратительные цветы»; Han lagade alltid ena gudomliga / bedrövliga köttbullar «Он всегда готовил какие-то божественные / мерзкие тефтели» [SAG, 2: 410].

Как показывают все рассмотренные выше примеры, при выражении субъективной установки говорящего в шведском языке может использоваться неопределенный артикль. Возможно, это обусловлено тем, что в грамматической семантике неопределенности содержится указание на то, что передаваемая в высказывании информация известна только субъекту речи и недоступна ее адресату. Сказанное подтверждается прагматическими различиями между употреблением неопределенного артикля и неопределенного местоимения в вопросительных высказываниях с различной прагматической установкой. Так, неопределенный артикль, а не местоимение употребляются в том случае, когда говорящий ожидает утвердительный ответ на вопрос: Har du redan köpt en julgran? [SAG, 2: 423] «Ты уже купил елку?» В аналогичном вопросе с неопределенным артиклем Står det en bil därnere? [SAG, 2: 422] «Внизу стоит машина?» говорящий указывает на то, что ждет машину, в то время как такая коннотация отсутствует при замене артикля неопределенным местоимением Står det någon bil därnere? [SAG, 2: 422] «Внизу стоит какая-нибудь машина?» Именно поэтому только употребление неопределенного артикля в общем вопросе допускает эксплицитное выражение субъективной модальности наречием: Har du verkligen skjutit en älg? [Ekerot, 1995: 175] «Ты действительно убил лося?» Кроме того, общий вопрос с неопределенным артиклем может использоваться при выражении косвенного речевого акта и содержать предложение говорящего, тогда как при употреблении неопределенного местоимения в высказывании действительно содержится вопрос; ср.: Ska vi anställa en assistent? «Может, нам надо взять ассистента?»; Ska vi anställa någon assistent? «Нам надо взять ассистента?» [SAG, 2: 423]. Показательно, что в зависимости от выбора способа передачи неопределенности меняется модальная семантика глагола *ska* в сказуемом: в высказывании с неопределенным артиклем передается призыв субъекта речи к совместному с адресатом действию, а в вопросе с неопределенным местоимением модальный глагол выступает со значением внешнего долженствования.

Тонкие прагматические различия связаны с употреблением существительных в безартиклевой / определенной форме после местоименного указателя, когда определением к существительному выступает относительное придаточное предложение с союзом *som*. Как отмечает Т. Петтерссон, сравнивая два употребления: Den villa / Den villan som låg vid sjön var till salu [Pettersson, 1976: 140] «Та самая вилла / Та вилла у озера была выставлена на продажу», в случае безартиклевой формы местоименный компонент выступает в функции детерминатива, а высказывание содержит указание на актуальность референта для участников коммуникативной ситуации. При употреблении определенной фор-

мы местоименный компонент имеет указательную функцию, а высказывание содержит объективную констатацию факта, имевшего место в дистантном прошлом. Наличие или отсутствие показателя определенности при существительном в аналогичных по синтаксической структуре высказываниях с модальным глаголом долженствования *måste*, который имеет омонимичные формы презенса и претерита, служит средством разграничения временной отнесенности — к будущему при безартиклевой форме существительного с детерминативом или к дистантному прошлому — при определенной форме с указательным местоимением *den*: *Den gång / Den gången jag måste sluta med mitt pensionat* [Pettersson, 1976: 140]. «В тот раз, когда мне придется / пришлось расстаться со своим пансионатом». Сопоставляя высказывания *Den dagen / Den dag du svek mig blev jag djupt olycklig* [Pettersson, 1976: 141], Т. Петтерссон отмечает, что первое из них содержит констатацию имевшего в прошлом факта: «В тот день, когда ты покинул меня, я стала глубоко несчастной». Второе высказывание может быть интерпретировано только в категории нереального наклонения, допускающего употребление претеритальной формы как средства выражения гипотетичности: «В тот день, когда ты покинул бы меня, я бы стала глубоко несчастной».

При употреблении сказуемого придаточной части в форме презенса также имеются существенные различия в прагматической семантике. Так, в высказывании с безартиклевой формой содержится указание на актуальность будущего для говорящего: *Den dag du gör något sådant kommer jag att förakta dig* [Pettersson, 1976: 141] «В тот день, когда ты совершишь нечто подобное, я стану презирать тебя». Напротив, при употреблении идентичного высказывания с определенной формой существительного сказуемое придаточной части, скорее всего, следует трактовать как драматический презенс, а сказуемое главной части — как видовую конструкцию с ингрессивной семантикой: *Den dagen du gör något sådant kommer jag att förakta dig* [Pettersson, 1976: 141] «В тот день, когда ты совершаешь нечто подобное, я начинаю презирать тебя». При этом субъект речи как бы выводит ситуацию за пределы коммуникативной ситуации, интерпретируя описываемое событие как уже свершившееся.

Важной областью, в которой всегда находит проявление прагматическая семантика, является употребление указательных местоимений, которые представлены в шведском языке тремя рядами форм. В устной речи чаще употребляются составные местоимения с выраженным в наречных компонентах *här* «здесь» / *där* «там» дейксисом близкого для коммуникативной ситуации (*этом*) — *den här / det här / de här* — и дальнего, находящегося за её пределами (*мом*) — *den där / det där / de där*.

В письменной речи более употребительны местоимения *denna, detta, dessa* при безартиклевой форме существительного и обязательно ударные *den, det, de* с определенной формой существительного, которые

также различаются тем, что могут выражать ближнюю (*этом*) или дальнюю (*том*) перспективу.

При указании на ближнюю перспективу местоимениями *den här, det här, de här* возможно выражение негативного отношения говорящего с оттенком дистанцированности и отчуждения, о чем свидетельствуют некоторые примеры, приводимые в Шведской Академической грамматике: *Så vitt jag kunde förstå följde han med i den här debatten om dödshjälp* [SAG, 2: 319] «Насколько я мог понять, он принимал участие в этих дебатах об эвтаназии». При таком употреблении речь идет о предметах, известных обоим участникам коммуникативной ситуации, которые «отвергаются» говорящим как неприятные, неприемлемые или чуждые. Аналогичное наблюдение содержится в работе Б. Мольде, который также усматривает в ряде употреблений этого местоимения негативный оттенок недовольства или презрения со стороны говорящего: *Jag är trött på det här ständiga käbblet* [Molde, 1992: 46] «Я устал от этих постоянных препирательств». Он отмечает, что негативное отношение, предполагающее дистанцированность и отчуждение со стороны субъекта речи (*den avståndstagande bitonen*), может проявляться и в словосочетании *det här landet* «эта самая страна», что побуждает носителей языка с осторожностью относиться к такому употреблению.

Для выражения эмотивно-оценочной коннотации в экспрессивной негативно окрашенной речи используются местоимения *denna, detta, dessa*: *Ack, denna sinnets ängslan, detta eviga tvivel!* «Ах, эта тревога в душе, это вечное сомнение!»; *Å, detta helvetes regnande!* «О, этот проклятый дождь!» [SAG, 2: 817]; *Dessa evinnerliga predikningar!* «Эти вечные проповеди!»; *Å, denna förbannade dörr som alltid är så svår att få upp.* «О, эта проклятая дверь, которая всегда так трудно открывается» [SAG, 2: 313].

При выражении экспрессивно сниженной оценки субъекта речи, находящегося за пределами коммуникативной ситуации, используются местоимения *den, det, de*: *Nu har Karlsson, den stackarn, gått och ramlat igen* «Этот бедняга Карлсон опять шел и свалился»; *Ingen trodde att den stackarn skulle förlora* «Никто не верил, что этот бедняга проиграет»; *Jag vill inte prata med den djäveln* «Я не хочу говорить с этим мерзавцем»; *Jag står inte ut med den pratkvaren / idioten / dumbommen / skrytoxen* «Я не выношу этого болтуна / идиота / дурака / хвастуна» [SAG, 2: 326].

Прагматическая семантика находит выражение и в области притяжательных и / или возвратных местоимений. Так, несмотря на строгое разграничение норм употребления возвратно-притяжательного местоимения *sin* и притяжательных местоимений 3-го лица, в шведском языке имеется пограничная область, в которой допускается их варьирование: *Varför vill (s) driva Britta från sitt / hennes hus?* «Почему социал-демократы хотят выгнать Бритту из *своего* / *ее* дома?»; *Voken handlade om Annas liv i sin / hennes älskade sommarstuga* «В книге рассказывалось о

жизни Анны на *своей / её* любимой даче» [Språkriktighetsboken, 2005: 222]. В книге о спорных случаях шведской грамматики, где приведены эти примеры, отмечается, что ведущим фактором при выборе местоимения оказывается установка говорящего на интерпретацию описываемой ситуации либо как близкой, актуальной для говорящего (*närhet*) — при употреблении возвратного местоимения, либо, напротив, как дистанцированной (*distans*) — при употреблении притяжательного местоимения 3-го лица.

Анализируя тонкие прагматические нюансы, которыми различаются такие высказывания, авторы книги подчеркивают, что в тех случаях, когда предпочтение отдается возвратному местоимению, говорящий выражает собственную позицию сопричастности и сопереживания содержанию высказывания. Так, в риторическом вопросе о судьбе Бритты, который использовался в предвыборной агитации Умеренной коалиционной партии — основного соперника социал-демократов — было употреблено возвратное местоимение *sin*. В высказывании *Per åkte till Tyskland med Ingrid, sin / hans sekreterare* [Språkriktighetsboken, 2005: 222] «Пер ездил в Германию с Ингрид, *своей / его* секретаршей» выбор притяжательного местоимения 3-го лица может быть обусловлен прагматически тем, что говорящий выражает свое неодобрение этого поступка или как-либо иначе дистанцируется от сообщения об этой поездке.

Таким образом, одно из важных проявлений прагматической семантики в шведском языке — это передаваемое различными языковыми средствами противопоставление того, что мыслится говорящим сквозь призму собственного субъективного восприятия как концептуально близкое, и того, что передается им как дистанцированная объективная данность.

Аналитическая конструкция с аспектуальной семантикой в современном шведском языке

Известно, что в скандинавских языках имеются аналитические конструкции, выражающие различные оттенки ограниченной длительности процесса, которые нередко трактуются исследователями как семантически близкие расширенной видо-временной форме Continuous в английском языке [Смирницкая, 1977: 99; Берков, 1996: 243–244]. Основанием для этого служит то, что они могут представлять процесс «в его конкретности и динамике» [Смирницкая, 1977: 97]. В шведском языке это в первую очередь касается конструкции, в состав которой входит глагол hålla «держат» с поствербом på¹ в значении «длиться, продолжаться» и инфинитив основного глагола с частицей att. В употреблении этой конструкции традиционно выделяются два различных значения, не объединяемые общим смысловым признаком. Так, в опубликованной на рубеже веков Шведской Академической грамматике эти значения получают следующую семантическую интерпретацию [SAG, 1999: 334–335]:

1. Так называемое «прогрессивное» (швед. *progressiv*) значение, в котором современные авторы шведских грамматик и усматривают функциональное сходство с английской формой Continuous [Dahl, 1982: 62–63; Bolander, 2004: 122]. Предлагаемый ниже анализ функционально-семантических особенностей шведской конструкции направлен на то, чтобы показать, что между ними, однако, имеются существенные различия, препятствующие этому. Во избежание отождествления шведской конструкции с английской аналитической формой данное значение, следуя принятой в отечественном языкознании традиции, называется в предлагаемой статье конкретно-процессуальным, что в большей степени соответствует реальным фактам шведского языка [Маслова-Лашанская 1953: 256–257; Маслов 2004: 471].

¹ При самостоятельном употреблении с предлогом *med* при одушевленном подлежащем *hålla på* имеет значение «заниматься чем-либо», на котором базируется исходная аспектуальная семантика конструкции с инфинитивом: *Han höll på med deklARATIONEN när det ringde på dÖRREN* (SvS, 2003: 505) «Он занимался заполнением декларации, когда в дверь позвонили». С 1895 г. словарями шведского языка зафиксировано беспредложное употребление при неодушевленном подлежащем с непереходным неопределённым значением «длиться, продолжаться», которое, по-видимому, является результатом эллипсиса процессуальной конструкции с инфинитивом: *Ett äkta irländskt regn kan hålla på i tre veckor* [SASO, 2009: 1248] «Настоящий ирландский дождь может продолжаться в течение трех недель»; ...*när det riktiga kriget redan hade hållit på i några år* (Dagerman) «...когда настоящая война уже продолжалась несколько дней».

2. Так называемое «тенденциальное» (швед. *tendentiell*) значение «предотвращенного» события при употреблении с инфинитивом предельных мгновенно-одноактных глаголов (событие «вот-вот произойдет» — в контексте настоящего; «чуть не произошло» — в контексте прошлого).

Рассмотрим подробнее особенности семантики и употребления конструкции *hålla på* с инфинитивом в той же последовательности.

I. Конкретно-процессуальное значение

Контекстуальный анализ позволяет выделить несколько семантических зон употребления конструкции в этом значении.

1. Контролируемые одушевленным агенсом целенаправленные динамические процессы ограниченной длительности («находиться в процессе какой-либо деятельности, быть занятым чем-либо»).

Употребление конструкции в расширенном варианте с предлогом *med* 'с' *hålla på med att* + инфинитив зафиксировано в шведских письменных текстах с 1535 г. именно в этом значении [NEO, 1996: 3]. В современных словарях шведского языка [NEO, 1996: 3; SO, 1999: 480; SvS, 2003: 505; SOSA, 2009: 1248] и в Шведской Академической грамматике [SAG, 1999: 334] также отмечается факультативная возможность расширенного варианта с предлогом *med*. Однако в нашем материале конструкция с предлогом *med* не встретилась ни в письменных текстах, ни в интернете, хотя носители шведского языка отмечают факультативную возможность такого употребления. Можно лишь предположить, что в результате грамматики оно вышло или выходит из употребления в письменных текстах, но по-прежнему сохраняется в устной речи при одушевленном подлежащем.

Конструкция употребляется в этом значении с предельными и нейтральными глаголами², у которых «предельность находит выражение **при участии субъекта и объекта**» [Бондарко, 1996: 125] (выделено мною. — *Е. Ч.*). Типичными для такого употребления являются контексты с обстоятельством *just* «как раз / именно сейчас (в данный момент)», которое подчеркивает протекание процесса в его конкретности и динамике, часто в сочетании с дейктическими обстоятельствами настоящего (в презенсе) или дистантного прошлого (в претерите)³:

² Такие глаголы могут обозначать как предельные, так и неопредельные ситуации, в зависимости от типа контекста [Comrie, 1976: 44–48], как, например, англ. *to sing a song* «петь / спеть песню», швед. *skriva* «писать / написать»; на шведском материале см. об этом подробнее в [Чекалина, 2011: 23–25].

³ Примеры из художественных текстов с указанием автора в скобках взяты из [Чекалина, 1993]. Материал без указания источника взят из Интернета и приводится в написанной под моим руководством дипломной работе студентки С(А)ФУ имени М.В. Ломоносова И. Боголеповой «Семантика и употребление

Partistyrelsen håller **just nu** på att behandla fler beslut som snart kommer att presenteras «Как раз сейчас партийное руководство занимается принятием решений по нескольким вопросам, которые в скором времени будут представлены»; **Just den morgonen** höll Pippi på att baka pepparkakor (Lindgren) «Как раз в то утро Пеппи (занималась тем, что) пекла имбирные пряники». Значение растянутого во времени процесса ограниченной длительности усиливается при указании на множественность объекта (как в примерах выше) и / или субъекта действия: **Två främmande män** håller på att dra av en presenning från båten (Fredriksson) «Двое незнакомых мужчин стаскивают брезент с лодки»; **Vi** håller **just nu** på att uppdatera **våra säkerhetsnycklar** «Как раз сейчас мы обновляем ключи безопасности»; Det är krig över nästan hela jorden, **människorna** håller på att ta livet **av varandra** (Moberg) «Почти на всей земле идет война, люди (заняты тем, что) лишают друг друга жизни»; **Några kunder** höll på att tanka **sina bilar** «Некоторые клиенты (в это время как раз) заправляли свои машины». Конкретно-процессуальное значение ограниченной длительности сохраняется и в нейтральном контексте, с акцентом на постепенности и / или интенсивности его протекания, если это позволяет лексическая семантика глагола: Carl Bildt håller på att privatisera svensk utrikespolitik «Карл Бильдт (постепенно) приватизирует шведскую внешнюю политику». Конструкция встречается в этом значении и в диалогической речи, например: — När gick hon? — **Vid åttatiden**, kanske. Jag höll på att lägga Elias «— Когда она ушла? — Кажется, часов в восемь. Я (в это время как раз) укладывала Элиаса спать»⁴.

Интересны примеры с «двойным» указанием на актуальную длительность ограниченного пространством и временем процесса — сочинительной конструкцией с глаголами положения в пространстве и конкретно-процессуальной конструкцией *hålla på* с инфинитивом: Pippi satt på en pall och höll på att tvätta fötterna i en balja (Lindgren) «Пеппи сидела на скамеечке и (как раз в этот момент занималась тем, что) мыла ноги в тазике»; Reparatören stod utanför verkstadsdörren och höll på att ta adjö av en kund (Rönblom) «Монтер стоял у входа в мастерскую и (как раз в этот момент) прощался с клиентом». Однако в таких случаях вряд ли можно говорить об устойчивых лексико-синтаксических конструкциях с псевдосочинением (см. об этом ниже), хотя предикаты с сочинительной связью нельзя поменять местами, поскольку глаголы положения в пространстве здесь синтаксически автономны и распространены в обоих примерах обстоятельствами с конкретизирующей локативной семантикой.

видовой аналитической конструкции *hålla på* с инфинитивом в шведском языке и способы её перевода на русский язык». Архангельск, 2013. Жирным шрифтом выделяются эксплицирующие семантику конструкции средства контекста.

⁴ Именно такие контексты служат основанием для отождествления шведской конструкции с английской формой Continuous.

Показательна также и другая возможность «двойного» указания на растянутость процесса — конкретно-процессуальной конструкцией *hålla på + инфинитив* с семантикой ограниченной длительности и словосочетанием с материально тождественным поствербу предлогом *på* и именным компонентом, маркирующим неограниченную длительность⁵: *Du håller på att skriva på din andra bok?* «Ты (сейчас занята тем, что) пишешь свою вторую книгу?» (из помещенного в интернете интервью с шведской писательницей М. Фредрикссон).

При употреблении с одушевленным подлежащим конструкция с инфинитивом имеет синтаксический вариант с псевдосочинением: *Han håller på och skriver* en bok om istiden «Он (занят тем, что) пишет книгу о ледниковом периоде»; *Myndigheten höll på och planerade* en informationskampanj «Администрация занималась планированием информационной кампании». Показательно, однако, что в конструкции с псевдосочинением никогда не употребляется обстоятельство *just*, конкретизирующее приуроченность протекания процесса к ограниченному отрезку времени. В таких случаях происходит «смещение» смыслового акцента; при этом подчеркивается не ограниченная длительность и / или постепенность процесса, а интенсивность его протекания: *Nicke höll på och målade* [SAG, 4: 337] «Никке все (время / еще) красил (и красил)».

В конструкциях с псевдосочинением указание на неограниченную длительность процесса может эксплицироваться темпоральными обстоятельствами, а также перечислением нескольких направленных на достижение конкретного результата действий: *Sedan höll han på i månader och ringde och sms:ade och skrev* långa mail (Fredriksson) «Потом он месяцами звонил и писал эсэмэски и посылал длинные электронные письма». Показательно, что здесь также имеется указание на множественный объект.

Функционирование конструкции с псевдосочинением имеет и другие особенности:

А) Только при псевдосочинении возможно обстоятельство с семантикой неограниченной протяженности продолжающегося процесса *fortfarande* ‘по-прежнему’, что также свидетельствует в пользу лексико-синтаксического характера конструкции без признаков грамматики: ***Håller ni fortfarande på och samlar*** material till artiklarna som ni inte ska skriva? (Rönblom) «А вы по-прежнему собираете материал для статей, которые не будете писать?»; ***Elvis Presley höll fortfarande på och rockade*** borta i bandspelaren «Где-то вдали из магнитофона по-прежнему доносился рок в исполнении Элвиса Пресли».

⁵ *Bo åt på en smörgås när vi kom* [Bolander, 2004: 122] «Бу (все еще) ел бутерброд, когда мы пришли»; *Strindberg skrev på en roman i flera år* «Стриндберг писал роман несколько лет»; *Kaninen åt på moroten* «Кролик (все еще) ел морковку» [SAG, 4: 330].

Б) Конструкция с псевдосочинением может употребляться в формах перфектного ряда: *Då märkte han ju att han redan tagit den där försäkringen, att han hållit på och betalat premier varje dag* (Dagerman) «Он ведь тогда заметил, что уже приобрел эту страховку и давно платит страховые взносы каждый день».

В) Как отмечают авторы Шведской Академической грамматики, при выражении интенсивности процесса в конструкции с псевдосочинением возможен неопределенный глагол: *Palle håller på och jobbar* «Палле всё (время / еще) работает» [SAG, 4: 336]⁶.

При одушевленном агенте инфинитив может употребляться в форме пассива на *-s*, для которой в принципе характерна имперфективная видовая семантика [Thorell, 1973: 135], в том числе с наречием *just*: *Huset håller just på att byggas* [SO, 1999: 480] «Дом как раз сейчас строится»; *Boken håller just på att tryckas* «Книга как раз сейчас печатается»; *Ett nytt parti håller på att bildas* «Создается новая партия»; *I Nigeria håller 15 ryska sjömän på att förhöras* «В Нигерии продолжаются допросы 15 российских моряков» (здесь также с множественным объектом действия). Показательно, что вариант с псевдосочинением в этих случаях невозможен.

2. Постепенное изменение ситуации при обозначении растянутых во времени процессов кратковременной или ограниченной длительности⁷, не контролируемых инактивным субъектом и предполагающих внешнего наблюдателя⁸.

а) (чаще) при неодушевленном субъекте:

Kvällsskymningen håller på att falla men det kommer nog inte att bli mörkt på ett tag (Fredriksson) «Постепенно опускаются сумерки, но темно станет не сразу»; *Allmän fördumning eller vad håller på att ske?* «А что — (постепенно) происходит всеобщее оглушение?»; *Trafiken höll på att*

⁶ Аналогичное употребление конструкции с неопределенным глаголом при выражении интенсивности процесса с множественным смысловым субъектом встретилось и в шведском переводе романа М.А. Булгакова: *Кое-кто уже ползал в проходе, шаря под креслами* [556]; *Någon höll redan på att krypa omkring i gången och snoka under stolarna* [150] (букв. ползал и шарил).

⁷ Процессы, характеризующиеся относительной непродолжительностью временного интервала, представляются «растянутыми» во времени и обозначают «предельные действия с недостигнутым пределом» [Маслов, 1976: 129].

⁸ К этой группе относятся, в частности, глаголы, обозначающие природные процессы, эмоциональные состояния, движение, звучание; о взаимодействии их лексической семантики с аспектуально-акциональными значениями в русском языке; см., например, [Гловинская, 2001: 120–121].

Близкую семантику имеют перифрастические конструкции с глаголом «быть, находиться» и причастием настоящего времени в итальянском (глагол *stare* только в настоящем времени *sto* и имперфекте *stavo*) и испанском языке (глагол *estar*), имеющие «действенный характер, видимые или слышимые», и предполагающие наличие внешнего наблюдателя [Мэрчэнд, 1962: 357].

ebba ut «Уличное движение (постепенно) стихало» [SO, 1999: 480]; Det omöjliga förblev omöjligt, det höll på att kväva mig (Bergman) «Недостижимое так и оставалось недостижимым, душило меня»⁹;

б) (реже) при одушевленном субъекте:

Pappa håller på att förlora sin gamla form (Evander) «Папа (постепенно) теряет свою прежнюю форму»; Birk höll redan på att somna (Lindgren) «Бирк уже засыпал».

При неодушевленном субъекте встречается употребление с обстоятельством *just*, фиксирующим конкретный момент протекания процесса: Klockan var ännu inte fyra och solen höll **just** på att gå upp (Fogelström) «Еще не было четырех, и солнце как раз всходило»; Solen höll **just** på att gå ner (Fogelström) «Солнце как раз садилось».

Эффект растянутости процесса ограниченной длительности здесь также усиливается при множественном субъекте –

а) (чаще) неодушевленном:

Världens jätteträd håller på att försvinna «Деревья-великаны во всем мире (постепенно) исчезают»; Här hittar du gamla, ovanliga, bra svenska ord som håller på att falla i glömska «Здесь ты найдешь старые, необычные, хорошие шведские слова, которые (постепенно) забываются»; De gamla träden, som **just** höll på att tappa sina sista blad, susade så dystert (Lindgren) «Старые деревья, с которых как раз опадали последние листья, так мрачно шумели»; En hel natt satt hon och plitade på det där inbjudningskortet, och fram på morgonkvisten, när stjärnorna **just** höll på att blekna över Villa Villekullas tak, tassade hon över Tommy och Annikas villa och stoppade ner brevet i deras låda (Lindgren) «Целую ночь она сидела и корпела над этим приглашением, а ближе к утру, как раз когда звезды наш крышей Виллы Виллекулла начинали бледнеть, она на цыпочках пробралась к дому Томми и Анники и опустила письмо в их ящик»;

б) (значительно реже) одушевленном:

Palestinska kristna håller på att försvinna «Палестинские христиане (постепенно) исчезают».

В инфинитиве также возможны формы на -s; однако здесь они имеют близкое медиальному инактивное значение и не содержат указания на агенс: Dialekterna **håller på att utjämnas** «Происходит (постепенное) выравнивание диалектов»; Väderförhållandena **håller på att förvärras** «Погодные условия (постепенно) ухудшаются»; Klimatet **håller på att förändras** «Климат (постепенно) меняется».

В состав предиката может входить инфинитив предельного глагола bli «стать / становиться» с именной частью: Italien håller på att bli fattigt «Италия (постепенно) беднеет»; Han håller på att bli gammal «Он (постепенно) стареет». При употреблении с одушевленным субъектом конструкция приобретает ингрессивный оттенок: Du håller på att bli en nörd

⁹ Перевод на русский язык выполнен А.А. Афиногеновой в книге: И. Бергман. Исповеданные беседы. М., 2000. С. 39.

«Ты (постепенно) становишься занудой»; Han håller på att bli en världsmålvakt «Он (постепенно) становится вратарем мирового класса»; Jag kände att jag höll på att bli galen (Bergman) «Я чувствовал, что (постепенно) схожу / начинаю сходить с ума»; Jag misstänkte att jag höll på att bli sinnessjuk «У меня было ощущение, что я (постепенно) теряю / начинаю терять рассудок». Особенно заметно проявляется ингрессивный оттенок при употреблении в презенсе с предикатами, обозначающими кратковременные процессы, вызывающие наступление нового состояния, нежелательного для одушевленного субъекта: Jag håller nog på att få en vårsnuva (Sundström) «Похоже, что у меня начинается весенний насморк»; Jag är rädd att jag kanske håller på att få starr själv (Jersild) «Боюсь, что у меня самого начинается катаракта»; Paparazzin håller på att tröttna på denna kändis «Папарацци (постепенно) начинают надоедать эта знаменитость».

Конструкция с псевдосочинением при употреблении в этом значении невозможна.

II. Значение «отсроченного» события

Hålla på att + инфинитив выступает в значении «отсроченного» события при употреблении с мгновенно-одноактными (так называемыми «моментальными») предельными глаголами¹⁰, которые обозначают не контролируемые одушевленным субъектом процессы, чаще всего имеющие негативную лексическую семантику: drunkna «утонуть», dö «умереть», glömma «забыть», missa «упустить», gamla «свалиться», slänga «выбросить», svimma «потерять сознание, упасть в обморок», förstöra «разрушить» и др. Употребление конструкции в этом значении зафиксировано в письменных текстах с 1664 г. [NEO, 1996: 3; SASO, 2009: 1248].

Глаголы, обозначающие как мгновенно-одноактные, так и многократно повторяемые спонтанные процессы, не контролируемые одушевленным субъектом, могут употребляться также в конструкции с псевдосочинением. При этом конструкция с инфинитивом употребляется для выражения предотвращенного события, а конструкция с псевдосочинением — при указании на интенсивную многократность процесса; ср.: Pelle håller på att hosta / håller på och hostar [SAG, 1999: 337] «Пелле вот-вот закашляет (здесь с ингрессивным оттенком) / все (время / еще) кашляет»; Sara höll på att nysa / höll på och nös [Språkriktighetsboken, 2005: 190] «Сара чуть (было) не чихнула / все (время) чихала».

В значении предотвращенного события функционально-семантические различия обусловлены дейктическим временем употребления в пре-

¹⁰ Особенность лексического и акционального (способ действия) значения «моментальных» глаголов типа русского *вспыхнуть* состоит в том, что «само возникновение действия знаменует одновременное достижение предела» [Маслов, 1984: 11].

теритальном или презентном контексте. В претерите значение предотвращенного события выступает более четко и встречается несколько чаще, чем в презентном употреблении; поэтому представляется целесообразным начать анализ материала именно с него.

1. **В претеритальном контексте** — ‘событие чуть (было) не произошло’:

En 79-årig kvinna höll på att dö när hennes trygghetsalarm inte fungerade «79-летняя женщина чуть не умерла, когда у нее не сработала тревожная кнопка»; Mannen höll på att ramla av stolen «Мужчина чуть не свалился со стула»; Förresten, det höll jag på att glömma (Fredriksson) «Кстати, я чуть не забыл(а) об этом»; Umeåbo vann miljon — höll på att slänga lotten «Житель Умео выиграл миллион — (он) чуть не выбросил выигрышный лотерейный билет»; Hos en Umeåbo höll julgransplundringen på att kosta honom en miljon kronor «Жителю Умео праздник прощания с рождественской ёлкой чуть не стоил миллиона крон»; Dopingmissbruk höll på att kosta honom livet «Злоупотребление допингом чуть не стоило ему жизни»; Jag höll på att svimma av förskräckelse «Я чуть не потерял(а) сознание от страха»; Lotta höll på att förblöda — fick vänta på ambulans «Лотта чуть не погибла от кровопотери — пришлось ждать скорую помощь»; Prästen höll på att tappa glasögonen (Sand) «Священник чуть не уронил очки»; Jag höll på att skjuta ihjäl K. «Я чуть не застрелил К.»; Mitt hjärta höll på att stanna (Pirzadeh) «Мое сердце чуть не остановилось».

Значение предотвращенного в прошлом события, которое было на грани своего осуществления, но не произошло, может усиливаться обстоятельствами nästan «почти» и nära «близко» (последнее характерно для разговорной речи): Hon höll nästan på att drunkna när någon plötsligt fick se henne «Она чуть было не утонула, когда кто-то вдруг увидел ее»; Fyra spelare höll nära på att missa träningslägret i Florida «Четверо игроков чуть было не пропустили тренировочные сборы во Флориде». В русском языке аналогичную функцию выполняет частица *было* при отрицании.

В состав предиката может входить аналитическая конструкция с глаголом bli в инфинитиве и причастием 2 переходного глагола с перфективно-результативной семантикой пассива действия, который употребляется в шведском языке главным образом при одушевленном агенте: Sökte hjälp med hyran men höll på att bli vräkt «Обратился за субсидией на квартплату, но меня чуть не выселили»; Vi höll på att bli urrätna!!! «Нас чуть было не съели!!!». Употребление аналитической конструкции с пассивом действия в презенсе при выражении наметившейся, но не реализованной ситуации невозможно, поскольку этому препятствует перфективно-результативная семантика причастия 2.

Отметим также, что при конкретно-процессуальном значении конструкции аналитический пассив действия bli + причастие 2 с перфек-

тивно-результативной семантикой в инфинитиве не встречается. Как показал проведенный выше анализ, для него, напротив, характерно употребление инфинитива в пассиве на -s с имперфективной аспектуальной семантикой, которая несовместима со значением предотвращенного события. Таким образом проявляется в шведском языке семантическая связь между аспектуальностью и залогом¹¹.

При неодушевленном субъекте конструкция встречается в значении предотвращенного события крайне редко, причем только в претеритальном контексте: *Huset höll på att brinna upp* [SO, 1999: 480] «Дом чуть не вспыхнул»; *Det stormade så taket höll på att blåsa av* [Garlén, Sundberg, 2008: 289] «Был такой ураган, что крышу чуть не снесло ветром». Показательно, однако, что примеры такого употребления не встречаются в аутентичном материале, но приводятся в словаре и справочном издании.

2. В презентном контексте — ‘событие вот-вот произойдет’.

В большинстве употреблений в презенсе конструкция выступает с ингрессивным оттенком: *Hur mycket ska man egentligen behöva ta på sig, håller hon på att utbrista* (Trosell) «Сколько же все-таки необходимо брать на себя, вот-вот готово вырваться у неё»; *En livshotande situation, till exempel när vi håller på att drunkna* «Угрожающая жизни ситуация, например, когда мы тонем»; *Om man känner att man håller på att svimma kan det hjälpa att lägga sig ner* «Если чувствуешь, что теряешь сознание, может помочь, если лечь».

Вместе с тем при употреблении в презентном контексте речь может идти и о процессах, спонтанное наступление которых является ожидаемым и даже желательным для субъекта: *Eric, kom! Datasalen ska stängas nu!* — *Jag håller på att vinna, det är det som är jobbigast!* «Эрик, пойдем! Компьютерный зал сейчас закроется! — Я вот-вот выиграю / начинаю выигрывать, вот в чем проблема!». Нежелательной в таком случае является ситуация, препятствующая потенциально возможному «отсроченному» результату предельного мгновенно-одноактного действия.

При употреблении в презентном контексте возможна и более выраженная отнесенность к ближайшему будущему: *Håller Barack Obama på att överge oss?* «Неужели Барак Обама вот-вот покинет нас?». В этих случаях конструкция имеет проспективный оттенок и обозначает состояние, «чреватое» некоторой будущей ситуацией, а не саму эту ситуацию» [Плунгян, 2011: 386]. При этом наступление ситуации может произойти лишь спонтанно, по воле случая, а не предопределено намерением субъекта действия, какого-либо другого участника ситуации или самого говорящего. Особенности проспективной семантики «предотвращенного» события в презентном контексте хорошо видны при употреблении конструкции в позиции прямого контраста с футуральным пре-

¹¹ О связи между этими категориями на материале русского языка см., например: [Князев, 2007: 58; Пупынин, 1984: 175–188; Шубик 1984: 166–174].

зенсом ближайшего будущего: Han håller inte bara på att mista livet. Han mister också en dotter! «Он не только вот-вот лишится жизни. Он еще и потеряет одну из дочерей!»;

När det känns att det håller på att ta slut «Когда возникает ощущение, что вот-вот наступит конец» (название романа популярного шведского писателя Стига Ларссона); (из опубликованного в Интернете материала о Стиге Ларссоне): Klockan sju på morgonen den 31 oktober 2010 — just den natt när sommartid övergår i vintertid — kommer den första varningen. Stig Larsson får inte luft. Fyra veckor senare händer det igen, och han hamnar på St. Görans sjukhus. Har tiden hunnit ifatt honom? Tar det slut nu? «В семь часов утра 31 октября 2010 года — как раз в ту ночь, когда происходит переход с летнего времени на зимнее, — появляется первый сигнал. Стигу Ларссону не хватает воздуха. Через четыре недели это происходит снова, и он попадает в больницу Св. Георгия. Неужели время настигло его? Неужели сейчас наступит конец?».

В тех случаях, когда указание на то, что предотвращенное действие затрагивает лицо, содержится в контексте, конструкция возможна и при неодушевленном субъекте: Ätstörningar höll på att förstöra hennes liv «Нарушения приема пищи чуть не лишили её жизни»; Moa sover redan djupt, nappan håller på att ramla ur av sig själv «Муа уже крепко спит, соска того гляди выпадет сама по себе».

Вместе с тем при употреблении в презентном контексте не всегда можно разграничить конкретно-процессуальное значение представленных растянутыми кратковременных действий ограниченной длительности и значение предотвращенного события: Jag håller på att falla ner i ett mörkt hål! Jag känner mig helt slut både psykiskt och fysiskt «Я проваливаюсь / того гляди провалюсь в темную бездну! Я чувствую себя совершенно разбитой и морально, и физически»; Jag var för liten för att förstå allt, men jag såg att även i dödens sällskap kan starka känslor finnas och att en människas hjärta kan vara fullt levande trots att kroppen håller på att dö (Jönsson) «Я был слишком мал, чтобы все понимать, но я видел, что сердце человека может оставаться живым, несмотря на то, что тело умирает / вот-вот умрет»; Sverige håller på att rasa samman «Швеция (постепенно) рушится / вот-вот рухнет». В некоторых случаях разграничению способствует контекст, в частности, указание на растянутость процесса при употреблении формы множественного числа существительного: Uppsalas stadskärna håller på att dö, men fler bilar kan rädda den! «Центр Упсалы (постепенно) вымирает, но рост числа автомобилей может спасти его».

Конкретно-процессуальное значение при употреблении с инфинитивом предельных глаголов, обозначающих мгновенно-одноактные действия, возможно при поддержке благоприятного контекста и в других случаях: Då han når kiosken håller den just på att stänga (Evander) «В тот момент когда он подходит к киоску, его уже закрывают». Здесь это не

только указание на одушевленный субъект одномоментного действия в лексической семантике инфинитива предельного глагола *stänga* 'закрывать, закрываться' при непереходном употреблении, но и «двойное» указание на ситуативный момент:

- (1) обстоятельством *just*;
- (2) структурой и семантикой СПП, в котором выражено «пересечение» двух одномоментных предельно-результативных действий, представленных по-разному — как предельно-результативное событие в придаточном времени с союзом *då* и как ограниченно-длительный процесс с «отсроченным» результатом в главной части.

Роль вербального контекста при реализации конкретно-процессуального значения или значения предотвращенного события в конструкции *hålla på att + инфинитив* наглядно иллюстрируют примеры её употребления с глаголом *hända* 'происходить, случаться', который в шведском языке (в отличие от его русских переводных эквивалентов) может обозначать и процессы ограниченной длительности, и одномоментные события. Как и в приведенном выше примере, важную роль играет при этом структура и семантика СПП. Так, в придаточных изъяснительных с присловной синтаксической связью¹² и в презентном, и в претеритальном контексте реализуется конкретно-процессуальная семантика конструкции: *Ett tydligt tecken på vad som håller på att hända i USA* «Явное свидетельство того, что происходит в США»; *Det skedde så omärkligt, att jag först inte förstod vad som höll på att hända* (Enquist) «Это случилось так незаметно, что сначала я не поняла, что происходит». В обоих случаях контекстом эксплицируется присутствие внешнего наблюдателя, которое является необходимым условием реализации конкретно-процессуальной семантики *hålla på c инфинитивом*.

Напротив, в СПП с придаточным временем, фиксирующим момент предотвращенного события, *hålla på c инфинитивом* в сказуемом главной части служит для обозначения наметившейся, но не состоявшейся ситуации: *Fabriken hängde på den tunnaste av trådar. En fördyring till och de skulle lägga ner den. Det höll på att hända när Hasse insisterade på att taket måste repareras* (Ekman) «Судьба фабрики висела на тончайшем волоске. Еще одно подорожание, и её пришлось бы закрыть. Этого чуть не произошло, когда Хассе настоял на том, что необходимо починить крышу». Определенную роль в реализации значения предотвращенного события играет, по-видимому, гипотетическая конструкция с претеритом модального глагола внешнего долженствования, которая используется в шведском языке при выражении будущего от прошлого.

В нейтральном контексте возможна двоякая интерпретация конструкции. Показательно, что потенциально возможные конкретно-про-

¹² В таких придаточных содержится косвенный вопрос, вводимый относительным местоимением [Жильцова, 2006: 33–34].

цессуальное значение и значение предотвращенного события не дифференцируются и в более широком ситуативном контексте: *Hon märkte i hela sin hettande kropp att någonting höll på att hända* (Dagerman) «Она ощущала всем своим разгоряченным телом, что что-то происходит / вот-вот произойдет».

Представляется, что общим для различных семантических реализаций смысловым компонентом, который делает возможной грамматизацию шведской конструкции *hålla på с инфинитивом*, является семантика отсроченного предела (результата) действия с «визуально наблюдаемым естественным результатом» (Плунгян, 1989: 58). Важно подчеркнуть, что *hålla på с инфинитивом* является в шведском языке единственной грамматизованной конструкцией с аспектуальной семантикой, которая базируется на значении предельности. Этим она принципиально отличается от лексико-синтаксических конструкций без признаков грамматизации, которые представлены различными типами сложного глагольного сказуемого с семантикой длительности и употребляются только при одушевленном смысловом субъекте. К ним относятся:

1) конструкции с псевдосочинением, в состав которых входит один из трех глаголов положения в пространстве — *sitta* ‘сидеть’, *stå* ‘стоять’, *ligga* ‘лежать’ (в зависимости от реальной денотативной ситуации), сохраняющий собственное лексическое значение, и основной смысловой глагол, который может быть как нейтральным в плане предельности, так и неопредельным: *Hon sitter och virkar* «Она сидит и вяжет крючком»; *De stod och väntade* «Они стояли и ждали» [SAG, 1999: 334–335];

2) конструкции, в состав которых входит глагол становления *bli* и причастие 1 неопредельных глаголов положения в пространстве, выражающие ограниченную внешним временным пределом длительность¹³: *Framför spegeln blev han länge stående* (Enquist) «Он долго простоял перед зеркалом»; *De satte sig till rätta och blev sittande ända till kvällen* (Lagerkvist) «Они сели поудобнее и просидели так до самого вечера»; *Hon föll framför farstustenen och blev liggande en dag* (Högberg) «Она упала возле камня у порога дома и пролежала так весь день».

Однако уровень грамматизации шведской аспектуальной конструкции *hålla på с инфинитивом* незначителен, по сравнению, например, с аналитическими формами перфектного ряда или аналитической конструкцией с семантикой прогностического будущего *kommer att + инфинитив*. Для неё характерна лексическая и грамматическая избирательность, а широкий спектр не всегда четко разграничиваемых аспектуальных значений предопределяется контекстуальными факторами. Как показывает проведенный анализ, ведущую роль среди них играют не только лексическая и акциональная (способ действия) семантика глагола

¹³ В русском языке эту функцию выполняют делимитативные и пердуративные глаголы совершенного вида с приставками *по-* и *про-*.

в инфинитиве, но и семантика смыслового субъекта по линии лексико-грамматической категории одушевленности / неодушевленности¹⁴. Этим обусловлена и узкая функциональная сфера рассматриваемой конструкции. Она употребляется преимущественно в презенсе и претерите, но практически не встречается в формах перфектного ряда (за исключением случаев с псевдосочинением), хотя в Шведской Академической грамматике приводится пример такого употребления с неопределённым глаголом: *Han har hållit på att springa hela morgonen* [SAG, 1999: 336] «Он все утро (про)бегал». Не встречается эта конструкция и в инфинитиве, в том числе в составе аналитических конструкций с семантикой прогностического и модального будущего.

Hålla på с инфинитивом не обладает признаком облиigatorности и не является «грамматически релевантной» [Мэрченд, 1962: 363]. Поэтому она невозможна в позиции прямого контраста предикатным формам того же глагола, подобно английским формам Continuous / Indefinite или русским глаголам несовершенного / совершенного вида, как, например: *писал, да не написал, тонул, да не потонул* [Петрухина, 1988: 92–93].

Одной из наиболее показательных особенностей шведской конструкции, отражающих её периферийный статус в системе глагола, является тот факт, что она никогда не употребляется в вопросительных высказываниях и при отрицательной предикации (в значении предотвращенного события отрицание возможно только при инфинитиве; примеры такого употребления приводятся ниже).

При «большой семантической емкости» [Смирницкая, 1977: 8–9] *hålla på* с инфинитивом не встречается в транспонированном употреблении, что также свидетельствует о незначительном пороге её грамматизации¹⁵ и существенно отличает её в функциональном плане от английской аналитической формы Continuous¹⁶.

Структурными признаками незначительной грамматизации *hålla på* с инфинитивом являются устойчивость инфинитивной частицы¹⁷, а так-

¹⁴ Исследователи отмечают связь грамматической семантики глагольных форм и конструкций с лексико-грамматическими категориями глагола (предельность / неопределённость; переходность / непереходность) и имени (одушевленность / неодушевленность; считаемость / несчитаемость). «Это наиболее крупные (членимые данные части речи без остатка) грамматически значимые разряды лексики, имеющие отвлеченные значения, сопоставимые со значениями грамматических категорий» [Бондарко, 1996: 123].

¹⁵ Для английской аналитической формы Continuous транспонированным является употребление в футуральном значении.

¹⁶ О различных семантических функциях английской формы Continuous см., например [Palmer, 1965: 93–100].

¹⁷ Так, в футуральной аналитической конструкции с семантикой прогностического будущего *kommer att* + инфинитив, которая обладает высоким уровнем грамматизации (что проявляется, в частности, при её употреблении в позиции прямого контраста как синтетическим, так и аналитическим формам пре-

же включение фразовых обстоятельств (в том числе отрицания) и обстоятельств ситуации в инфинитивную рамку¹⁸, например: När hon äntligen kom, höll hon på att inte hitta hem (Fogelström) «Когда она наконец вернулась, то едва нашла дорогу домой» (букв. «Чуть было не не нашла дорогу домой»); Jag höll på att inte känna igen dig (Jersild) «Я едва узнал тебя» (букв. «Чуть было не не узнал тебя»); ...en stor roman, som höll på att aldrig bli färdig (Lo-Johansson) «...большой роман, которому грозило никогда не быть законченным»; Situationen håller på att snabbt förändras (G. Bergman) «Ситуация быстро меняется».

Шведская конструкция, выражающая различные аспекты отсроченного предела (результата) процессов ограниченной длительности, представляет интерес и в типологическом плане. Особенности функционирования *hålla på с инфинитивом* проявляют некоторое сходство с тенденциями, имевшими место при формировании славянской категории вида, семантическую основу которой также составляли предельные глаголы результативного способа действия¹⁹. Таким образом, предельность служит категориальной основой аспектуальной семантики глаголов не только в русском, но и в шведском языке²⁰.

Конструкция *hålla på с инфинитивом* является наиболее специализированным способом передачи несовершенного вида русских предельных глаголов²¹, о чем свидетельствуют примеры из шведского перевода романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Поскольку основу при выборе переводного эквивалента составляют русские глаголы несовер-

зенса, претерита, перфекта и плюсквамперфекта), инфинитивная частица может опускаться в разговорной и неформальной письменной речи (в том числе в прессе): I Dixiesalongen kommer du få återuppleva gamla kända band (Svenska Dagbladet) «В салоне Дикси ты снова услышишь старые знакомые мелодии».

¹⁸ При употреблении в футуральной конструкции *kommer att + инфинитив* как фразовые обстоятельства, так и обстоятельства ситуации, напротив, выносятся за инфинитивную рамку и помещаются после личной формы глагола перед инфинитивной частицей: Jag kommer inte att bli värre (Sundström) «Я не стану хуже»; Vi kommer aldrig att nå stranden av egen kraft (Engström) «Мы никогда не доберемся до берега своими силами».

¹⁹ Именно для таких глаголов появилась потребность формального разграничения двух семантических возможностей: процессной направленности на достижение результата, предела» (очень похожей на то значение, которое реализуется в шведской конструкции с предельными глаголами) и его реального достижения [Маслов, 1984: 108; 2004: 471].

²⁰ На материале немецкого языка см. об этом [Павлов, 1984: 48–49].

²¹ Заключенный в значении СВ признак ограниченности действия пределом выходит далеко за рамки видовых пар, выражающих соотношение «направленность — достижение», распространяясь на все глаголы СВ [Бондарко, 1996: 129]. Различие между предельностью и неопределенностью, таким образом, реализуется в русском языке под воздействием облигаторной видовой системы, а широкое распространение предельности, связанной с результатом, является «платой за грамматикализацию» [Плунгян, 1989: 58–59].

шенного вида со значением потенциального предела, выделение семантических зон при анализе материала определяется здесь параметрами соотношения между контекстами языка оригинала и языка перевода.

1. Предельные глаголы, которые обозначают контролируемые одушевленным субъектом целенаправленные процессы ограниченной протяженности, предполагающие внешнего наблюдателя. Показательно, что во всех случаях, встретившихся в шведском переводе романа М.А. Булгакова, рассматриваемая конструкция употребляется с лексически и / или грамматически выраженным множественным субъектом, что усиливает эффект растянутости кратковременных процессов:

- (1) Полк снимался, это было ясно [600].
Skvadronen höll tydligen på att sätta sig i rörelse [215] (букв. Полк явно приходил в движение).
- (2) В углу допивала какая-то компания [516].
Ett sällskap borta i ett hörn höll på att dricka ur [92].
- (3) Официанты, торопясь, срывали скатерти со столов [516].
Kupare höll skyndsamt på att ta bort dukarna från borden [93].

В примере (3) содержится указание на множественность не только грамматического субъекта, но и грамматического объекта (как прямого беспредложного, так и косвенного с предлогом) кратковременного предельного процесса, который может быть представлен растянутым лишь при неоднократном повторении. Показательно также, что в двух последних примерах употреблены шведские глаголы с поствербными наречного происхождения, которые могут однозначно трактоваться только как предельные. В то же время все три контекста характеризуются указанием на динамику протекания процессов, близких к финальной стадии.

2. Предельные глаголы, которые обозначают произвольные, не контролируемые одушевленным субъектом процессы, также имеющие ограниченные временные рамки и предполагающие близость перехода в новое состояние:

- (4) Уж не схожу ли я с ума? [523].
Håller jag på att bli galen? [102].

3. Предельные глаголы, которые обозначают не контролируемые кратковременные процессы с близкой конечной границей:

- (5) Поток гостей редел [323].
Strömmen höll på att tunnas ut [670].
- (6) И когда Маргарита открывала глаза, она видела, как меняется облик всех летящих к своей цели [755].
När Margarita öppnade ögonen såg hon hur de galopperande ryttarnas utseende höll på att förändras [448].
- (7) Солнце склоняется, а смерти нет [597].
Solen håller på att gå ner men ännu är han inte död [211].

Вместе с тем анализ шведского перевода романа М.А. Булгакова в целом выявил очень ограниченное употребление шведской аспектуальной конструкции при передаче действия в процессе протекания, по сравнению с русскими формами несовершенного вида предельных глаголов и английскими формами Continuous, встретившимися в английском переводе романа Булгакова. В частности, *hålla på* с инфинитивом, в отличие от английской формы Continuous, никогда не употребляется с глаголами движения, а при переводе русских глаголов несовершенного вида соответствующих предельных глаголов для выражения ограниченной длительности процесса используется лексико-синтаксическая конструкция с глаголом komma «приходить» и причастием 1, семантику которой можно определить как способ появления движущегося субъекта:

- (8) По лестнице *поднимался* вверх *бегом* одинокий фрачник [667].
En ensam herre i frack kom springande (букв. *появился бегущим*)
uppför trappan [317].
The single man in the tailcoat was coming up the stairs at a run [265].
- (9) По лестнице *подымались* двое последних гостей [670].
De två sista gästerna kom gående (букв. *появились идущими*) uppför
trappan [323].
The last two guests were coming up the stairs [270].

В других случаях для передачи конкретно-процессуальной семантики несовершенного вида предельных глаголов движения в шведском переводе оказывается достаточным широкого контекста:

- (10) Ала *возвращалась* с Лысой горы. Судя по звуку, она *проходила* через ту самую площадь, где был объявлен приговор [695].
Skvadronen var på väg tillbaka (букв. *была на обратном пути*) från
Golgota. Av ljudet att döma passerade ryttarna nu över torget där domen
hade kungjorts [359–360].
The ala was coming back from Bald Mountain. Judging by the sound,
it was passing through the same square where the sentence had been
announced [301].

Таким образом, отсутствие грамматической облигаторности шведской аспектуальной конструкции на фоне русского несовершенного вида и английской видо-временной формы Continuous проявляется в заметной лексико-семантической избирательности и ограниченности функциональной сферы.

Источники примеров

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. Романы. Кишинев: Литература артистика, 1988.

Bulgakov M. Mästaren och Margarita / Översättning och förord Lars Erik Blomqvist. Stockholm, 2006.

Bulgakov M. The Master and Margarita / Translated and with notes by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky with an introduction by Richard Pevear. Suffolk, 1997.

Типология глаголов с возвратными показателями в скандинавских и русском языках

В скандинавских языках, как и в русском, исторически сложилось два типа глагольных единиц с возвратными показателями. Это **раздельноформленные** структуры с переходными глаголами и возвратным местоимением и **цельноформленные** глагольные единицы с агглютинативными показателями (-s в датском, шведском и норвежском букмоле; -st в нюношке и исландском), этимологически тождественными возвратному местоимению и типологически сходными с русской глагольной частицей -ся / -сь [Стеблин-Каменский, 1957: 126]; см. также [Зеленецкий, 2004: 175]. Оба типа не являются в скандинавских языках однородными ни с точки зрения внутренней формы, ни по значению, поскольку в них представлены различные по семантике и грамматическому статусу образования.

В раздельноформленных структурах выделяются две модели:

1. **Возвратные конструкции, или обороты** [Стеблин-Каменский, 1957: 126] переходный глагол + возвратное местоимение в синтаксической функции объекта, имеющие значение направленности производимого субъектом действия на самого себя: но. *kjemme seg* «причесываться», *vaske seg* «мыться, умываться», *verge seg* «защищаться», *melde seg (inn)* «записываться»; швед. *kamma sig* «причесываться», *tvätta sig* «мыться, умываться», *försvara sig*, *skydda sig* «защищаться», *anmäla sig* «записываться»; дат. *vaske sig* «мыться, умываться», *melde sig (ind)* «записываться» и многие другие. Возвратная конструкция, как и в русском языке [Храковский, 1978: 55], может быть распространена местоимением со значением *сам* (швед. *själv*, дат. *selv*, но. букмол *selv*, нюношк *sjølv*), например: Но bad han *passe seg sjølv* [NRG, 341] «Она просила его позаботиться о себе самому»; при таком употреблении в скандинавских возвратных конструкциях второй компонент ведет себя, подобно русскому *себя*, как «подлинно возвратное местоимение: Он *себя* соблюдает...» [Зеленецкий, 2004: 175].

2. **Возвратные глаголы**, имеющие ту же структуру, но не имеющие значения возвратного действия: но. *skynde seg* «торопиться», *skamme seg* «стыдиться», *glede seg* «радоваться», *undre seg* «удивляться», *forsone seg* «мириться», *gifte seg* «жениться, выходить замуж», *skille seg* «расставаться, разводиться, отличаться», *samle seg* «собираться», *komme seg* «поправляться»; швед. *skynda sig* «торопиться», *genera sig* «смущаться», *glädja sig* «радоваться», *förvåna sig* «удивляться», *förfasa sig* «ужасаться», *försona sig* «мириться», *gifta sig* «жениться, выходить

замуж», *skilja sig* «расставаться, разводиться, отличаться», *samla sig* «собираться»; дат. *fryde sig* «радоваться», *gifte sig* «жениться, выходить замуж», *skille sig* «расставаться, разводиться, отличаться», *samle seg* «собираться» и многие другие.

В обоих случаях при антецеденте в 1 и 2 лице возвратное местоимение заменяется объектными формами личных местоимений единственного и множественного числа.

Имеются отдельные возвратные глаголы, первый компонент которых не употребляется как самостоятельная переходная лексема: но. *blære seg* «хвастаться», *dy seg* «сдерживаться», *forelske seg* «влюбиться», *te seg* «вести себя», *tildra seg* «происходить, случаться»; швед. *förfasa sig* «ужасаться», *förälska sig* «влюбиться», *te sig* «казаться, выглядеть», *tilldra sig* «происходить, случаться»; дат. *forelske seg* «влюбиться» и другие. Встречаются также отдельные случаи синонимичного употребления возвратного и непереходного глагола: Bilkön *ringlar sig / ringlar långsamt framåt* [Thorell, 1973: 141]. «Поток машин, извиваясь, медленно движется вперед».

Среди глагольных единиц с агглютинативными показателями выделяются:

1. **Депонентные, или отложительные глаголы** с широкой непереходно-медиальной семантикой, в том числе образованные от переходных лексем.

В норвежской грамматике отмечается употребление некоторых непереходных глаголов без возвратного показателя в более архаичном букмоле (*dage*) и / или в нюношке (*hanske, otte, nebbe*), имеющих то же значение, что депонентные глаголы идентичного состава: *dages* «(рас)светать», *nebbes / nebbast* «клевать друг друга, подкусывать, подтрунивать», *hanskast* «управляться», *ottast* «бояться» [NRG, 510].

2. **Залоговые формы пассива на -s**, также образованные от соответствующих переходных глаголов и имеющие широкую инактивную семантику.

В датском языке депонентные глаголы имеют все формы, а залоговые формы пассива на -s регулярно образуются только в инфинитиве, презенсе и претерите слабых глаголов, но невозможны в претерите сильных глаголов и в аналитических формах перфектного ряда [Hansen, Heltoft, 1999: 55]. В норвежском языке залоговые формы на -s регулярно образуются только в инфинитиве и в презенсе (эта форма возможна только в букмоле). В нюношке другие формы, кроме инфинитива (только с модальными глаголами), обычно не употребляются. В букмоле имеются ограничения на образование пассива в претерите как сильных, так и слабых глаголов (см. подробнее ниже). Для аналитических форм с причастием 2 действует то же правило, что и в датском языке. В шведском языке ограничения на образование залоговых форм с возвратным агглютинативным показателем отсутствуют; кроме того, они име-

ют значительно более широкую область употребления с пассивным значением.

Ядро депонентных глаголов составляют те, которые не имеют в качестве аналогов соответствующие переходные глаголы или сильно разошлись с ним в лексическом значении: но. *blyges* «стыдиться», *dages* «(рас)светать», *fattes* «не хватать, недоставать», *ferdes* «ездить», *finnes* «иметься», *kappes* «состязаться», *lenges* «томиться», *ledes* «наскучить», *lykkes* «удаться, посчастливиться», *minnes* «помнить, вспоминать», *omgå(e)s* «общаться»; швед. *andas* «дышать», *avundas* «завидовать», *dagas* «(рас)светать», *envisas* «упрямиться», *fattas* «не хватать, недоставать», *finnas* «иметься», *färdas* «ездить», *ledas* «наскучить», *lyckas* «удаться, посчастливиться», *minnas* «помнить, вспоминать», *umgå* «общаться»; дат. *blues* «стесняться», *dages* «(рас)светать», *fattes* «не хватать, недоставать», *ferdes* «ездить», *finnes* «иметься», *ledes* «наскучить», *lykkes* «удаться, посчастливиться», *omgå* «общаться» и многие другие.

Семантические группы депонентных глаголов, включая большое количество лексем, имеющих переходные аналоги, представлены в Шведской Академической грамматике (далее SAG). В качестве примеров в ней приводятся глагольные единицы, имеющие переходные аналоги, поскольку в таких случаях ярче выступает их собственная непеременно-медальная семантика. Все глаголы делятся на две большие группы, в зависимости от того, исходит или не исходит процессуальный признак от смыслового субъекта, выступающего (или не выступающего) в качестве источника или причины, т.е. от того, активен или инактивен (в широком смысле) носитель процессуального признака.

Первый тип представлен тремя группами глаголов:

1) Глаголы с **абсолютным** значением, когда процессуальный признак, обычно представленный обобщенно или итеративно, внутренне присущ его носителю, а в семантике глагольной лексемы и / или в вербальном контексте не содержится имплицитного указания на внешнюю направленность процесса. К этой группе относятся такие глаголы, как шв. *bitas* «кусаться», *skämmas* «стыдиться», *stickas* «кусаться» (об одежде, о насекомых), *narras* «врать»; но. *bites* «кусаться», *skjemmes* «стыдиться»; дат. *blues* «стесняться» и другие.

Среди лексем с медиальным значением М.И. Стеблин-Каменский выделял семантическую группировку глаголов, которые обозначают душевные процессы, охватывающие инактивный смысловой субъект, независимо от его воли: *gledes* «радоваться», *lenges* «томиться», *blyges* «смущаться», *skjemmes* «стыдиться», *forundres* «удивляться» и другие. [Стеблин-Каменский, 1957: 124–125]. Аналогичные депонентные глаголы имеются в шведском и датском языках. Характеризуя близкие им по значению возвратные глаголы *сердиться*, *радоваться* в русском языке, А.М. Пешковский подчеркивал, что в их семантике содержится указание на изменение душевного состояния, которое «происходит как бы са-

мо собой, в самом деятеле. *Serдится* — это значит, что человек испытывает то самое состояние, которое он производит в другом, когда его сердит» [Пешковский, 2001: 130–131].

2) Глаголы с **взаимным** значением, предполагающим множественность смыслового субъекта: швед. *enas* «соглашаться, договариваться», *försonas* «(по)мириться», *mötas* «встречаться, собираться», *råkas* «случайно встретиться», *skiljas* «расставаться», *ses* «видеться», *träffas* «встретиться, случайно увидеться»; но. *enes* «соглашаться, договариваться», *møtes* «встречаться, собираться», *råkes* «случайно встретиться», *se(e)s* «увидеться», *skilles* «расставаться», *treffes* «встретиться, случайно увидеться»; дат. *enes* «соглашаться, договариваться», *mødes* «встречаться, собираться», *skilles* «расставаться», *træffes* «встретиться, видеться» и другие.

3) Глаголы с **абсолютным** или **взаимным** значением, в зависимости от контекста: швед. *kramas* «обниматься», *knuffas* «толкаться», *kyssas* «целоваться», *retas* «дразниться», *rivas* «царапаться», *slåss* «драться, бороться», *stångas* «бодаться»; но. *kappes* «состязаться», *slåss* «драться, бороться», *stanges* «бодаться»; дат. *slåss* «драться, бороться» и другие; в том числе с поствербами предложного происхождения: швед. *hjälpas åt*, но. *hjelpes at* «помогать друг другу», *snakkes ved* «поговорить» (при встрече): *Vi snakkes ved!* [NRG, 670] — «Еще поговорим! (Увидимся! До встречи!)». Ср. но. *Guttene sloss*. «Мальчишки дерутся». — *Hun sloss mot sykdommen*. «Она борется с болезнью» [NRG, 511].

Глаголы второго типа, которые рассматриваются в Шведской Академической грамматике как формы на *-s*, однозначно трактуются в норвежской грамматике как словообразовательная модель производных от переходных лексем [NRG, 513]. При этом, однако, отмечается, что агглютинативный возвратный показатель, в отличие от «обычных» словообразовательных суффиксов, помещается не непосредственно после основы, а в самом конце словоформы после словоизменяемых глагольных морфем [NRG, 508]. Депоментные глаголы на *-s* имеют медиальное значение; они обозначают процессуальный признак, охватывающий смысловый субъект и представленный спонтанно, т.е. как бы происходящий сам по себе или со слабым указанием на вызвавшую его причину или обстоятельство.

А.М. Пешковский отмечал, что в типологически близких депоментным глаголам русских форм на *-ся* *лени́тся*, *весели́тся*, *беле́тся*, в отличие от статичности признака в предикатах с прилагательными, передаётся динамичность процессуального признака. В них «есть какая-то изменчивость, подвижность, ускользание от наших взоров», в то время как *белое* стоит перед нами ясно и неподвижно. *Белеется* — это как бы **п о к а з ы в а е т** свою белизну, **п р о я в л я е т** себя белым» [Пешковский, 2001: 98].

Еще более важны для определения лексико-грамматических особенностей глагольных единиц с возвратными показателями и в скандинавских, и в русском языке наблюдения о семантике глаголов *белеться*, *чернеться*, *желтеться*, *грозиться*, *играться*, которые имеют непереходные аналоги без возвратного показателя. Для этой группы А.М. Пешковский отмечал не только «отвлечение действия от объекта», (характерное для всех образований подобного типа), но — что особенно важно — «растворенность его в субъекте (или скорее субъекта в нем)», «отенок особой поглощенности деятеля своим действием», что хорошо видно при сопоставлении таких пар, как *грозит кому* и *грозится кому*: «Про ч е л о в е к а можно сказать и так, и этак: *он грозит мне* и *он грозится мне*, но про неодушевленный предмет можно употребить только первое выражение... потому, что здесь невозможно то особое у ч а с т и е субъекта в процессе, сверх обычной его роли деятеля, которое выражает возвратная форма. *Грозится* содержит какой-то намёк на угрожающий жест, на мимику, на психику грозящего человека. Важно также указание на то, что такие глаголы (все более нового происхождения) появились «на почве ассоциаций» с другими группами. В этих случаях при образовании возвратных глаголов происходит усиление оттенка непереходности. ...Однако непереходность и есть ведь не что иное, как **полная замкнутость процесса в субъекте его**» [Пешковский, 2001: 133–134] (выделено мною. — Е. Ч.).

В норвежской грамматике также отмечается, что при образовании депонентных глаголов с абсолютным и взаимным значением от переходных лексем происходит «поглощение объекта» (*oppslukt objekt*) [NRG, 669]. По существу такая же семантическая трактовка русских возвратных глаголов типа *кусаться*, *клеветаться*, *драться* дана А.М. Пешковским. В них «действие совершенно отвлекается от предмета, на который оно направлено (от объекта) и как бы замыкается в самом деятеле (в субъекте), представляется как процесс, происходящий в нем, или с ним, или непосредственно вокруг него, вообще в тесной связи с ним. Образно, при помощи формы на *-ся*, действия эти представлены ни на кого не направленными. Но даже в тех случаях, когда выражение объекта возможно (например *ласкает кого* и *ласкается к кому*), отношение к этому объекту совершенно изменяется. На этих случаях ярче всего сказывается не только отвлечение действия от объекта, но и «растворение» его, так сказать, в субъекте. *Ласкается* — это не столько *ласкает* другого, сколько с а м своими действиями старается привлечь к себе ласку другого» [Пешковский, 2001: 131].

Таким образом, депонентные и типологически сходные с ними русские возвратные глаголы обозначают процессы, замкнутые сферой смыслового субъекта, т.е. не передают свойственные залоговым формам переходных лексем значения центробежности (при активном залоге) и центростремительности (при пассиве) [Гухман, 1964].

В скандинавских грамматиках отмечается, что глаголы как с абсолютным, так и с взаимным значениями, предполагающие множественный смысловой субъект, а также некоторые глаголы второго типа могут иметь в качестве соответствий возвратные глаголы как с достаточно близкой, так и с заметно различной семантикой: швед. *tåras* — *tåra sig* «слезиться», *hopas* — *hopa sig* «стучаться, скапливаться», *samlas* — *samla sig* «собираться», *flockas* — *flocka sig* «собираться, слетаться, толпиться», *glädjas* — *glädja sig* «радоваться», *utvecklas* — *utveckla sig* «развиваться», *öppnas* — *öppna sig* «открываться»; *enas* «объединяться» — *ena sig* «договариваться, приходиться к соглашению», *trängas* «толкаться, тесниться» — *tränga sig (fram, före, förbi)* «протискиваться (вперед)», *skiljas* «расставаться, расходиться, разводиться» — *skilja sig* «разводиться, расходиться; отделяться; выделяться, отличаться», *skockas* «(с)толпиться» — *skocka sig* «толпиться, толкаться», *försonas* «(по)мириться» — *försona sig* «(с)мириться», *finnas* «иметься» — *finna sig* «найтись; смириться», *höras av* «доноситься» — *höra av sig* «давать знать о себе»; но. *kjedes* — *kjede seg* «скучать, томиться», *forundres* — *forundre seg* «удивляться», *gledes* — *glede seg* «радоваться», *flokkes* — *flokke seg* «собираться, слетаться, толпиться», *samles* — *samle seg* «собираться», *skilles* «расставаться, расходиться, разводиться» — *skille seg* «разводиться, расходиться, отделяться, выделяться, отличаться»; *synes* «казаться, чудиться, виднеться» — *syne seg* «показываться», *vises* «проявляться, показываться» — *vise seg* «показываться; оказываться, выясняться»; дат. *glædes* — *glæde sig* «радоваться», *flokkes* — *flokke sig* «собираться, слетаться, толпиться», *samles* — *samle sig* «собираться», *skilles* «расставаться, расходиться, разводиться» — *skille sig* «разводиться, расходиться; отделяться, выделяться»; *træffes* «встретиться, случайно увидиться» — *træffe sig* «случаться, получаться».

В отличие от депонентных глаголов, которые обозначают внутренне присущие неактивному смысловому субъекту процессуальные признаки общего или повторяющегося характера, возвратные глаголы передают единичные конкретные действия или состояния, предполагающие активность смыслового субъекта; об этом иногда свидетельствуют русские переводные эквиваленты. Поэтому в тех случаях, когда взаимное значение предполагает интенцию смыслового субъекта, имеется только возвратный глагол, например, швед. *förlova sig* «обручиться», *gifta sig* «жениться, выйти замуж»; но. *forlove seg*, *gifte seg*; дат. *forlove sig*, *gifte sig*. Так, норвежский глагол *skilles*, по сравнению с возвратным аналогом, передающим конкретное, часто преднамеренное действие, имеет более общее, отвлеченное значение процесса, который происходит как бы помимо воли его носителя: *De skiltes på hjørnet* [NRG, 670]. «Они расстались на углу». Таким образом, глаголы на *-s* с широкой медиальной семантикой и возвратные глаголы, образованные от той же переходной лексемы, не являются синонимичными (как

считает, например, автор шведской грамматики У. Турелль [Thorell, 1973: 134]).

Стоит в связи с этим привести тонкое замечание А.М. Пешковского о различии в семантике русских собственно-возвратных глаголов и раздельнооформленных сочетаний с возвратным местоимением типа: *он застрелился — застрелил себя*. Хотя «оба выражения вполне употребительны, разница значения ощущается достаточно ясно (первое более цельно, второе более расчлененно, так что, например, для нечаянного выстрела с выделением фактической стороны дела больше подходит *застрелил себя*, а для настоящего самоубийства, связанного с психологической цельностью акта, больше подходит *застрелился*)». Это обусловлено тем, что «с самим собой и физически, и психически нельзя обращаться как с внешним предметом» [Пешковский, 2001: 129].

Показательно, что ко второй группе в Шведской Академической грамматике относятся глаголы с непереходно-медиальным значением, которые при поддержке контекста могут выступать как залоговые формы пассива на *-s*: *kallas* «называться, вызываться», *läkas* «заживаться, излечиваться», *minskas* «становиться меньше, уменьшаться», *ökas* «становиться больше, увеличиваться» и другие [SAG, 3: 556]. Аналогичная особенность отмечается в норвежском и датском языках, например, дат. *dannes* «формироваться, образовываться», *tændes* «зажигаться», *ændres* «изменяться» [Hansen, Heltoft, 1999: 17].

В плане соотносительности отложительных глаголов с переходными и возвратными аналогами М.И. Стеблин-Каменский выделил несколько групп, которые приводятся ниже в ином порядке; аналогичные группы с теми же особенностями выделяются в шведском и датском материале, хотя в деталях лексические значения того или иного конкретного норвежского, шведского или датского глагола могут не совпадать:

1. Имеющие в качестве аналога возвратный глагол, предполагающий, как было отмечено выше, активность смыслового субъекта, в отличие от инактивности признака, передаваемого депонентным глаголом: *forundres — forundre seg* «удивляться», *gledes — glede seg* «радоваться», *ynkes* «жалеть, испытывать жалость» — *ynke seg* «жаловаться, стонать».

2. Не имеющие переходный аналог, в которых возвратный показатель однозначно имеет словообразовательный характер: *lykkes* «удаваться», *ferdes* «ездить», *dages* «(рас)светать», *blyges* «смушаться, стыдиться», *lenges* «томиться» и другие. Аналогичные русские глаголы, не имеющие переходных аналогов, такие, как *лениться*, *смеяться*, *нравиться*, А.М. Пешковский называл «недостаточными» [Пешковский, 2001: 134].

3. Имеющие переходный аналог, который заметно отличается от отложительного глагола лексическим значением: *finnes* «иметься» — *finne* «находить», *synes* «казаться» — *syne* «показывать», *brytes* «бороться» — *bryte* «ломать», *omgåås* «общаться» — *omgå* «обходить».

с тем, как отмечается в «Грамматике норвежского языка», некоторые из таких глаголов с медиальной семантикой близки по своему значению к залоговым формам пассива, как, например, *ses* «виднеться» и *høres* «слышаться, доноситься», и могут совпадать по форме со страдательным залогом неотложительного глагола, например, *kysses*.

Таким образом, граница между депонентными глаголами с возвратным показателем и залоговыми формами пассива на *-s* является размытой и зыбкой и почти всегда определяется вербальным контекстом; ср. швед. *Lagret har skadats i vinter av // genom vintervädret*. «Этой зимой склад *разрушился* от // из-за зимней погоды»; *Signalerna därifrån hörs inte // hördes inte av pågon*. «Сигналы оттуда *не слышно // не слышал никто*» [SAG, 3: 557]. Последний пример показывает, что различия в значении залоговой формы могут быть обусловлены не только вербальным окружением, но и временной формой глагола (см. об этом ниже).

Еще более выраженным различие в значениях оказывается в тех случаях, когда средства контекста — одушевленный пациенс и / или косвенное или прямое указание на одушевленный агенс в конструкции с предлогом *av* — выявляют в семантике формы на *-s* страдательное действие, направленное на аффицированный пациенс: швед. *Han är mörk och dyster och bör inte retas i onödan* (S. Delblanc). «Он темен и мрачен, и его не следует *раздражать* без необходимости»; ср. также: *Vi samlas hos mig efter kollegiet*. «Мы *собираемся* у меня после педсовета». — *Kassetterna samlas i hög på bordet och hämtas så småningom tillbaka*. «Кассеты *складывают* стопкой на столе и постепенно *уносят* обратно»; *De möttes på flygplatsen igår*. «Они *встретились* вчера в аэропорту. — *Reagan möttes på flygplatsen av Gromyko*. «Рейгана *встречал* в аэропорту Громько» [Bergner, Nylund, 1990: 68]; *Hon brukade kyssas länge och innerligt*. «Она имела обыкновение *целоваться* долго и сердечно». — *Hon tyckte inte om att kyssas av sin farmor*. «Она не любила, когда её *целовал* дедушка» [SAG, 4: 402]; но. *Vi treffes i morgen*. «Мы *встретимся* (увидимся) завтра». — *Blinken skal treffes av minst åtte skudd*. «В мишень надо *попасть* не меньше восьми раз» (букв. выстрелов) [NRG, 511]; дат. *Nu tændes der stjerner på himlens blå*. «Вот *зажигаются* звезды на голубом небосводе» — *Gaslygterne tændtes af en mand med en lang stang*. «Газовые фонари *зажигались* человеком с длинным шестом» [Hansen, Heltoft, 1999: 17].

Интересно, что в норвежской грамматике отмечается возможность близкого инактивно-пассивному употребления депонентного глагола *minnes* «помнить, вспоминать», который не имеет переходного аналога и может употребляться с прямым объектом, выявляющее не только формальную, но и семантическую «размытость» границы между глагольными единицами с агглютинативным показателем в скандинавских языках: *Sæverud minnes i Grieghallen (Adresseavisen)* «В память о Северуде в Концертном зале Грига проводится концерт»; ср. *Vi minnes de falne*.

«Мы вспоминаем погибших» [NRG, 671]. И.Г. Милославский, отмечая особенности русского возвратного глагола *нравиться*, который, как и норвежский глагол *minnes*, не имеет переходного аналога, называет его «однозаложенным страдательным глаголом» [Милославский, 1981: 213].

Таким образом, к глаголам, в которых возвратный показатель имеет словообразовательный характер, в скандинавских языках однозначно можно отнести только некоторые четко выраженные группировки лексем, выделяемые:

- **по формальному признаку** отсутствия аналога в виде переходной глагольной лексемы, которая могла бы трактоваться как залоговая форма актива, или значительное лексическое расхождение с ней;
- **по семантическому признаку** вхождения в лексическую группировку глаголов с абсолютным и / или взаимным значением, хотя здесь, как отмечалось выше, имеются «пересечения» с формами пассива на *-s*, образованными от тех же переходных глагольных лексем.

Показательно, что в последнем по времени издании кратком Академическом научном описании шведского языка депонентными глаголами называются только не имеющие переходных аналогов типа *andas* «дышать», *brottas* «бороться», *brås* «уродиться в кого-н., быть похожим», *envisas* «упрямиться», *hoppas* «надеяться», *lyckas* «посчастливиться», *minnas* «помнить, вспоминать», *svettas* «(вс)потеть», *töras* «осмелиться», *åldras* «(со)стариться» и другие. Лексемы с абсолютным и взаимным значением, имеющие переходные и / или возвратные аналоги, напротив, называются глагольными формами на *-s* [Hultman, 2003: 155].

В академических описаниях грамматики шведского языка отмечается тенденция к разграничению глаголов на *-s* и форм пассива на *-s* морфологическими и / или просодическими средствами. Так, только депонентные глаголы (как и возвратные) образуют императив: *Andas lugnt! Дыши(me)* спокойно! *Skäms! Стыди(me)сь!* *Bits inte!* Не *кусайся!* [Hultman, 2003: 154].

Некоторые формы императива, образованные от глагольных основ с долгим гласным в корне и омонимичные презенсу, вопреки морфопросодическим правилам шведского языка, получают при этом не долгий, а краткий корневой гласный: *Bits* [bit:s] *inte!* «Не *кусайся!*» *Nyps* [nyp:s] *inte!* «Не *щиплись!*» *Rivs* [rif:s] *inte!* «Не *царапайся!*» [SAG, 3: 552]. Депонентные глаголы с абсолютным и взаимным значением могут также иметь краткий корневой гласный в презенсе и инфинитиве (особенно в тех случаях, когда глагольная основа оканчивается на долгий гласный), иногда даже в претерите — *syntes* [syn:tes] «виделся, казался»; *slogs* [sluk:s] «дрался», в противоположность формам пассива на *-s*, образованным от той же переходной глагольной лексемы, с долгим гласным в корне. Ср.: *Pojkarna slåss* [slos:]. «Мальчишки *дерутся*». — *Besökaren*

slås [slo:s] av förfallet. «Посетитель *поражается* разрухе (упадку)»; *Katten rivs* [rifs]. «Кошка царапается». — *Fåren rivs* [ri:vs] av vargen. «Овец *загрызает* волк»; *Honom får vi dras* [dras:] med. «Его нам приходится *терпеть*». — *Utgifterna får dras* [dra:s] av. «Эти расходы можно *вычесть*» [Hultman, 2003: 155]; *Vi ses* [ses:] i morgon då. «Тогда завтра *увидимся*»; *Han är inte lätt att tas* [tas:] med. «*Иметь* с ним *дело* непросто»; *Måste vi dras* [dras:] med den kopiatorn längre? «Неужели мы и дальше должны *мучиться* с этим ксероксом?» *Vem brås* [bros:] hon på? «В кого она пошла?» [SAG, 3: 553]. Примечательно, что в первом из приведенных примеров просодико-фонетическое различие находит отражение в написании.

Как отмечалось выше, в датском и норвежском языках разграниченные глаголы на *-s*, имеющих полную парадигму, включая императив, и залоговых форм возможно также на морфологическом уровне. В нюношке форма пассива на *-s* употребляется только в инфинитиве после модальных глаголов: *Dette ordet kan berre brukast i eintal* [NRG, 513]. «Это слово может *употребляться* только в единственном числе». В букмоле пассив на *-s* обычен в инфинитиве и презенсе, но редко употребляется в претерите и не встречается в аналитических формах с причастием 2. Формы на *-s* отсутствуют у претерита слабых глаголов 1 спряжения, а у сильных глаголов они малоупотребительны, хотя и возможны, как, например, *ga(ve)s*, *toks*. В претерите некоторые из них частично утрачивают возможность образования пассива и употребляются главным образом как депонентные с непереходно-медиальной семантикой, например, с взаимным значением *så(e)s* [NRG, 513]. Употребление таких форм претерита сильных глаголов, как *gre(i)ps*, *skre(i)vs* представляется многим норвежцам странным, а в тех случаях, когда они встречаются в письменных текстах, это воспринимается ими как влияние шведского языка. Таким образом, в норвежском языке заметна тенденция к употреблению залоговых форм с возвратным показателем только в инфинитиве и презенсе. Важно учитывать и то, что в датском языке и в норвежском букмоле залоговые формы пассива *-s* встречаются только в высказываниях общего объективно-абстрактного характера, чаще всего, когда одушевленный агент неизвестен или устранен. При обозначении конкретных событий, происходящих в определенное время и в определенном месте, используется аналитическая конструкция с глаголом становления и причастием 2 [Hansen, Heltoft, 1999: 9–14; Herslund, Jensen, 2003: 163; NRG, 514–515, 839]; (см. также ниже).

Анализ функционирования глагольных единиц с показателем *-s* в шведском языке, образованных от переходных лексем, выявляет семантические зоны с не всегда четкими, часто размытыми границами, допускающими существование переходных и / или амбивалентных случаев. На разных полюсах семантического залогового «континуума» можно выделить различные интерпретации:

- более или менее близкие медиальной семантике среднего залога;
- более или менее близкие пассивной семантике с возможностью выражения страдательного значения в определенных контекстуальных условиях.

Критериями их разграничения выступают лексические, синтаксические и морфологические средства вербального контекста:

- одушевленность / неодушевленность смыслового субъекта (пациенса);
- одушевленность / неодушевленность агенса при указании на него в конструкции с предлогом *av*;
- грамматическая форма глагола;
- лексическая семантика глагольной лексемы;
- указание на устраненного производителя процессуального признака средствами контекста.

1. Глагольные единицы с инактивно-медиальной семантикой, которые трактуются автором шведской грамматики У. Туреллем как медиальный залог (*medial diates*): *Dörren öppnades* (= *gick upp av sig själv*). «Дверь *открылась*» (= отворилась сама по себе) [Thorell, 1973: 134]; *Hennes ansiktsuttryck förändrades* [SAG, 4: 402]. У неё *изменилось* выражение лица».

В таких случаях процесс не направлен ни на какой-либо внешний объект, ни на грамматический субъект — носитель процессуального признака, который не может поэтому трактоваться как пациент; действие представлено как «замкнутое» сферой грамматического субъекта. Автор норвежской грамматики Л. Енсен также пишет о том, что в высказывании с тем же глаголом: *Himmelens slusa åpnedes* «Разверзлись хляби небесные» невозможна замена формы на *-s* аналитической конструкции с глаголом становления, имеющей страдательное значение *Slusene i himlen blev åpnet* «Открыли(сь) хляби небесные», поскольку вся суть употребления глагола с возвратным показателем в том и состоит, что силы, разверзшие небо, скрыты от глаз человека [Jensen, 1930: 17].

Для медиального значения формы на *-s* в шведском языке характерно:

1) Употребление с согласуемым предикативным определением: *Himlen färgades klart ljusröd och stod som en teaterkuliss bakom parkens virrvarr av svarta grenar med deras gnistrande snöhölje* (M. Söderholm). «Небо *окрасилось* в ярко-красный цвет и было похоже (букв. стояло как) на театральные кулисы за путаницей черных веток с мерцающим на них снегом»; *Sen hade allting målats vitt* (M. Söderholm). «Потом всё *окрасилось* в белый цвет».

2) Употребление адвербиальных конструкций с различными предлогами:

- указывающими на замкнутость процесса сферой его носителя: *Långsamt skingrades dimmorna i hans hjärna* [SAG 4, 402]. «Посте-

пенно туман у него в голове (букв. в мозгу) рассеялся»; Inom Henrik *väcktes en lust att spela ut alla korten på bordet* (I. Lo-Johansson). У Хенрика *пробудилось* желание выложить все карты на стол;

- передающими направлением медиального процесса вовне: Solen *reflekterades i lindar* (I. Lo-Johansson). «Солнце отражалось в липах»; Från burkar av bleck eller glas *speglades liljor och löjtnantshjärtan i mörka stenvårdar* (F.N. Piraten). «Цветы лилий и разбитого сердца в банках из жести и стекла отражались в темных каменных надгробиях»; Två huvuden *vändes mot henne* (M. Söderholm). «К ней *повернулись* две головы»; Jag *gladdes åt denna syn*. «Я *радовался* этому зрелищу» [SAG, 4: 362].

2. Залоговые формы пассива на -s с инактивно-пассивным значением, в которых процессуальный признак обычно передается без указания на производителя, а его носителем чаще всего выступает «инертный» [Храковский, 1981: 8] неодушевленный денотат (**saksobjekt**). В большинстве случаев процесс представлен обобщенно или итеративно и имеет выраженную имперфективную семантику [Thorell, 1973: 135; Bergner, Nylund, 1990: 69]. Акцент делается на самом процессе; при этом агент либо отсутствует, либо остается в тени, либо намеренно устраняется. В таких случаях возможно употребление адвербиальной конструкции с предлогом *av*, которая обозначает источник или причину инактивного процесса:

- при неодушевленном подлежащем: Himlen var *anilinfärgad och rispades då och då av blodröda streck* (L. Ahlin). «Небо *окрасилось* в чернильно-черный цвет и время от времени прочерчивалось кроваво-красными линиями»; Tallstammarna *färgades röda av den nedgående solen*. «Стволы сосен *окрасились* в красный цвет лучами заходящего солнца»; Säden *förstördes* (av allt regnet). «Урожай зерновых *пропал* (от дождя) / *был уничтожен* дождем»; Hans syn på vännerna *förändrades* (av de nya erfarenheterna). «Его отношение к друзьям *изменилось* (благодаря новому жизненному опыту)» [SAG, 4: 402]. В активных трансформах таких высказываний с пассивом на -s грамматический субъект приобретает при метафорическом употреблении более «агентивный» характер; ср.: Hennes utseende *förändrades av ljuset*. «Её облик *изменился* от света». — Ljuset *förändrade hennes utseende*. «Свет *изменил* её облик»;
- при одушевленном подлежащем: Han *irriterades* mycket av trafiken på gatan / att posten inte fungerade. «Его очень *раздражало* движение транспорта на улице // то, что почта не работала»; Hon *äcklades / retades av hans vulgära maner vid matbordet*. «Ей *были отвратительны* / Её *раздражали* его вульгарные манеры за столом»; Jag vill absolut inte *störas av inkommande telefonsamtal*. «Я совершенно не хочу, чтобы мне *мешали* телефонные звонки»; Jag *inspirerades av texten*. «Я *вдохновился* этим текстом» [SAG 4, 362]. Для перевода

последнего примера на русский язык, однако, больше подходит конструкция в активе: «Меня вдохновил этот текст».

Показательно, что во всех приведенных случаях употребляются залоговые формы, образованные от переходных глаголов с такой лексической семантикой, при которой в случае трансформации в актив неодушевленное подлежащее обозначает источник или причину выраженного в глагольной лексеме признака, а дополнение содержит указание на лицо, охваченное этим признаком; см. русские переводы, в которых невозможна пассивная диатеза.

Залоговые формы с инактивной семантикой часто употребляются с предложно-адвербиальными конструкциями, в том числе указывающими на направленность процесса вовне: *I regel ärvdes yrket bland de indelta* (M. Martinson). «Как правило, эта профессия *передавалась по наследству* только посвященным»; *Ingen ville protestera mot hans skäl, därför att det var en krympling man hade framför sig och krymplingen för de friska framhölls som helig* (I. Lo-Johansson). «Никто не хотел спорить с его доводами, потому что он был калекой, а калека *воспринимался* здоровыми как святой»; *Ingen kontakt har tagits med familjen*. «С семьей не *поддерживалось* никаких контактов»; *Allvarlig kritik riktades mot revisorerna* [SAG, 4: 365]. «Серьезная критика *была направлена* в адрес аудиторов». Это сближает залоговые формы с инактивно-пассивным и медиальным значением.

Как отмечается в Шведской Академической грамматике, формы с медиальной залоговой семантикой, смысловой субъект которых является носителем процессуального признака (как одушевленный — *upplevare*, *mottagare*, так и неодушевленный — *föremål*), представляют пограничную зону между депонентными глаголами на *-s* и залоговыми формами на *-s* с широким инактивным значением. Критерием их разграничения является наличие предложно-адвербиальной конструкции с *av*, которая, как видно из приводимых ниже примеров, является факультативной и далеко не всегда содержит указание на агенс.

Размытость границы между инактивно-медиальным и инактивно-пассивным употреблением залоговых форм с возвратным показателем хорошо видна на примере глагольных единиц, образованных от переходных лексем со значением восприятия — *känna* «чувствовать», *höra* «слышать» и *se* «смотреть, видеть». *Kännas* «чувствоваться, ощущаться» и *ses* «(у)видеться» представлены в шведских словарях как самостоятельные лексические единицы и трактуются как депонентные глаголы с медиальной (в первом случае) и взаимной (во втором случае) семантикой; см. словарные примеры: *Det känns som sommar idag* [Svensk ordbok, 659]. «Сегодня такое ощущение, что уже лето»; *Vi ses snart!* [Svensk ordbok, 1055]. «Мы скоро увидимся!» В то же время глагольная единица *höras* в словарях отсутствует, поскольку она интерпретируется как залоговая форма пассива.

Синтаксические особенности употребления *kännas* с согласуемым предикативным определением, отмеченные в словарных примерах, совпадают с приведенными выше контекстами, характерными для медиального значения: *Handen känns kall*. «Чувствуется, что рука холодная»; *Tuget känns mjukt*. «Ткань мягкая на ощупь». Для *kännas* показательны также отсутствие адвербиальных конструкций с предлогом *av* и употребление с другими предлогами в составе обстоятельственных словосочетаний, в том числе указывающих на направленность процесса вовне: *...luften fylld med sandstoft, som kändes i näsan, ner i lungorna, kliande fram hosta* (A. Lundkvist) «...воздух, наполненный песочной пылью, которая *ощущалась* в носу, проникала (вниз) в легкие, от которой першило в горле и появлялся кашель». В то же время отмечается возможность употребления формы *ses* с пассивной залоговой семантикой при указании на одушевленный агент в конструкции с *av*: *en utställning som bör ses av alla* (Dagens Nyheter) «выставка, которую следует посмотреть всем», хотя адвербиальные сочетания с другими предлогами встречаются довольно часто: *En bit blå kappa kunde ses från sidan* (P.A. Fågelström). «Сбоку был виден край голубого пальто»; *Den död, som kunde ses genom gluggen* (E. Johnson). «Такая смерть, которую можно было увидеть сквозь потайное отверстие».

Трактуемая как залоговая форма *höras* «слышаться, доноситься» мало чем отличается по синтаксической дистрибуции от *kännas*. Она легко употребляется:

- с согласуемым предикативным определением: *I den stilla kvällen hördes röster och ljud så klara och tydliga* (Hj. Söderberg). «В тишине вечера голоса и звуки слышались такими чистыми и ясными»;
- с предложно-адвербиальными сочетаниями, указывающими на направленность процесса вовне: *Ett skrik som skulle höras ända upp till himlen och ner till underjorden* (E. Johnson). «Крик, который бы *доносился* ввысь до самого неба и вниз до преисподней».

Примечательно, что при параллельном обозначении восприятия слухом и зрением *höras* употребляется не с залоговой формой *ses*, а с депонентным глаголом *synas* в значении «виднеться, быть видимым», который существенно отличается по семантике от переходного аналога *syna* «рассматривать, разглядывать»: *Jag vet om skuggor som syns i nattmörkret och om tystnad som hörs* (K. Boye). «Я знаю о тенях, которые *видны* в ночной темноте, и о тишине, которую *слышно*»; *Ingenting syntes eller hördes* (M. Söderholm). «Ничего не было *видно* или *слышно*». Еще более показательны, что, в отличие от *ses*, *höras*, как и *synas*, не употребляется с указанием на агент в предложной конструкции с *av*; см. подробнее [Чекалина, 1978: 48].

Показательно, что в норвежском языке, где глагол *synes* имеет значения «казаться, выглядеть, виднеться» [Stor norsk-russisk ordbok, 1066], значение формы *se(e)s* часто интерпретируется как «быть видимым, ви-

димым». Так, А. Вестерн указывает, что это значение «строго говоря не является пассивным, поскольку речь идет здесь не о действии, выполняемом кем-либо, а о свойстве субъекта, которое существует независимо от того, имеется или отсутствует агенс. Высказывание *Fra denne utsikt sees flere snefjell* «С этого места открывается панорама (букв. *видны / можно видеть*) нескольких снежных вершин», конечно, обозначает не то, что предмет может быть увиден кем-либо, а то, что видны покрытые снегом горы, что никто не загораживает вид на них, независимо от того, может кто-нибудь видеть их или нет» [Western, 1921: 161–162] (перевод мой. — *Е. Ч.*); см. также [Берков, 1955]; ср. но.: *Vi hører musikken helt hit*. «Мы *слышим* музыку даже здесь» — *Musikken høres helt hit*. «Музыка *слышна* даже здесь» [NRG, 20].

При отсутствии указания на агенс идея производителя процессуального признака может быть имплицитно заложена в акциональной семантике залоговой формы; в таких случаях часто передаются процессы, которые носят обобщенный, а не конкретный характер и не приурочены к определенному времени и месту. Поэтому авторы скандинавских грамматик называют пассив на *-s* объективно-абстрактным; ср. но. *Oppgavene leveres hver uke*. «Сведения *сообщаются* каждую неделю»; *Søknaden sendes innen 15. september*. «Заявление *посылается* до 15 сентября»; *Potetene skjæres i små biter*. «Картофель *нарезается* маленькими кусочками» [NRG, 514]; швед.: *Dörren öppnas utåt*. «Дверь *открывается* наружу»; *Dörrarna stängs!* «Двери *закрываются!*» [Engdahl, 2000: 82]. Показательно, что приведенные в норвежской грамматике залоговые формы *barberes* от *barbere* «брить» и *hates* от *hate* «ненавидеть» не могут выступать с инактивно-медиальной семантикой, поскольку в лексическом значении этих глаголов имплицитно содержится идея агенса-лица [NRG, 669].

Пассив на *-s* часто встречается в инструкциях, рекомендациях, рецептах, предписаниях общего характера; для него характерно употребление в инфинитиве с модальными глаголами: шв. *Alla patentbyråer i utlandet måste informeras om det*. *Breven skall skrivas bara på tyska, engelska och franska* (I. Lo-Johansson). «Все патентные бюро необходимо *информировать* об этом. Письма следует *писать* только по-немецки, по-английски и по-французски»; но. *Oppgavene skal leveres hver uke*. «Сведения необходимо *сообщать* каждую неделю»; *Søknaden kan sendes direkte til oss*. «Заявление можно *посылать* прямо нам»; *Potetene bør skjæres i små biter*. «Картофель следует *нарезать* маленькими кусочками» [NRG, 514–515]. В текстах такого типа возможны бессубъектные высказывания, в которых имеет место, наряду с устранением производителя действия, устранение его объекта (но. *utelatning av objekt*): *Oppbevares utilgjengelig for barn* [NRG, 714–715]; ср. активную диатезу с инфинитивом в русском переводе: «*Хранить* в недоступном для детей месте». Высказывание «*Хранится* в недоступном для детей месте» при сохране-

нии имперфективной семантики, в отличие от скандинавских примеров, передает конкретную, а не общую локализацию процесса и не содержит указания на скрытую императивную модальность.

Интересно сопоставить эту особенность скандинавского пассива на *-s* с модально-пассивным употреблением русских форм на *-ся / -сь*, на которое обратил внимание Р. Леч, отмечавший, что залоговые формы ряда глаголов во многих языках не только указывают на пассивную диадезу, но выражают также особую модальную семантику, т.е. соотносятся с двумя функционально-семантическими категориями — залога и модальности. Такое употребление он называет модальным пассивом. В качестве примеров Р. Леч приводит употребления русских форм *поддаваться*, *подвергаться* с отглагольными существительными: «Многие надписи *поддаются* не только чтению, но и переводу», а также высказывания типа: «Многие надписи не только *читаются*, но и *переводятся* без всякого труда». Особенно показательно, что при трансформации в совершенный вид в русском языке возможно только эксплицитное выражение модального глагола при аналитической конструкции с глаголом *быть* и причастием 2: «Многие надписи могут быть не только *прочтены*, но и *переведены* [Леч, 1981: 96].

Следует особо отметить случаи употребления пассива на *-s* без указания на агенс у глаголов, которые не имеют причастия 2 и поэтому не встречаются в аналитической конструкции со значением страдательного залога, например, но. *ha* «иметь», *få* «получать», *tene* «иметь в виду, полагать»: *Fersk fisk has på lager*. «Свежая рыба имеется на складе»; *Billetter fås i luka*. «Билеты можно *получить* в окошке»; *Hva tenes med denne påstanden?* «Что хотят сказать (= *имеют в виду*) этим утверждением?» [NRG, 514]. В современном шведском языке отмечается аналогичное употребление в вопросительных высказываниях с формальным подлежащим при стилизации прагматически устаревшей конструкции, которая использовалась для того, чтобы избежать обращения в форме 2 лица: *Has det barn?* «Имеются ли дети?»; *Behagas det lite mera kött?* «Желаете ли (букв. *желается* ли) ещё немного мяса?» [SAG, 4: 366]. Представляется, что оно обусловлено инактивной объективно-абстрактной процессуально-имперфективной семантикой залоговых форм на *-s*, которая сближает их с депонентными глаголами, имеющими тот же показатель *i*, также как некоторые рассмотренные выше случаи «однозалоговых» глаголов с возвратным показателем, связано с «давлением системы». Это особенно заметно в форме *has*, значение которой близко семантике депонентных глаголов: швед. *finnas*, но. *finnes*.

Следует отметить роль обстоятельств образа действия и других адвербиальных уточнителей, которые в сочетании с акциональным значением глагольной лексемы содержат имплицитное указание на заложенную в семантике залоговой формы идею одушевленного производителя признака: *Bilen står trafikfarligt och måste flyttas snabbt* [SAG, 4: 361].

«Машина стоит в опасном для уличного движения месте, и её надо быстро *передвинуть*»; Det knäpper i ett lås, och en dörr *stängs* försiktigt (L. Göransson). «В замке что-то шелкает, и дверь осторожно *закрывается*»; Jag hade hört att tjuven *straffades* hårt (M. Martinson). «Я слышала, что вора жестоко *наказали*»; Denna boken *köps* mycket, den tycks vara särskilt omtyckt i staden (P. Lagerkvist). «Эту книгу много *покупают*, видимо, она пользуется особым успехом в этом городе»; Jag tror att vår julhelg *firats* lika fint och vackert som hos någon i hela landet (M. Martinson). «Думаю, что у нас рождество *праздновалось* так же замечательно и красиво, как у любого другого во всей стране». В последнем примере косвенное указание на одушевленный агенс содержится также в притяжательном местоимении при неодушевленном подлежащем.

Рассмотренные контексты с имплицитным указанием на одушевленный агенс свидетельствуют о возможности употребления залоговых форм с возвратным показателем в значении страдательного действия, направленного на аффицированный грамматический субъект-пациенс, которое представлено в третьей семантической зоне шведских форм на *-s*.

3. Залоговые формы пассива на *-s* со значением страдательного действия.

Такое употребление чаще всего встречается при одушевленном подлежащем в сообщении о прошлом, когда «процесс и результат процесса совмещаются в одной точке» [Смирницкая, 1978: 76]: Hon *drogs upp* ur vattnet och kände, hur hon *lades* på en båtbottnen (M. Söderholm). «Её *вытащили* из воды, и она почувствовала, как её *положили* на дно лодки».

Важным контекстуальным показателем страдательного значения является эксплицитное выражение одушевленного агенса в конструкции с предлогом *av*: Han *sågs* av många när han korsade gatan. «Многие *видели* его, когда он переходил улицу»; Guldringen *hittades* av ett par småpojkar. «Золотое кольцо *нашли* двое маленьких мальчиков» [SAG, 4: 362]; Han *begräts* av modern och två systrar (E. Ask Lund). «Его *оплакивали* мать и две сестры»; Det är den lyckliga morgonen till en ond dag, ty denna dag skall ett barn *dödas* av en lycklig man (S. Dagerman). «Это счастливое утро ужасного дня, ибо в это день ребенку суждено быть убитым счастливым человеком». Показательно, что при «сильной» поддержке контекста пассив на *-s* употребляется со страдательным значением не только в претерите, но и в инфинитиве после глагола с модально-прогностическим значением, как в последнем из приведенных выше примеров.

Таким образом, между медиальным, инактивно-пассивным и пассивно-страдательным употреблением форм на *-s* существует своего рода «скользящая шкала», семантические залоговые «деления» которой определяются различными показателями вербального контекста — синтаксическими, морфологическими и лексическими, включая собственное зна-

чение глагола. Это хорошо видно на схеме, которую приводят авторы Шведской Академической грамматики [SAG, 4: 403]:

- медиальное значение: спонтанный процесс (указание на причину) /
- пассивное значение: имплицитное указание на агенс или эксплицитный агенс.

Роль контекстуальных факторов хорошо видна при сопоставлении следующих трех примеров [SAG, 4: 365]:

- 1) Han *slogs* av en underbar idé. «Его поразила удивительная мысль» — адвербиальная конструкция с предлогом *av* при неодушевленном существительном с абстрактным значением указывает на источник процессуального признака, охватывающего инактивный смысловой субъект.
- 2) ³Han *slogs* alltid av sin far. «Его всегда *бил* отец» — авторы грамматики ставят под сомнение возможность такого высказывания. Думается, что это обусловлено противоречием между обобщенно-имперфективной видовой семантикой залоговой формы, которая усиливается наречием *alltid* «всегда», и значением конкретного страдательного действия, направленного на аффицированный одушевленный пациенс, которое создается указанием на агенс-лицо в адвербиально-предложной конструкции с одушевленным существительным.
- 3) Han *slogs* ner av två busar. «Его *сбили* с ног два хулигана» — в условиях контекста, максимально благоприятного для реализации страдательного значения (отнесенность конкретного единичного события-действия к прошлому, указание на агенс-лицо и пациенс-лицо), глагольная лексема употребляется с поствербом наречного происхождения, который меняет видовую семантику с имперфективной на перфективно-акциональную.

Таким образом, используя слова В.В. Виноградова о пассивных оборотах в русском языке, можно утверждать, что в семантике и употреблении шведских залоговых форм с возвратным показателем имеется «ряд своеобразных синтаксических варьаций и модификаций, обусловленных разными формами взаимоотношения между подлежащим и реальным производителем действия» [Виноградов, 1938: 487].

Широкая инактивно-пассивная семантика шведских залоговых форм с агглютинативным показателем особенно хорошо видна в позиции сильного противопоставления, при параллельном употреблении тождественного переходного глагола в активе: Det stod så klart för mig då, att jag *gjorde* det enda, som kunde *göras* för honom. «Тогда мне было ясно, что я *сделал* единственное, что можно было *сделать* для него»; Han gick till tidningen och *ordnade* det som skulle *ordnas* där. «Он пошел в редакцию газеты и *устроил* то, что следовало *устроить* там» (Hj. Söderberg); Istället för att sätta upp ansökan och förtjäna pengar på

mannens godtrogenhet *avrådde* Grottius honom bestämt, fast spårvägsmannen lät sig inte *avrådas* (I. Lo-Johansson). «Вместо того, чтобы написать прошение и заработать на человеческой доверчивости, Гроттиус решительно *уговаривал* его, хотя трамвайщик не *поддавался уговорам*». Показательно, что во всех приведенных примерах пассив на *-s* употребляется в инфинитиве после глаголов с модальными или близкими им значениями.

«Размытая» инактивно-пассивная семантика выявляется и в позиции контраста при параллельном употреблении аналитической конструкции с глаголом становления и причастием 2, которой передается конкретное однократное перфективно-результативное страдательное действие; см. также [Чекалина, 1972; 1973; 1975]: Varför *rycks* man inte bort helt och hållet, när man *blir borttryckt*? «Почему же мы не *поддаемся уничтожению* (букв. *не уничтожаемся*), когда нас *уничтожают*?» (L. Ahlin); Och det som skall *göras*, det *blir gjort*! (V. Moberg). «А то, что должно *делаться*, *будет сделано!*».

Вместе с тем авторы Шведской Академической грамматики отмечают, что форма с агглютинативным возвратным показателем является наиболее употребительным в письменной речи средством выражения пассивной диатезы.

Факторами, влияющими на предпочтительный выбор пассива на *-s*, по сравнению с аналитической конструкцией, являются [SAG, 4: 397–398] (выделения ниже сделаны мною. — Е. Ч.):

1) семантика глагольной лексемы, предполагающая неопределенно-длительный характер процесса:

- глаголы **со значением обладания**, передающие статичное положение дел, при обязательном эксплицитном указании на одушевленный агент в конструкции с предлогом *av* — *inneha* «обладать», *äga* «владеть»: *Gården innehas / ägs av en cykelhandlare*. «Усадьба принадлежит продавцу велосипедов»;
- глаголы, семантика которых допускает **наличие внутреннего объекта** — например, *dansa* «танцевать», *leva* «жить»: *Livet levts framlänges*. «Жизнь *проживается* вперед»;
- глаголы **речи и мысли** — например, *påstå* «утверждать», *anta* «предполагать», *anse* «считать, полагать», *tro* «думать»: *Han påstods vilja byta yrke*. «Утверждали, что он хочет сменить профессию»;
- глаголы **чувственного восприятия** — например, *se* «видеть», *höra* «слышать»: *De sågs / hördes gråla i bussen*. «Видели / Слышали, как они ругались в автобусе»; показательно, что в обоих случаях формы пассива на *-s* употребляются в сложном сказуемом с инфинитивом, образуя особую синтаксическую конструкцию *subjekt med infinitiv*, которая используется для указания не только на конкретный субъект действия, названного в инфинитиве, но и на неопределенно-личный субъект речи, мысли или чувственного восприятия, выраженный в залоговой форме;

2) контекстуальное указание на имперфективную видовую семантику неопределенной длительности:

— при передаче **повторяющихся или имеющих обобщенный характер процессов**: Fågelfrå köps i djuraffärer «Зерно для птиц *покупают* в зоомагазинах»; Centrala provet i matematik skrivs i årskurs tre i gymnasieskolan. «Государственный экзамен по математике *сдают* / *сдается* на третьем году обучения в гимназии»;

— при передаче процессов **без указания на их начальную и / или конечную границу**: Detta dataregister disponerades bara av staben. «Этим компьютерным регистром *располагали* только в штабе»;

3) в сочетании с **модальными глаголами**: Kursen kan *tenteras* när som helst under året. «Экзамен по этому предмету можно *сдавать* в любое время»; Detta måste till varje pris *förhindras*. «Это необходимо *предотвратить* любой ценой»;

4) в высказываниях с **формальным подлежащим *det***: Det *dansades* hela natten. «*Танцевали* всю ночь»; Det *har byggts* ett hus vid torget. «У площади *построили* дом».

Показательно, что во всех типах контекстов 2–4 залоговые формы с возвратным показателем используются для выражения неопределенно-личного субъекта.

Следует подчеркнуть, что употребление в неопределенно-личных предложениях с формальным подлежащим *det* является важной синтаксической особенностью шведских форм с агглютинативным возвратным показателем; ср. Det *bjöds* på kaffe. «*Пригласили* / *Приглашали*) на кофе. — Vi *blev bjudna* på kaffe. «Нас *пригласили* на кофе» [Engdahl, 2000: 89]. В датском языке и норвежском букмоле в высказываниях такого типа возможна аналитическая конструкция с глаголом становления и причастием 2; ср. дат. *Der tales* ikke mere dansk i Skåne. «В Сконе больше не говорят по-датски». — *Der bliver* (ofte) *talt* dansk i Skåne. «В Сконе часто говорят по-датски» [Engdahl, 2000: 82]. Различия в употреблении обусловлены ситуативно-прагматическими факторами — констатацией общезначимого факта в первом случае и описанием конкретной ситуации во втором. Неопределенно-личные высказывания с формальным подлежащим, наряду с информативно-коммуникативной функцией, имеют также семантико-синтаксическую функцию устранения агенса-лица. Их синтаксические трансформы с местоимением *man* и активной формой в предикате, напротив, являются обобщенно-личными.

Как отмечает А.Л. Зеленецкий, аналогичные моноремные пассивные конструкции с глаголом становления и причастием 2 от акциональных лексем характерны также для немецкого, нидерландского языков и африкаанс, где они по большей части продуктивны в устной речи, например: нид. *Eg wordt gedanst*. «Танцуют»; африк. *Daar word gesing*. «Поют». В русском языке имеются типологически сходные пассивно оформленные бессубъектные страдательные конструкции с причастия-

ми прошедшего времени, например: *Нам отказано в просьбе; Про батарею Тушина было забыто* (Л. Толстой); см. об этом [Бондарко, Буландин, 1967: 154]; цитируется по [Зеленецкий, 2004: 166–167].

Характерно, что в скандинавских языках такое употребление форм с возвратным показателем возможно не только у переходных и потенциально переходных, но и у непереходных глаголов с акциональной семантикой; ср. нор. *Det spørres om hun kommer* [NRG, 512] «Спрашивается, придет ли она»; *Det syndes ofte mot denne regelen*. «Против этого правила часто грешат» [NRG, 514]; швед. *Om hon hade vetat på det här besöket, hade hon ju kunnat plocka smultron till efterrätt, men nu hanns det inte med* (S. Delblanc). «Если бы она знала об этом визите раньше, она бы набрала земляники на десерт, но теперь было уже не *успеть*»; *Nu byggs det återigen i Faluns centrum* [SAG 4, 371]. «В центре Фалуны снова *строят*»; *Det pratas förskräckligt mycket i svensk tv*. «На шведском телевидении ужасно много *болтают*»; *I tre år har det arbetats på det här projektet*. «Над этим проектом *работают* уже три года»; *Det talades mycket om ett nyval*. «Много *говорили* о внеочередных выборах»; *Där springes det om kvällarna*. «По вечерам там сплошная беготня» [SAG 4, 363]; *Det dricks och bråkas och förorenas, närboende störs och ringer polis*. «*Пьют, скандалят и разводят грязь*, это нарушает спокойствие живущих поблизости, и они вызывают полицию» [Hultman, 2003: 155]. Последний шведский пример особенно показателен, поскольку в нем в одной и той же синтаксической конструкции с формальным подлежащим употреблены два переходных и один непереходный глагол *bråka* «шуметь, скандалить», и в том же высказывании используется форма пассива на *-s* переходного глагола при одушевленном пациенте.

Приведенный материал показывает, что в неопределенно-личных высказываниях такой синтаксической структуры граница между глаголами и формами с инактивно-медиальной и / или инактивно-пассивной семантикой является «размытой», а возможность их параллельного употребления в идентичном контексте обусловлена «давлением системы».

Характерно также, что в нюношке залоговые формы с возвратным показателем, кроме инфинитива после модального глагола (см. выше), могут употребляться и в формах презенса и претерита только в составе рассматриваемой синтаксической конструкции: *Det hørdest / sagdest / spurdest at ho var komen* [NRG, 513–514]. «*Ходили слухи / говорили*, что она вернулась домой / *спрашивали*, вернулась ли она домой».

Можно предположить, что употребление с формальным подлежащим как залоговых форм переходных глаголов, так и глагольных единиц, образованных от непереходных глагольных лексем, в едином семантико-синтаксическом «континууме» неопределенно-личных предложений обусловлено широким инактивным значением, позволяющим объединить в одной конструкции предикаты с медиальной и пассивной

семантикой. При анализе употребления глагольных единиц с такой семантикой в неопределенно-личных предложениях с формальным подлежащим важная роль принадлежит фактору «давления системы»; ср. употребление депонентных глаголов, не имеющих переходного аналога, в безличных предложениях с тем же формальным подлежащим, например: швед. *Det våras för den svenska industrin* [Svensk ordbok, 1421]. букв. «Для шведской промышленности *наступает весна*»; но. *Det våres*. «Весна идет» [Стеблин-Каменский, 1957: 125]; *Det grønnes på plenene*. «Газоны начинают *зеленеть*»; *Det dages i øst*. «*Рассветает* на востоке» [NRG, 512].

Прежде чем подвести итоги, свидетельствующие о сходствах и различиях между скандинавскими и русскими глагольными единицами с агглютинативными возвратными показателями, приведем выделенные А.А. Шахматовым и В.В. Виноградовым значения русских возвратных глаголов (несколько нарушив порядок их изложения и поместив последним страдательно-возвратное значение) [Виноградов, 1938: 483–486], и укажем наиболее типичные скандинавские соответствия на шведском материале:

1) **Собственно-возвратное** (или *прямо-возвратное*): *мыться, беречься* и другие. Им чаще всего соответствует возвратная конструкция: швед. *tvätta sig* «умываться, мыться», *akta sig* «остерегаться». Показательно, однако, что употребление русского глагола значительно шире, поскольку при неодушевленном подлежащем возможно также инактивно-пассивное значение: *лицо моется*, типологически близкое скандинавскому пассиву на *-s*.

2) **Средне-возвратное** значение, при котором действие имеет своим объектом личность самого субъекта: *возвращаться, останавливаться, кататься, улыбаться, наклоняться*. Им соответствуют главным образом непереходные глаголы: швед. *återvända, stanna, åka, le*; в ряде случаев в качестве эквивалентов могут выступать раздельно оформленные возвратные глаголы: *böja sig* «нагибаться», *luta sig* «наклоняться».

3) **Обще-возвратное** значение, представленное глаголами, которые передают внутренние душевные переживания субъекта: *радоваться, торопиться, беспокоиться*. Им могут соответствовать возвратные, реже депонентные глаголы: швед. *glädja sig, glädjas, skynda sig, oroa sig, bekymra sig*.

4) **Взаимно-возвратное** значение: *бороться, сражаться, общаться, собираться, сговариваться* и другие. Им соответствуют как депонентные и (реже) возвратные глаголы *brottas, slåss, umgås, samlas, samla sig, gadda ihop sig*, так и непереходные глагольные лексемы, например, *kämpa*.

5) **Косвенно-возвратное** значение, при котором действие совершается в интересах субъекта: *прибратиться, уложиться*. В шведском языке им соответствуют непереходные глаголы: *städa upp, packa ihop*.

6) **Качественно-пассивно-безобъектное** значение, выделяемое в глаголах на *-ся*, соотносительных с переходными глаголами: *ящик выдвигается, палка не гибается*. В качестве переводных эквивалентов в шведском языке им соответствуют лексико-синтаксические сочетания с модальной семантикой: *lådan går att dra ut; staven går inte att böja*. Однако в сопоставительно-типологическом плане они близки глагольным единицам с возвратным показателем, имеющим инактивно-медальную семантику.

7) **Лично-безобъектное** значение, «направленное на других, но мыслимое безобъектно, как характеристическая, отличительная черта самого субъекта: *собака кусается, крапива жжется, корова бодается; мальчик дерется, дразнится*» [Виноградов, 1938: 484]. Такие глаголы как по форме, так и по значению типологически очень близки скандинавским депонентным глаголам: швед. *Hunden bits* «Собака кусается»; *Nässlan bränns* «Крапива жжётся»; *Kon stångas* «Корова бодается»; *Pojken slåss, retas* «Мальчик дерется, дразнится».

8) **Кратно-побочно-возвратное** значение, «проявляющееся с такой интенсивностью, которая сосредоточивает особенное внимание на производителе признака» [Виноградов, 1938: 484]: *стучаться, проситься*.

9) **Значение пассивного обнаружения, внешнего проявления признака**: *белеться, зеленеться*. Эквивалентами этой и предыдущей группы в шведском языке обычно выступают непереходные глаголы.

10) **Косвенно-результативно-возвратное** значение, «выражающее полноту, исчерпанность проявления действия, интенсивность захвата субъекта действием» [Виноградов, 1938: 485]: *нагуляться, проспать*. Шведскими эквивалентами выступают лексико-синтаксические сочетания, в том числе с возвратным местоимением: *vara ute så mycket man vill, sova av sig ruset*.

11) **Безлично-пассивное** или **безлично-интенсивное** значение: *мне хочется, плохо работается, не спится, нездоровится*. Такое употребление в силу существенных синтаксических различий не имеет соответствий в скандинавских глагольных единицах с возвратными показателями.

12) **Страдательно-возвратное** значение (последнее по месту, но не по важности для рассматриваемой проблемы): *Корабль несется ветром; Щеки румянятся морозом; Поезд останавливается сигналом стрелочника // по требованию пассажиров*. В отличие от всех других, это значение «создается не столько формой самого глагола, сколько формой того словосочетания, в которое она вступает, с творительным падежом действующего лица» [Пешковский, 2001: 132]. Кроме того, по тонкому наблюдению А.А. Шахматова, формы 1-го и 2-го лица глаголов на *-ся* в страдательном значении малоупотребительны, а возвратная форма 3-го лица гораздо «более активизирована, гораздо менее выражает пассивное состояние субъекта, чем страдательно-причастная конструкция» [Виноградов, 1938: 487].

В сопоставительно-типологическом плане это значение прямо соответствует инактивно-пассивному употреблению скандинавских залоговых форм с возвратным показателем. Однако переводными эквивалентами таких высказываний могут быть не только пассивные, но и активные конструкции: швед. *Skeppet drivs av vinden* «Корабль *несется* ветром»; *Kinderna färgas röda av kylan* «Щёки *раскраснелись* от холода»; *Tåget stannar på passagerarnas begäran // av växlarens signal* «Поезд *останавливается* по требованию пассажиров // по сигналу стрелочника».

Обобщая результаты сопоставления агглютинативных глагольных единиц с возвратными показателями в скандинавских языках и в русском, следует выделить, с одной стороны, общие для них типологически близкие особенности, а с другой стороны, существенные расхождения, обусловленные системными различиями, в первую очередь, различным соотношением между цельно- и раздельнооформленными глагольными единицами с возвратными показателями.

Общим является:

1. **Формальное своеобразие** агглютинативных возвратных показателей; их типологическое сходство связано с общим происхождением из местоименных энклитик. В русской грамматике *-ся* часто называется частицей; Р. Леч определял её статус как постфикс [Леч, 1978: 96]; А.М. Пешковский называл её «надставкой»: «Аффикс этот столь исключителен, что для него даже и термина не подберешь. ...Объясняется это тем, что он совсем недавно, на памяти истории, произошел из отдельного слова путем с с е п л е н и я с другими словами» [Пешковский, 2001: 128–129].

На особый морфологический статус агглютинативного возвратного показателя указывали и авторы скандинавских грамматик, отмечая, что он помещается в конце словоформы, независимо от того, имеет ли глагольная единица явно словообразовательный (как, например, депонентные глаголы, образованные от именных основ) или словоизменительный характер [NRG, 508]. Авторы Шведской Академической грамматики также обращали внимание на то, что возвратный показатель с точки зрения позиционной морфологии ведет себя как словоизменительный даже в тех случаях, когда в лексико-семантическом, а иногда и структурном плане — при отсутствии переходного аналога — он является словообразовательным [SAG, 4: 360].

2. Формальное своеобразие агглютинативных возвратных показателей предопределяет **особый морфологический статус** образуемых с их помощью глагольных единиц, занимающих **пограничное положение между словообразованием и словоизменением**. В русском языке именно этим можно объяснить их принципиально различную трактовку: как словоизменительных форм возвратно-страдательного залога — А.М. Пешковским и как словообразовательных единиц — А.А. Шахматовым и В.В. Виноградовым. Очевидно, что русские глагольные едини-

цы на *-ся / -сь* в целом относятся «к лексико-грамматической сфере, а не к словоизменению» [Зеленецкий, 2004: 162].

3. **Семантическое своеобразие** цельнооформленных глагольных единиц и в скандинавских языках, особенно в шведском (где залоговые формы пассива на *-s* имеют наиболее широкую функционально-семантическую область употребления), и в русском языке проявляется **в их многозначности и контекстуальной обусловленности**. В русском языке эта категория «могла бы считаться даже состоящей из нескольких категорий, если бы не её звуковое однообразие» [Пешковский, 2001: 129].

4. **Выражение пассивного значения** как одна из функций глагольных единиц с возвратными показателями, при наличии аналитических конструкций с причастием 2, имеющих различный уровень грамматизации. Важным в данной связи представляется наблюдение А.Л. Зеленецкого о том, что в русском языке к парадигме пассива принадлежат лишь такие случаи использования возвратных глаголов, когда последние коррелируют с аналитическим пассивом по виду; ср.: *Дом строился*, но: *Дом был построен* [Зеленецкий, 2004: 163].

5. **Связь залогового значения и употребления форм с возвратным показателем с имперфективной видовой семантикой**. Указание на имперфективную видовую семантику высказываний с формами пассива на *-s*, в отличие от результативно-перфективного значения страдательной конструкции с глаголом становления и причастием 2, отмечается скандинавскими исследователями; см., например, [Thorell, 1973: 135]. В русском языке «возвратно-страдательные формы на *-ся* ограничены в своем употреблении преимущественно категорией несовершенного вида, ...и прошедшее время совершенного вида от них почти невозможно (ср. невозможность конструкций *дом построился лучшим архитектором, поезд остановился стрелочником* и т.п.)» [Виноградов, 1938: 487].

Наиболее заметные **различия** проявляются в следующем:

1. В русском языке все сочетания переходных глаголов с возвратным местоимением, имеющим собственное склонение, являются свободными. В скандинавских языках, во многом в силу того, что возвратное местоимение представлено одной неизменяемой формой, раздельнооформленные образования с ним могут иметь в качестве соответствий как структурно и семантически сходные с ними русские возвратные конструкции, так и возвратные глаголы на *-ся / -сь*. В то же время целый ряд возвратных глаголов имеет в качестве соответствий в скандинавских языках депонентные глаголы и / или формы с медиальной и инактивно-пассивной семантикой. Таким образом, **системы глагольных единиц с цельно- и раздельнооформленными возвратными показателями в скандинавских языках и в русском структурированы по-разному**. «В русской возвратной форме слились все те значения, которые в других языках образуют разные залогов» [Пешковский, 2001: 136].

2. Сопоставляя лексический и грамматический потенциал скандинавских глаголов и форм с возвратным показателем и русских глаголов на *-ся*, можно сказать, что **в русском языке** у них имеются значительно **более широкие словообразовательные потенции** (что тесно связано с выражением вида, в том числе различными приставками) и в то же время значительно **более тонкая «нюансировка» значений**. «Тот пучок семантических проблем, который втиснут в категорию залога, имеет для лексикологии едва ли не большее значение, чем для грамматики. Ведь система глагольных значений, связанных с морфемой *-ся*, лишь частично покоится на «субъектных» или «объектных» отношениях действия. С ней органически срослись и видовые модификации действия, а в связи с этим — изменения и переходы лексических значений глаголов» [Виноградов, 1938: 486].

В скандинавских языках, напротив, система глагольных единиц с агглютинативными возвратными показателями в значительно большей степени ориентирована на словоизменительную морфологию и, следовательно, имеет большую структурированность. Это проявляется и в заметном «давлении системы», когда даже депонентные глаголы, не имеющие переходных аналогов, в отдельных случаях могут выступать с инактивно-медиальной, близкой пассиву семантикой.

3. Большая структурированность системы **в скандинавских языках** связана с тем, что **залоговые формы с возвратным показателем, выражающие широкий спектр инактивно-пассивных значений, занимают центральное место**, в то время как **в русском языке формы на *-ся* со страдательным значением относятся к крайней периферии**, что, в свою очередь, **связано с неустойчивым статусом категории залога в русском языке**. Ср., например, высказывания отечественных языковедов: «Категория залога занимает в некоторых отношениях совершенно исключительное положение в русской грамматической системе» [Пешковский, 2001: 128]; «Сама категория залога в системе современного языка обнаруживает свою “смешанную” природу... Морфологическая соотносительность между формами страдательного и действительного (переходно-активного) залога частично разрушена, полустерта. ...Приходится говорить не столько о соотносительных залогах глагола, сколько о синтаксически соотносительных активных и пассивных оборотах для выражения однородных лексических значений. А эта синтаксическая проблема находится уже на периферии собственно морфологической системы залоговых различий глагола. Боком она внедряется также в сферу функционирования глагольных форм на *-ся* со страдательным значением» [Виноградов, 1938: 487].

Следует подчеркнуть, что переводными эквивалентами германских, в том числе и скандинавских форм и конструкций со значением пассива действия в русском языке чаще всего являются не глаголы с возвратным показателем и не конструкции с пассивными причастиями, а неопреде-

ленно-личные предложения с активным предикатом в 3 лице множественного числа. Они часто используются, например, при переводе шведских форм синтетического пассива в страдательном значении, особенно в повествовании о прошлом: швед. *En viss person mördades tio minuter i tolv* (S. Trenter). «Одного человека *убили* без десяти двенадцать»; *På 1700-talet talades franska vid hovet* [Engdahl, 2000: 81]. «В XVIII веке при дворе *говорили* по-французски». Ср. также перевод с русского языка на шведский и датский небольшой выдержки из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: рояль *закрыли* на ключ — швед. *pianot låstes*; дат. *klaveret blev låst af*. (Приведенные здесь и выше примеры любезно предоставил преподаватель датского языка на кафедре германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ доктор Карл-Хенрик Лунд.)

4. Более широкое участие скандинавских форм с возвратным показателем в выражении инактивно-пассивных залоговых значений связано с неоднократно отмечавшейся в научной литературе продуктивностью пассивной диатезы в германских языках, по сравнению с русским. Это обусловлено её использованием для выражения актуального членения высказываний [Бондарко, Буланин, 1967; Плоткин, 1989; Зеленецкий, 2004: 162–163]; в рамках типологии выявлена корреляция между степенью связанности порядка слов и продуктивностью пассивной диатезы. На основании этого залог осмысливается сторонниками такой, несомненно, справедливой точки зрения «как сугубо интерпретационная категория, не столько представляющая отношения между действием и его участниками (традиционное понимание), сколько расставляющая коммуникативные акценты в определенном высказывании» [Зеленецкий, 2004: 163]. Однако широкая употребительность синтетического и аналитического способов выражения пассивной диатезы в скандинавских языках, различающихся залоговой, видовой и прагматической семантикой, позволяет говорить о том, что, наряду с синтаксической функцией выражения коммуникативной перспективы, они имеют собственное грамматическое значение, предопределяющее существенные прагмасемантические различия.

В то же время типологическое сходство скандинавских языков с русским, при всех внутрисистемных различиях, на наш взгляд, также говорит в пользу, а не против этого. Ведь и в русском языке, несмотря на отсутствие фиксированного словопорядка, активная и пассивная диатезы используются для изменения коммуникативной перспективы высказывания. Подтверждением этому является отсутствие прямой «взаимотрансформируемости» [Зеленецкий, 2004: 161] между активом и пассивом при идентичном лексическом составе, а также такая важная для пассива семантическая функция, как устранение агенса. В связи с этим стоит привести наблюдение А.М. Пешковского о том, что в случае страдательного значения в возвратных формах русского глагола при выраже-

нии агенса творительным падежом «значение действующего лица здесь, конечно, гораздо бледнее, чем при активе» [Пешковский, 2001: 132].

В системе именных категорий типологически близкой синтетическому залогу, по-видимому, является также относительно новая категория определенности / неопределенности существительного, которая в скандинавском ареале выражается посредством агглютинативных показателей, образованных из местоименных энклитик (или их отсутствием). Выражая коммуникативную направленность, прямо связанную с актуальным членением высказываний, а следовательно, с их синтаксической структурой, определенная и неопределенная формы существительных имеют собственную грамматическую и прагматическую семантику выделения известного как субъекту речи, так и адресату референта (тот самый) или, напротив, причисления его к множеству подобных (один из). Показательно, что определенная форма существительных с местоименными энклитиками сложилась в общескандинавский период, в то же время, когда появились глагольные единицы с агглютинативными возвратными показателями.

Субъективная и объективная интерпретация событий в скандинавских языках и вид русского глагола

Анализируя на различном материале семантику грамматических категорий, языковеды обращали внимание на различия между субъективным и объективным представлением картины мира, обусловленные антропоцентрическим устройством языковых систем. Об этом свидетельствуют многие исследования:

- описание греческого вида Э. Германом, который выявил обусловленное восприятием говорящего субъективное различие между имперфектом и аористом и, напротив, объективное отличие их от перфекта, основанное на лежащих вне говорящего фактах [Герман, 1962: 44–46];
- интерпретация семантики и употребления временных форм французского глагола в «плане речи» и в «плане истории», предложенная Э. Бенвенистом [Бенвенист, 1974: 272] и использованная исследователями скандинавских языков на датском материале [Локштанова, 1986];
- различное представление прошлого формами перфекта (в сообщении) и претерита (в повествовании) в немецком языке — *besprochene / erzählte Welt* [Weinrich, 1964];
- дихотомия данного в опыте (эмпирического) и исторического в работах Дж. Лайонза о видо-временной семантике форм английского глагола с точки зрения эпистемической модальности [Lyons, 1977: 810–820; 1982: 117].

На русском материале Ю.Д. Апресян блестяще показал, что «языковые категории релятивизированы взглядом говорящего на мир» [Апресян, 1995: 638]. В его работах представлены тончайшие нюансы прагматических различий при использовании одних средств для выражения сопричастности говорящего и / или приобщения слушающего к личной сфере говорящего, а других — для исключения из неё, т.е. объективации путем отчуждения [Апресян, 1995: 145, 636, 646–648].

Как отмечала автор «Функциональной грамматики шведского языка» М. Буландер, выбор грамматической формы с темпоральной семантикой во многих случаях основан не на логике движения времени, а на его восприятии говорящим [Bolander, 2004: 122]. Анализ скандинавских языков свидетельствует о том, что употребление функционально близких, но не тождественных как в плане выражения, так и в плане содержания языковых средств, используемых для передачи значений прошлого и будущего, а также пассивного залога, обусловлено различиями

между субъективной и объективной интерпретацией, осуществляемой говорящим; см. подробнее [Чекалина, 2003; 2004; 2006].

Известно, что в сообщении о прошлом говорящим на скандинавских языках всегда необходимо делать выбор между формами претерита и перфекта. Претерит используется особенно часто при указании на локализацию прошлого в определенном времени и пространстве, а тем самым и на его разобщенность с настоящим; прошлое предстает, таким образом, как безвозвратно ушедшее, прошедшее, дистанцированное от «здесь» и «теперь» говорящего, как то, что было и прошло. Напротив, перфектом подчеркивается актуальность предшествующего для настоящего, их преемственность и неразрывность; подробный анализ употреблений претерита и перфекта как в специализированных, так и в идентичных контекстах см. в [Чекалина, 1996]. Важной в контексте обсуждаемой проблемы представляется характеристика обеих форм в шведской грамматике У. Турелля: «Претерит возвращает нас к тому времени, когда происходило действие или имело место состояние, и позволяет нам таким образом вновь пережить прошлое. **Претерит является** повествовательным («**объективным**»): событие представляется им как звено во временной цепи... **Перфект** не является повествовательным, он **субъективен** и извлекает происшедшее из прошлого (как отдельно взятое событие). Событие соотносится с настоящим и включается во временной отрезок, который еще не завершился [Thorell, 1973: 124–125] (здесь и далее при цитировании выделено мною; перевод цитат и примеров мой. — Е. Ч.).

Особенно показательное употребление обеих форм в идентичных контекстах при указании на хронологию прошлых событий, специально отмеченное в Шведской Академической грамматике, опубликованной на рубеже XX и XXI веков (здесь и далее при цитировании — SAG):

Jag har tagit / tog examen år 1977, så jag har fortfarande en examen av gammal typ — «Я сдал / сдавал экзамен в 1977 году, так что у меня диплом старого образца»; *Otto har haft / hade* semester vecka 37 — «Отто взял / брал отпуск на неделю 37»; *Finns det någon här som har varit / var* i Tjeckoslovakien 1968 och kan berätta om den berömda Pragsvåren? — «Есть ли среди нас кто-нибудь, кто *побывал / был* в Чехословакии в 1968 году и может рассказать о знаменитой Пражской весне?»; *Vilka har tenterat / tenderade* före jul? — «Кто сдал / сдавал экзамен до рождества?»; *Perenner har jag planterat / planterade* redan i april — «Многолетники я *посадила / сажала* уже в апреле» [SAG, 4: 239].

Прагмасемантический контраст между перфектом и претеритом — формами субъективно-актуального и объективно-дистанцированного прошлого — ярко проявляется в диалогической речи при разграничении

позиций коммуникантов, по-разному относящихся к одному и тому же событию прошлого:

— Jag *har inte skrivit* något brev! — Men jag *fick* det! — Jag *har inte skrivit* till dig. Det skulle aldrig fallit mig in att skriva till dig. — Det *föll* dig in (S. Arnér) «— Я не писал тебе никакого письма! — Но я получал его! — Я не писал тебе. Мне никогда бы не пришло в голову писать тебе. — Однако же пришло»;

— Du *har ju erkänt* det. — Ja, jag *erkände*. Däraktigt nog. Ingenting har jag ångrat som det (V. Moberg) «— Ты ведь признался в этом. — Да, признался. Глупо, однако же. Ни в чем я так сильно не раскаивался, как в этом»;

— *Hände* något? — Kanske, sa modern och log i mörkret. Kanske det *hände*¹ något (L. Ahlin) «— Что-то случилось? — Возможно, сказала мать, улынувшись в темноте. Возможно, что-то произошло»;

— Och nu går Borkas ormyngel omkring på Mattisborgens tak? Och du, Ronja, *har talat* med honom? — Han *talade* med mig, sa Ronja (A. Lindgren) «— А теперь змееныш из логова Борки лазает по крыше замка Маттиса? И ты, Роня, говорила с ним? — Он говорил со мной».

Возможность разграничения точек зрения коммуникантов контрастным употреблением форм перфекта и претерита в датском языке была отмечена Х. Вивелем: — Det *har da været* en slem tand. — Ja, det *var* en slem tand «— Это *был* плохой зуб (говорит врач, рассматривая вырванный у пациента зуб). — Да, зуб *был* плохой зуб» (отвечает только что лишившийся зуба пациент); цитируется по [Локштанова, 1986: 113].

О. Глиман также рассматривал идентичные высказывания с претеритом и перфектом на датском языке: Jag *var* / *har været* ude i haven da du ringede — «Я был в саду, когда ты звонил / позвонил». В первом случае говорящий информирует адресата, почему он не успел взять трубку, хотя слышал звонок, то есть рассказывает о том, **что было** с ним **тогда**, а во втором случае он сообщает **теперь** о том, что не слышал звонка, поскольку был в саду [Glismann, 1986: 249]. Таким образом, высказывание с формой претерита содержит констатацию факта, который имел место в прошлом, а высказывание с формой перфекта соотносит не утратившее своей актуальности событие, имевшее место в прошлом, с настоящим говорящего.

¹ По правилу шведской грамматики после модального наречия *kanske*, которое восходит к словосочетанию модального глагола с инфинитивом *kan ske* «может случиться, произойти» (ср. русское *может быть, может стать*), возможно факультативное опущение вспомогательного глагола *ha* в перфекте.

В скандинавских языках возможно также употребление форм перфекта в претеритальном контексте при гипотетической реконструкции событий прошлого, основанной на косвенных данных — документальных источниках или свидетельствах очевидцев. Особенности такого употребления, которое определяется в скандинавской грамматической литературе как «исторический», или «модальный» перфект, Э. Хауген объясняет выражением эпистемической модальности «умозаключения»². Примеры такого употребления встречаются, в частности, в описании предполагаемого похода викингов в Англию из широко известного исследования шведского филолога Отто фон Фрисена о скандинавских рунических надписях: *Av Orkestastenen framgår att Ulv tagit³ del i tre krigståg till England... Ulv har sålunda vid flera olika tillfällen... vistats i England och där... blivit anhängare av kristendomen. Hemkommen till andra uppsvear... har han verkat för sin tro och låtit denna komma till synes i ristningar som han utfört* (O. von Friesen. Runorna); цит. по [Kinnander, 1973: 141] — «Из надписи на камне из Оркесты видно, что Ульф *принял* участие в трех походах в Англию... Таким образом, Ульф несколько раз... *побывал* там... и *стал* ярым поборником христианства. Возвратившись домой с другими свеями... он *отстаивал* свою веру и *отразил* это в рунических надписях».

Как отмечал шведский исследователь Б. Киннандер в статье, посвященной этому феномену, при употреблении «исторического», или «модального» перфекта говорящий интерпретирует события прошлого, свидетелем которых он не был, сквозь призму собственного представления о них, содержащего субъективную оценку: «Оценка исходит из настоящего говорящего; современный взгляд на ситуацию опирается на сведения, допускаю, предполагаю и т.д., что некое событие прошлого, которое (возможно, согласно некоторым данным и т.д.) происходило так или иначе, вероятно, произошло так» [Kinnander, 1973: 130–131]. В то же время повествовательный претерит в контекстах такого характера прямо констатирует события прошлого как факты.

При передаче будущего в скандинавских языках одинаково широко используются футуральный презенс и описательные средства с различной степенью грамматизации. Так, в шведском языке функционально коррелятивной грамматическим формам презенса, претерита и перфекта

² «In each of these sentences there is an underlying I infer (or I believe, I think), representing an intrusion of the author's personality into his narrative... It is especially popular in historical writings, when authors wish to express their closeness to the subject of their narration... I would suggest that the motivation was rather a wish to distinguish between fact and inference» [Haugen 1972: 137–138].

³ Здесь и далее в том же примере по правилу шведской грамматики наблюдается опущение вспомогательного глагола в форме перфекта в составе придаточного предложения.

является аналитическая конструкция с прогностическим значением *kommer att* + инфинитив; передаваемый ею объективированный прогноз интерпретируется говорящим как внешняя для него реальность: *Pengar och ting är mig likgiltiga, har alltid varit och kommer alltid att vara så* (I. Bergman) — «Я равнодушен к деньгам и вещам, всегда был и останусь таким»; *Någon befäller mig att stiga ut och följa dem. Lyder, känner ingen fruktan, kommer inte att känna, kände inte* (W. Aspenström) — «Кто-то приказывает мне встать и следовать за ними. Не чувствую страха, не буду чувствовать и не чувствовал прежде».

Широко употребительный в скандинавских языках футуральный презенс, напротив, является средством выражения актуального будущего как внутренней реальности субъекта речи. Наиболее типичные для него контексты — грамматический субъект в 1 и 2 лице, употребление дейктических слов и отнесенность к ближайшему или достаточно близкому будущему: *Vi hittar den, det vet jag* — «Мы найдем это, я знаю»; *Jag tror att jag sätter den i köket* — «Я думаю, что повешу это в кухне»; *Snart sitter du också bakom ett sådant här skrivbord* — «Скоро и ты будешь сидеть за таким письменным столом»; *Du får dem när jag är hemma igen* — «Ты получишь их, когда я снова буду дома» [SAG, 4: 219]; *Jag åker tillbaka till Sverige i morgon. Jag ringer i morgon bitti* — «Я возвращаюсь в Швецию завтра. Я позвоню завтра утром» (M. Sjöwall, P. Wahlöö) [Чекалина, 2008: 276].

При подлежащем в третьем лице указание на актуальность будущего для говорящего может эксплицитоваться модальным наречием с эпистемической семантикой: *Om ett par decennier bor det säkert en miljon människor i den här regionen* — «Через 20–30 в этом регионе определено будет миллион жителей» [SAG, 4: 219]; *Ja, mumlade Markel, i morgon står artikeln i vart fall inte. Det har jag dragit omsorg om* (Hj. Söderberg) — Да, пробормотал Маркель, завтра статья не выйдет в любом случае. Об этом я позаботился [Чекалина, 2008: 276].

Близкая предлагаемой здесь трактовка различий в интерпретации будущего формами презенса и описательными конструкциями содержится в работах шведских авторов. Так, У. Турелль отмечает, что при употреблении аналитической конструкции *bli* + причастие 2 «событие наблюдается извне», в то время как при выборе футурального презенса «процесс рассматривается изнутри» [Thorell, 1973: 127]. Объясняя различия в прагматической семантике различных способов выражения будущего, другой шведский лингвист Туре Петтерссон пишет: «Когда мой врач говорит мне: *Ni dör före jul* — Вы умрете до Рождества, он сам несет ответственность за это предсказание. Когда же он говорит: *Ni kommer att dö före jul*, то прогнозирует ситуацию, исходя из объективных данных (истории болезни и т.п.)» [Pettersson, 1976: 160]⁴.

⁴ Близкие смысловые различия выделяет на английском материале Р. Лакофф, отмечая, что высказывание *John will die tomorrow at 9 a.m.* может принад-

В работе о семантике различных способов выражения будущего в шведском языке датская исследовательница Л. Кристенсен прямо указывает на дистанцированность пропозиции в высказываниях с *kommer att* и инфинитивом: «Предложение *Jag kommer att öppna dörren* — «Я открою дверь» прекрасно подходит как высказывание о будущем в ситуации, когда говорящий стоит за дверью, а слушающий находится в помещении. Здесь по сути дела имеется четкая граница между ситуацией в настоящем и ситуацией в будущем, а высказывание с глаголом *komma* содержит имплицитное указание на то, что будущая ситуация предполагает явное изменение существующей ситуации (например, говорящий выбьет дверь силой) или что будущая ситуация будет иметь заметные последствия для ее участников. **Комма указывает на разрыв между настоящим и будущим... Высказывания о будущем с *komma* дистанцированы от субъекта речи**» [Christensen, 1997: 201–202]. Это наблюдение подтверждается примерами употребления конструкции *kommer att* + инфинитив в экспрессивно окрашенных высказываниях, например, содержащих угрозу: *Jag knöt händerna: — Jag kommer att tvinga dig* (Т. Giron) — «Я сжал кулаки: — Я заставлю тебя»; см. также [Tjekalina, 1991; Чекалина, 1996; Tchekalina, 1997].

Датские грамматисты также отмечают, что презенс может обозначать будущее в ситуациях, предполагающих сопричастность говорящего и / или его адресата к тому, что произойдет: *Til den tid er vi så 90 år gamle, hvis vi da lever* — «Тогда нам будет 90 лет, если мы доживем»; *Tror du snart du bliver færdig?* — «Ты думаешь, что скоро закончишь?»; *Er du hjemme når jeg kommer?* — «Ты будешь дома, когда я приду?»; *Jeg kommer om et øjeblik* — «Я приду сию минуту»; *Vi betaler straks ved ankomsten, på ære!* — «Мы расплатимся сразу же по приезде, честное слово!» [Hansen, Heltoft, 1999: 217–218].

Сходные прагматические различия наблюдаются в скандинавских языках и между синтетическим и аналитическим способами выражения пассивного залога — агглютинативной формой с возвратным показателем *-s* и перифрастической конструкцией с глаголом *становиться* и причастием 2. Пассив на *-s* используется, когда субъект речи дистанцируется от содержания пропозиции как «внешней» для него реальности; аналитический пассив, напротив, содержит указание на актуальность содержания высказывания для говорящего. У. Турель определяет семан-

лежать врачу, который бессилен помочь Джону, а *John dies tomorrow at 9 a.m.* — палачу, от которого зависит исполнение приговора. Аналитический футурум в главной части сложноподчиненного предложения *If John eats any more of that fugu fish, he will die* содержит предостережение, не предполагающее вмешательство говорящего (the speaker has nothing to do with it). Напротив, при употреблении футурального презенса в аналогичном контексте *If John eats any more of that fugu fish, hi dies* содержится указание на то, что предостережение исходит от говорящего и, следовательно, актуально для него [Lakoff 1970: 846].

тику шведских форм пассива на *-s* как объективно-абстрактную, в противоположность субъективно-конкретному значению конструкции с *bli* [Thorell, 1973: 135]. Особенно заметно проявляются различия в установке говорящего при их параллельном употреблении в диалогической речи: «En viss person *mördades* tio minuter i tolv». Hon blev så tyst att jag hörde sorlet omkring oss. «Så ruskigt! *Blev han mördad?*» — «Один человек *был убит* без десяти двенадцать». Она замерла, так что стал слышен окружающий нас гул тишины. «Какой ужас! Его *убили?*» (S. Trenter). В первом высказывании содержится объективная констатация самого факта убийства; дистанцированность и отчуждение субъекта речи эксплицированы неопределенным местоимением *viss* в группе подлежащего, при том что обоим участникам диалога известно, о ком идет речь. Экспрессивно насыщенная реплика второго коммуниканта явно указывает на актуальность случившегося для говорящего.

В связи с обсуждаемой проблемой интересными представляются примеры параллельного употребления пассива на *-s* и прогностической конструкции *kommer att* + *инфинитив* в одном и том же высказывании при констатации объективного положения дел, которые приводит автор статьи о тема-рематической структуре предложений с пассивной диатезой: I framtiden *kan* antagligen nutidens arbetsansökningar *glömmas*, vi *kommer att söka* arbete genom att visa upp vår genupsättning — «В будущем про нынешние заявления о приеме на работу, вероятно, можно будет забыть, мы будем вместо того предъявлять свой геном»; Som redan (*har*) *nämnts*, *kommer* en ny lag *att införas* — «Как уже упоминалось, будет принят новый закон» [Neuvonen, 1998: 278]. Показательно, что во втором случае инфинитив с показателем *-s* непосредственно «интегрирован» в структуру футуральной аналитической конструкции.

Аналогичным образом трактуется прагматическая семантика синтетического и аналитического пассива и в датском языке, о чем свидетельствуют следующие примеры из проспекта новой датской грамматики: I Kina *serveredes* maden tidligere aldrig med andet end vand — «В Китае раньше никогда не *подавали* к еде ничего, кроме воды»; Så fik vi en overraskelse: fisken *blev* sgu *serveret* (**serveredes*) med rødvin. Siden har vi fået at vide at fisk i virkeligheden ofte *serveres* sådan i Frankrig — «Мы были сильно удивлены: надо же, к рыбе *подали* красное вино. Потом мы узнали, что это часто делают во Франции» [Hansen, Heltoft, 1999: 44].

Датский лингвист П. Дурст-Андерсен также рассматривает различия между аналитическим и синтетическим пассивом в прагматическом аспекте с учетом точки зрения говорящего. Он отмечает, что употребление *blive* с причастием 2 предполагает прямое восприятие описываемой ситуации говорящим: Der *bliver talt* dansk i Sverige — «(Я сам слышал, как) в Швеции говорят по-датски» (заключение, основанное на личном опыте говорящего). В противоположность этому, пассивом на *-s* эксплицируется косвенное восприятие ситуации: Der *tales* dansk i

Sverige — «(Я знаю, что) в Швеции говорят по-датски» (констатация общеизвестного факта). Обусловленность выбора между аналитическим и синтетическим пассивом установкой говорящего на субъективную или объективную интерпретацию особенно заметна в сложном сказуемом с модальными глаголами и инфинитивом. Так, при синтетической форме датский глагол *må* выступает со значением деонтической модальности, предопределенной знанием говорящего о фактическом положении дел: *Han må fyres* — «(Я знаю, что) его придется уволить». При замене на аналитический пассив *må* получает значение эпистемической модальности и передает предположение говорящего: *Han må blive fyret* — «Вероятно, его уволят» [Дурст-Андерсен, 1995: 41].

Еще в начале прошлого столетия в статье, опубликованной в шведском журнале «Språk och stil», Э. Бьёрнстрём отмечала, что высказывания с одним и тем же модальным глаголом внешнего долженствования *skall* имеют различное прагматическое содержание, в зависимости от способа выражения пассивного значения в инфинитиве. В высказывании с аналитическим пассивом: *Paketet skall bli hemskickadt* содержится **обещание** продавца — «Пакет будет доставлен на дом», в то время как в высказывании с формой пассива на *-s*: *Det skall skickas till Greftevegatan 58* передается **просьба** покупателя — «Его надо доставить по адресу улица Г., 58» [Вьёрнстрём, 1904: 15]⁵.

Аналогичное различие между субъективно-конкретным значением аналитического пассива с *bli* и объективно-абстрактным значением пассива на *-s* отмечается также в грамматике У. Турелля, где приведены два высказывания с тем же модальным глаголом, которые, в зависимости от выбора средства передачи пассивного действия, получают различную прагматическую интерпретацию: *Den här cykeln ska göras ren* — Этот велосипед **надо вымыть** — содержит **просьбу** заказчика, от которого не зависит её выполнение; *Cykeln ska bli ordentligt rengjord* — «Велосипед будет вымыт как следует», напротив, передает **обещание** исполнителя заказа, которое предполагает гарантированность, исходящую от субъекта речи [Thorell, 1973: 135].

Датские исследователи Л. Хельтофт и Л. Фальстер Якобсен трактуют различия в семантике аналитического и синтетического пассива в терминах наклонения, прагматическая сущность которого определяется ими как точка зрения говорящего (point of view). Формой пассива на *-s* маркируется дистанцированность говорящего относительно содержания пропозиции (a distance between speaker and propositional content), в то время как при употреблении аналитической конструкции передается его субъективная точка зрения на описываемую ситуацию (only the speaker's perspective is involved). Таким образом, аналитический пассив с *blive* рас-

⁵ Примеры приведены в орфографии автора, которая использовалась до реформы 1906 г.

считается как субъективное наклонение, устанавливаемое говорящим (anchored solely in the speaker), а синтетический пассив на -s — как объективное наклонение, ориентированное на содержание пропозиции (propositionally anchored mood) [Heltoft, Falster Jakobsen, 1995: 14–15].

Мысль о выражении близкой прагмасемантической корреляции формами совершенного и несовершенного вида русского глагола (далее СВ и НСВ) появилась у автора задолго до подробного знакомства с работами по славянской аспектологии. Этому способствовала скорее языковая практика, чем лингвистическая теория, поскольку для того, чтобы показать при переводе семантический контраст между скандинавскими формами претерита и перфекта, аналитического будущего и футурального презенса, синтетического и аналитического пассива иногда удавалось использовать видовые формы русского глагола; см., например, приведенные выше переводы примеров из Шведской Академической грамматики с формами претерита и перфекта в идентичных контекстах.

Тот факт, что существует некоторый параллелизм между дихотомией претерит / перфект в германских языках и НСВ / СВ в русском языке, сам по себе, видимо, не случаен. Ведь именно «в прошедшем времени совершенного вида “перфективное” значение, указывающее на связь с настоящим, на наличие результата в настоящем, ... преобладает над аористическим значением констатирования факта в прошлом. ... Даже в таких предложениях, как “Пушкин родился в 1799 г.”, с грамматической точки зрения результат прошедшего действия мыслится пребывающим донныне» [Виноградов, 1938: 439].

Идея о том, что формами СВ и НСВ русского глагола выражается различная установка говорящего, не раз высказывалась аспектологами; см., например, работы С.О. Карцевского, В.В. Виноградова, Ю.С. Маслова, А.В. Исаченко, Й. Крекича, Т.В. Булыгиной, Ю.Д. Апресяна, В.В. Иваницкого, В.С. Храковского, О.П. Рассудовой, М.Я. Гловинской в списке литературы. При семасиологическом исследовании аспектуальности в языках различных типов В.В. Иваницкий обращал внимание на прагматический аспект при употреблении форм русского вида и определял СВ как субъективный, а НСВ как объективный вид: «Прагматический аспект совершенного вида, формирующийся в рамках определенности, имеет опору не в реальной действительности, а связан с восприятием говорящего этой действительности. Благодаря этому действие, выраженное совершенным видом, носит целенаправленный, преднамеренный характер. Что же касается несовершенного вида, то его семантика и прагматика обычно определяются объективными факторами, ситуацией. В связи с этим **совершенный** вид можно классифицировать как **субъективный вид**, а **несовершенный** — как **объективный вид**» [Иваницкий, 1993: 21–22].

О прагматике высказываний с формами прошедшего времени СВ и НСВ писал Ю.Д. Апресян: «Естественный язык располагает средствами

исключения объектов из личной сферы говорящего. К их числу относятся, например, использование форм прошедшего времени несовершенного вида для характеристики любых, в том числе и одновременных с актом речи, действий и свойств. ...Можно сказать *Володя любил гулять в Летнем саду*, даже если Володя жив и если у говорящего нет оснований сомневаться, что Володя и сейчас сохраняет эту привычку. Мотивацией такого употребления формы прошедшего времени является тот факт, что X выбыл из личной сферы говорящего. ...Той же цели служит переход на *Вы*, а также обозначение третьего собеседника с помощью местоимений ОН или ОНА вместо и мени» [Апресян, 1995: 646–647]. Различия между высказываниями *Я прочитал / читал «Войну и мир» в раннем детстве* «состоят не в разной степени удаленности прошлого события от момента речи, а в том, как говорящий воспринимает время этого события. В случае совершенного вида он мыслит время события как образующее единое целое со своим временем, тем временем, в котором он мыслит себя. Одним из следствий этого обстоятельства является эффект сохранения результата действия в настоящем. В случае несовершенного общефактического (*Он читал этот роман, Он уже ходил за хлебом, Кто открывал окно?*) говорящий мыслит время события как отличное от того времени, в котором в момент речи он мыслит себя. Этим объясняется эффект давно прошедшего, свойственный общефактическому значению» [Апресян, 1995: 637–638].

На прагматические различия в представлении результата действия формами СВ и НСВ обращала внимание и М.Я. Гловинская. Она отмечала, что вопрос *Где вы покупали апельсины?* при обращении к незнакомому человеку на улице вполне уместен, в то время как *Где вы купили апельсины?* в той же ситуации прозвучал бы слишком резко. «Форма общефактического НСВ воспринимается как более вежливая, потому что в ней, в отличие от СВ, внимание не фиксируется на наличии результата (чужих апельсинах), что было бы проявлением неуместного любопытства» [Гловинская, 2001: 180]. Действительно, вопрос с использованием НСВ задается говорящим по-русски как бы «издалека» и потому звучит и воспринимается адресатом как более вежливый, в то время как при СВ он ставится слишком прямо, что называется «в лоб».

Та же прагматическая корреляция наблюдается и при сопоставлении высказываний с СВ / НСВ для обозначения будущего. С.О. Карцевский и В.В. Виноградов писали о том, что описательные формы НСВ «указывают на действие, развивающееся в плане будущего, всецело отделенного от плана настоящего» [Karcevski, 1927], цит. по [Исаченко, 1960: 444]. Они обозначают «течение действия в плане будущего в отрешенности от настоящего» [Виноградов, 1938: 443]; напротив, формы СВ передают события, которые не дистанцированы от момента речи. Однако различия между будущим СВ и НСВ проявляются не только в видо-временной семантике, но и в неразрывно связанной с ней прагматике.

При сопоставлении высказываний *Я узнаю / буду узнавать об этом завтра; Я поговорю / буду говорить об этом с деканом; Я позвоню / буду звонить им на этой неделе* отчетливо видна корреляция сопричастности говорящего тому, что произойдет в будущем, при СВ и, напротив, отчуждения, предполагающего дистанцию между настоящим говорящего и будущим, при НСВ, даже если субъектом действия выступает субъект речи.

Все сказанное, разумеется, не означает, что прагматическая семантика форм русского вида идентична дихотомии субъективной и объективной интерпретации событий различными средствами выражения временных и залоговых значений в скандинавских языках. Механизмы семантизации в каждом языке имеют свои специфические особенности; поэтому их отражение при переводе с одного языка на другой возможно далеко не всегда и далеко не в полной мере. Тем не менее наличие типологически сходных прагматических констант обусловлено антропоцентричностью — глубинным свойством человеческого языка, который существует для преобразования субъективного в объективное.

**Предельность / неопредельность
и грамматические средства
выражения аспектуальности в языке
с категорией вида и без неё
(на материале русского и шведского языков)**

I.

В языках различных типов значительная роль в выражении аспектуальности принадлежит категории предельности / неопредельности, которая часто относится к лингвистическим универсалиям [Маслов, 2004; Реферовская, 1984; Холодович, 1963]. Эта «видообразная категория, как бы стоящая на пороге грамматики» [Маслов, 2004: 261], является семантическим ключом к пониманию аспектуальных различий между языками с категорией вида и без нее и служит основанием для их сопоставления; см., например: [Иваницкий, 1982: 1993]. Содержание этой категории обусловлено лексической семантикой глаголов, связанной с особенностями протекания процессов, которые либо вызывают переход в новое состояние, с достижением которого действие исчерпывает себя и естественным образом прекращается, либо не содержат указания на наличие предпосылок своего прекращения и достижение внутреннего предела [Маслов, 2004: 398]. Различия между предельными и неопредельными глаголами, которые «скрыты, запряты в их лексическом значении и как бы подчинены ему» [Маслов, 2004: 29], проявляются в их функционировании и в каждом конкретном языке имеют свои особенности.

В русском и других славянских языках значения предельности / неопредельности «скрыты под покровом» противопоставления совершенного и несовершенного вида, ведущими смысловыми признаками которого являются достигнутость / недостижимость внутреннего предела действия [Маслов, 2004: 332, 406]. Видовая оппозиция в целом базируется на значении предельности, которое присуще всем формам совершенного вида [Бондарко, 1996: 129]; глаголы с предельной основой представлены с наибольшей регулярностью в СВ и НСВ, и от данных глаголов образована основная масса видовых пар [Петрухина, 1988: 90]. В то же время «неопредельность на славянской почве есть невозможность для данного глагола функционировать в совершенном виде» [Маслов, 2004: 421]. Таким образом, глаголы НСВ могут быть как неопредельными (сюда относятся не только *imperfectiva tantum*, но и члены словообразовательных видовых пар), так и потенциально предельными, когда они входят в видовые пары с СВ. При этом «между процес-

сом, связанным с потенциальным пределом, и неопредельным процессом в русском языке нет четких формальных различий, в связи с чем и семантическое различие может быть размытым» [Бондарко, 1986: 20–23]. Для сопоставительного анализа, на котором основано предлагаемое в статье описание, это тонкое наблюдение представляется особенно важным.

В языках, не имеющих грамматической категории вида, противопоставление предельности / неопредельности реализуется не только в лексическом значении разных глаголов, но и в разных значениях и / или лексико-семантических вариантах одного и того же глагола, который в таком случае имеет двойственный видовой характер; в языке без вида таких глаголов должно быть достаточно много. Это позволяет авторам сопоставительных исследований на славянском и скандинавском материале считать, что выражение типологически подобных русским видовым формам аспектуальных значений осуществляется комплексом разноразрядных средств, в котором центральное место принадлежит лексико-грамматической категории предельности / неопредельности [Иваницкий, 1982].

В шведской грамматической традиции изучения этой категории, о которой подробно писал еще в начале прошлого века выдающийся языковед А. Нурен [Noreen, 1904: 647–648], принята иная терминология: предельные глаголы называются терминативными, а неопредельные — курсивными: Терминативные глаголы выражают тот факт, что нечто происходит и, так сказать, является событием, т.е. вносит какой-то вклад, который в той или иной мере меняет характер сущего введением в него нового момента, так что можно сказать, что, происходя, что-то происходит, т.е. становится действительностью (осуществляется, реализуется) в процессе своего протекания. Поэтому можно также сказать, что терминативный вид указывает на наличие какого-то решающего поворотного пункта, какого-то перехода от чего-то к чему-то. Все это является противоположностью курсивному виду (от лат. *cursus* 'ход, течение, продолжение') [Нурен, 1962: 337–338]¹.

II.

Видовой характер глаголов по линии предельности / неопредельности проявляется в шведском языке в грамматических значениях временных (презент и претерит), видо-временных (аналитические формы перфекта) и залоговых форм и конструкций (пассив на $-s^2$ и аналитические конструкции с пассивным причастием переходных глаголов). А. Нурен

¹ См. ту же терминологию в приводимой ниже цитате из работы Х. Мелига [Мелиг, 1985].

² Это форма с агглютинативным показателем возвратного происхождения, типологически подобная русским глаголам с частицей *-ся*.

обратил внимание на особенности грамматического значения и употребления причастий; в отличие от славянских, в германских языках их всего два; по сложившейся у германистов традиции они называются причастием первым и вторым (далее причастие 1 и причастие 2); см. [Гухман, 1957].

Причастия 2 переходных глаголов с пассивным значением имеют различную видо-временную семантику: у предельных глаголов — результат завершённого предшествующего процесса³ (*befriad* ‘освобожденный’); у непереходных глаголов (которых значительно меньше) — результат незавершённого, продолжающегося процесса (*hotad* ‘находящийся под угрозой’). Этим обусловлены различия в видо-временной семантике залоговых конструкций с причастиями. Аналитическая конструкция *bli* ‘становиться / стать’ с причастием 2 переходных предельных глаголов имеет значение пассива действия, одновременного ситуативному моменту: *Han blir befriad* ‘Его освобождают’ (букв.: Он становится освобожденным) или отнесенного к будущему (в футуральном контексте) ‘Его освободят’ (букв.: Он станет освобожденным)⁴; *Han blev befriad* ‘Его освободили’ (тогда) (букв.: Он стал освобожденным).

Конструкция с глаголом *vara* ‘быть’ и тем же причастием имеет перфективно-результативное значение пассива состояния: *Han är befriad* ‘Он (уже) освобожден’ (это уже произошло), *Han var befriad* ‘Он (уже) был освобожден’ (к тому моменту в прошлом). Причастия 2 непереходных глаголов могут употребляться только в конструкции с глаголом *vara* и также имеют значение пассива состояния; однако процесс, вызвавший это состояние, в таком случае не является завершённым: *Han är hotad* ‘Ему угрожают’; *Han var hotad* ‘Ему угрожали’.

А. Нурен отмечал также, что причастия 1 некоторых предельных глаголов с активным значением длящегося процесса, лексическая семантика которых предполагает отнесенность к будущему, могут приобретать футуральное значение, например: *blivande* ‘будущий’ от глагола *bli* ‘становиться / стать’, *kommande* ‘грядущий’ от глагола *komma* ‘приходить / прийти’, *uppstående* ‘предстоящий’ от глагола *uppstå* ‘возникать / возникнуть’. Однако это происходит на уровне словаря, а не грамматики и обусловлено их адъективацией, что видно из перевода.

Обобщая детально рассмотренные А. Нуреном особенности предельных / непереходных глаголов, которые он относил к грамматически ре-

³ Перфективно-результативное значение имеют также причастия 2, образованные от непереходных предельных глаголов (например, *försvunnen* ‘исчезнувший’).

⁴ Это обусловлено футуральным употреблением презенса предельного глагола *bli*; см. [Чекалина, 1996].

левантной для шведского языка категории *aspekt*, Э. Андерссон разделил их на две группы:

- а) видо-временная семантика причастий 2 переходных глаголов и обусловленные ею особенности значения и употребления аналитических пассивных конструкций с глаголами *vara* 'быть' и *bli* 'становиться / стать';
- б) возможность футурального значения не только для некоторых причастий 1, но (что еще более важно) и для презенса предельных глаголов, включая аналитический пассив действия с *bli* и причастием 2 неопределенных глаголов на основе предельной видовой семантики первого компонента: *Han blir älskad* 'Его любят' (букв.: Он станет любимым) [Andersson, 1977: 79–81].

Следует особо отметить, что презенс большинства предельных глаголов в благоприятном контексте может относительно свободно употребляться с футуральным значением (чаще всего ближайшего или достаточно близкого будущего). У неопределенных глаголов это происходит значительно реже и часто является экспрессивно и / или прагматически маркированным; ср., например: *Han kommer snart* 'Он скоро придет' (букв.: Он придет скоро); *Snart sover han* 'Да ведь он скоро будет спать' (букв.: Скоро будет спать он).

Различия между предельными и неопределенными глаголами особенно заметно проявляются в видо-временной семантике аналитических форм перфекта⁵. У перфекта предельных глаголов они чаще всего имеют результативное значение, например: *Leninbiblioteket har stängts på en obestämd tid*. Библиотека Ленина закрылась на неопределенное время'. Одной из важнейших особенностей перфекта неопределенных глаголов является употребление с инклюзивным значением в специализированном контексте с обстоятельствами, указывающими на отнесенность к не ограниченному внешним темпоральным пределом настоящему, например: *De har bott här i snart tio år*. 'Скоро 10 лет как они здесь живут' (букв.: Они здесь живут скоро 10 лет); см. также [Andersson, 1977: 337; Platzack, 1979: 61]. В других типах контекста перфект неопределенных глаголов имеет ретроспективно-результативное значение, например: *Jag har varit överallt utom Sverige*. 'Я был / побывал везде, кроме Швеции.'

В то же время, как отмечалось выше, значительный пласт лексики представлен в шведском языке глаголами двойственного видового характера, которые могут функционировать как предельные или неопределенные, в зависимости от контекстуальных факторов. В этих случаях

⁵ В аналитических формах плюсквамперфекта и перфектного инфинитива на первый план выходит таксисное значение относительного предшествования. Об аспектуальной семантике перфекта в шведском языке см. [Andersson, 1984, 1989; Platzack, 1979]. Контекстуальный анализ шведского материала с использованием результатов этих исследований дан в работе [Чекалина, 1993].

«различие между терминативностью и атерминативностью — это вопрос отнюдь не глагольной семантики, а семантики предложения» [Мелиг, 1985: 238]. Средством реализации предельности / неопределенности у глаголов двойственного видового характера в шведском языке часто является различное грамматическое оформление и семантика второстепенных членов глагольной группы; см. [Wellander, 1964: 194; Platzack, 1979: 71]. Это хорошо иллюстрируют примеры из Шведской Академической грамматики (далее SAG), которые приводятся ниже с переводом на русский язык. Перевод служит при этом не только объяснением их содержания, но и семантическим толкованием видового характера шведских глаголов средствами русского языка (в той мере, насколько это возможно на уровне отдельного высказывания в минимальном контексте). Такое «элементарное» сравнение с опорой на шведский оригинал и его перевод на русский язык предваряет сопоставительный анализ более широких контекстов с исходным русским оригиналом. Это, в свою очередь, обусловлено тем, что именно русский материал представляет язык с классической категорией вида.

1. Грамматическое оформление прямого объекта приносит значение ограниченности / неограниченности действия внутренним пределом при употреблении маркированной (в случае предельности) или немаркированной (в случае неопределенности) формы грамматических категорий существительного:

- категории детерминации, указывающей на определенность / неопределенность референта для адресата речи [SAG, 4: 328]:
 - (1) а. *Vi drack kaffet:DET (på fem minuter).*
'Мы *пили* кофе (за пять минут).'
 - б. *Vi drack kaffe:INDET (i flera timmar).*
'Мы *пили* кофе (в течение нескольких часов).'
- категории числа [Ibid.]:
 - (2) а. *Maj skrev ett brev (på en timme).*
'Майя *написала* [*одно*]⁶ *письмо* (за час).'
 - б. *Maj skrev brev:PL.INDET (i en timme).*
'Майя *писала* *письма* (в течение часа).'
- комплексно — сочетанием показателей определенности / неопределенности референта и числа (только у исчисляемых существительных) [Ibid.]:

⁶ В шведском языке неопределенный артикль, который является у исчисляемых существительных также показателем грамматического рода и единственного числа (*en* для общего рода — *ett* для среднего рода), отграничен от числительного *odin* только функционально отсутствием динамического ударения.

- (3) а. Sedan *sjöng* de nationalsången:SG.DET.
 ‘Потом *спели* они национальный гимн.’
 б. Sedan *sjöng* de sorgsna visor:PL.INDET.
 ‘Потом *пели* они печальные песни.’
2. Употребление прямого объекта обычно предполагает предельность; напротив, субстантивное словосочетание с предлогом *på* ‘над’ является специализированным средством выражения неопредельного процесса [SAG, 4: 330].⁷
- (4) а. Kaninen *ät* moroten:SG.DET.
 ‘Кролик *съел* морковку.’
 б. Kaninen *ät på* moroten:SG.DET.
 ‘Кролик *ел* морковку (букв.: ел на морковке).’
- (5) а. I Paris *skrev* Strindberg en:ART.INDET roman.
 ‘В Париже Стриндберг *написал* [один] роман.’
 б. Strindberg *skrev på* en:ART.INDET roman i flera år.
 ‘Стриндберг *писал* [один] роман (букв. писал на одном романе) несколько лет.’
3. Важная роль принадлежит семантике темпоральных обстоятельств с различными предлогами; см. также [Andersson, 1977]. Указание на предельность содержится при обозначении количества затраченного времени субстантивным словосочетанием с предлогом *på*⁸; неопредельность выражается при обозначении длительности процесса словосочетанием с предлогом *i* [SAG, 4: 328]:
- (6) а. Vi *sålde* böckerna:PL.DET *på två timmar*.
 ‘Мы *продали* книги *за два часа*.’
 б. Vi *sålde* böcker:PL.INDET *i två timmar*.
 ‘Мы *продавали* книги *два часа*.’
- Здесь видна также роль грамматического оформления прямого объекта по линии категорий определенности / неопределенности и числа.
4. У глаголов движения значение ограниченности процесса внутренним пределом или его неопределенности может быть также обусловлено различной семантикой предлогов в составе субстантивных словосочетаний с обстоятельственной функцией. При указании на конечный пункт движения, который является целью, в словосочетании с предлогом *till* ‘до’ глагольная лексема выступает как предельная, а при обозначении направления движения словосочетанием с предлогом *mot* ‘к, в сторону, в направлении’ — как неопредельная [Ibid.]:

⁷ Ср. также: Han *arbetar på* en bok över svenska dialekter [SAG, 4: 334–335] ‘Он работает над книгой о шведских диалектах’.

⁸ Разграничение синтаксических функций для словосочетаний с многозначным полифункциональным предлогом *på* (исходное локативное значение ‘на’) осуществляется лексической семантикой субстантивных компонентов и высказывания в целом.

- (7) а. Oskar *rodde till* hamninloppet på flera timmar.
 ‘Оскар *доплыл* на лодке до гавани *за несколько часов.*’
 б. Oskar *rodde mot* hamninloppet i flera timmar.
 ‘Оскар *плыл* на лодке в сторону гавани несколько часов.’
- (8) а. Lavan *flöt till* Pompeji på några timmar.
 ‘Лава *дотекла* до Помпеи за несколько часов.’
 б. Lavan *flöt mot* Pompeji i några timmar.
 ‘Лава *текла* в сторону Помпеи несколько часов.’

Здесь видна также роль темпоральных обстоятельств с различными предлогами.

Некоторые глаголы движения даже при указании на конечную цель словосочетанием с предлогом *till* могут употребляться как неопределенные (см. пример 9а); напротив, значение внутреннего предела привносят в их семантику указание на начальную границу процесса (см. пример 9 б) [SAG, 4: 334]:

- (9) а. Olle *flög till* Umeå.
 ‘Улле *прилетел / летел* в Умео.’
 б. Olle *flög till* Umeå kl. kvart över 5.
 ‘Улле *улетел* в Умео в 5.15.’

5. В отдельных случаях видовое значение предельности может создаваться обстоятельством с семантикой внезапного наступления действия. Это хорошо видно при сопоставлении примеров (10а) и (10б):

- (10) а. Jag *minns* inte längre hur hon såg ut [Svensk ordbok, 1999: 756].
 ‘Я уже не *помню*, как она выглядела.’
 б. *Plötsligt mindes* jag vad han sagt [SAG, 4: 325].
 ‘*Внезапно я вспомнил(а)* (букв. *вспомнил(а)* я), что он сказал.’

6. Важным лексико-синтаксическим средством, эксплицирующим значение внутреннего предела, являются в шведском языке обстоятельства со значением меры действия; ср. примеры (11б) и (12б) при сопоставлении, соответственно, с (11а) и (12а) [SAG, 4: 327]:

- (11) а. Olle *bakade bullar*.
 ‘Улле *пек / испек булочки.*’
 б. Olle *bakade 50 bullar*.
 ‘Улле *испек 50 булочек.*’
- (12) а. Stadens befolkning *ökade*.
 ‘Население города (букв.: города население) *увеличилось / увеличивалось.*’
 б. Stadens befolkning *ökade med 500 personer*.
 ‘Население города (букв.: города население) *увеличилось на 500 человек.*’

7. Отмечается также тенденция к выражению предельного значения у глаголов двойственного видового характера чаще в претерите (13а), а неопределенного — чаще в презенсе (13б) [SAG, 4: 339]:

- (13) а. Målarfärgen *torkade*:PRT snabbt.
 ‘Краска *высохла / сохла* быстро.’
 б. Målarfärgen *torkar*:PRS snabbt.
 ‘Краска *сохнет / высыхает* быстро.’

8. Важная роль в выражении предельности у глаголов двойственного видового характера принадлежит в шведском языке аналитическим формам перфекта с результативным значением. Это хорошо видно при сопоставлении некоторых рассмотренных выше примеров из Шведской Академической грамматики с формами претерита, там где они выступают преимущественно с неопределённым значением, и их трансформаций в высказывания с результативным перфектом в тех же или (там, где это не позволяет грамматическая семантика перфекта) сходных контекстах; ср., например [SAG, 4: 328]:

- (14) а. Vi *drack*:PRT kaffe (i flera timmar).
 ‘Мы *пили* кофе (в течение нескольких часов).’
 б. Vi *har druckit*:PRF kaffe.
 ‘Мы *попили* кофе.’
 (15) а. Maj *skrev*:PRT brev (i en timme).
 ‘Майя *писала* письма (в течение часа).’
 б. Maj *har skrivit*:PRF flera brev.
 ‘Майя *написала* несколько писем.’
 (16) а. Sedan *sjöng*:PRT de sorgsna visor.
 ‘Потом *пели* они печальные песни.’
 б. De *har sjungit*:PRF sorgsna visor.
 ‘Они *спели* печальные песни.’

Ср. также следующие примеры [SAG, 4: 327]:

- (17) а. Olle *bakade*:PRT bullar.
 ‘Улле *пек* булочки.’
 б. Olle *har bakat*:PRF (50) bullar.
 ‘Улле *испек* булочки / 50 булочек.’
 (18) а. Stadens befolkning *ökade*:PRT.
 Население города (букв.: города население) *увеличивалось / увеличилось*.’
 б. Stadens befolkning *har ökat*:PRF.
 ‘Население города (букв. города население) *увеличилось*.’

Важно подчеркнуть, что для шведских глаголов двойственного видового характера значение потенциальной предельности существует лишь на уровне единицы словаря, до тех пор, пока глагольная лексема не окажется в контексте реального употребления, а на уровне речи это принципиально невозможно. Напротив, многие их русские лексические эквиваленты могут выражать потенциальную предельность в НСВ, ко-

торая поддерживается облигаторной видовой парностью с предельными глаголами СВ и предопределена «давлением системы». Именно поэтому в шведском языке невозможны контексты, аналогичные русским, в которых предельные глаголы НСВ и СВ выступают в позиции сильного противопоставления: *писал, да не написал статью, тонул, да не потонул* [Петрухина, 1988: 92–93]. Аналогичная особенность была отмечена С.Г. Андерссоном при сопоставительном анализе переводов романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» на немецкий язык [Andersson, 1972, 1978; Маслов, 1976].

III.

При анализе аспектуальной семантики языков с различным системным устройством в сопоставительном плане интерес представляют, однако, наиболее заметные расхождения между ними. Поэтому в контексте обсуждаемой проблематики обращают на себя внимание главным образом различные по форме и содержанию способы передачи на шведском языке тех особенностей русского вида, которые связаны с выражением потенциальной предельности НСВ. Источником материала для такого сопоставления послужил текст романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевод на шведский язык, блестяще выполненный Ларсом Эриком Блумквистом. Исследование показало, что при переводе использовались различные стратегии, обусловленные сложным комплексом многоплановых факторов, включая лексическую, акциональную и видовую семантику русских глаголов, лексическое значение и видовой характер шведских эквивалентов, а также особенности грамматического значения глагольных форм и конструкций, синтаксической структуры и семантики высказываний в целом и входящих в них компонентов. Стилистические и тем более эстетические задачи перевода и их отражение в конкретном материале при этом чаще всего не учитывались, за исключением отдельных, наиболее ярких и показательных случаев.

Встречаются примеры, когда шведские формы повествовательного претерита (обычные в художественном тексте) и синтаксическая структура высказываний позволяют не использовать специализированные средства, маркирующие потенциальную предельность НСВ:

(19) Совершенно больной и даже постаревший поэт не более чем через две минуты *входил* на веранду Грибоедова [516].

‘Mindre än två minuter senare *gick* poeten, som nu inte bara blivit mycket sjukare utan också mycket äldre, in på Griboedovs veranda’ [92]. (букв. Менее чем две минуты спустя *входил / вошел* поэт, который теперь стал не только еще более больным, но и сильно постаревшим, на веранду Грибоедова).

Здесь конкретно-процессуальная семантика НСВ, которая предполагает присутствие внешнего наблюдателя, частично компенсируется при переводе дейктическим наречием *nu* ‘теперь, сейчас, вот’ в относи-

тельном придаточном с результирующим плюсквамперфектом⁹. В повествовании о происходящих в различном времени и пространстве событиях оно является способом указания на ситуативный момент.

Специализированные средства отсутствуют и при переводе русских НСВ предельных глаголов, когда они обозначают многократные действия. Так, в примере ниже с синтаксической трансформацией *mo...*, *mo...* в сочинительную конструкцию с разделительным союзом *eller* 'или' этому способствует контекст, в котором содержится указание на неоднократную смену одного достигнутого предела и тем самым исчерпавшего себя моментального события другим, прямо противоположным ему:

(20) [...] он сказал, но уже без всякого акцента, который у него *to pro-
падал, то появлялся* [492].

'[...] han sade nu utan spår av den brytning som *dök upp eller försvann*'
[57] (букв. он сказал теперь без следов того акцента, который появлялся или пропадал).

Особенно интересен пример ниже с альтернативой СВ и НСВ одного и того же предельного глагола в русском оригинале¹⁰. При переводе неопределенно-личных форм 3-го лица множественного числа и СВ, и НСВ используется аналитическая конструкция пассива действия *bli* с причастием 2¹¹. Для того чтобы передать авторскую игру нюансами прагматических оттенков русских видовых форм, используется фонетический повтор первого слога в причастии, отражающий вызванное сильным испугом заикание¹²:

⁹ Синтаксическая трансформация в сложноподчиненное предложение с относительным придаточным является типичной для перевода русских предложений с грамматическим субъектом, осложненным распространенной синтаксической группой (в данном случае с сочинительной связью) в функции препозитивного определения.

¹⁰ Выражаемая альтернативой русских видовых форм экспрессивность основана здесь на прагматических различиях: при употреблении СВ событие интерпретируется как актуальное для субъекта речи и ее адресата; НСВ используется при объективной констатации факта, имевшего место в прошлом; о прагматической семантике русского вида; см. [Апресян, 1995: 637]. В.В. Иваницкий прямо называет русский СВ в прагматическом плане субъективным, а НСВ — объективным видом [Иваницкий, 1993: 21–22].

¹¹ Аналитическая конструкция *bli* с причастием 2, как отмечают шведские грамматисты, в прагматическом аспекте также имеет «субъективно-конкретную» семантику [Thorell, 1973: 134].

¹² В переводе на английский язык аналитическим пассивом с глаголом *to be* используется фонетическая альтернатива гласного первого слога в причастии: — “What you got in the briefcase, parasite?” the one resembling a cat cried shrilly. Telegrams? *Weren't you warned* över the phone not to take them anywhere? *Weren't you warned*, I'm asking you?” — “I was wor... wer... warned...” the administrator answered, suffocating [Bulgakov, 1997: 113].

(21) — Что у тебя в портфеле, паразит? — пронзительно прокричал похожий на кота, телеграммы? А тебя *предупредили* по телефону, чтобы ты их никуда не носил? *Предупреждали*, я тебя спрашиваю?

— *Предупреждали... дали... дали...* — задыхаясь, ответил администратор [547].

‘— Vad har du i portföljen, din parasit? tjöt den kattlike med genomträngande röst. Telegram? Blev du inte *varnad* (букв. Стал ты не предупрежденным) i telefon för att gå nånstans med dem? Jag frågar dig, *blev du inte varnad* (букв. стал ты не предупрежденным)?

— Jo, jag blev *var* — *varnad* (букв.: Да, я стал пред — предупрежденным), svarade förvaltningschefen och kippade efter andan’ [138].

В отдельных случаях при переводе производится лексическая замена русского предельного глагола в НСВ на шведский неопределенный глагол. Так, при существенной синтаксической трансформации НСВ предельного глагола становится заменяется в шведском переводе составным сказуемым с неопределенным глаголом-связкой *vara* ‘быть’:

(22) *Становилось* ясным, что посещение дома скорби оставило в нем тяжелейший след [515].

‘Det *var* uppenbart (букв.: было очевидно) att hans besök på sinnessjukhuset hade satt djupa spår’ [91].

Иногда при такой трансформации указание на потенциальную предельность может содержаться в лексической семантике именной части сказуемого:

(23) Ала *возвращалась* с Лысой горы. Судя по звуку, она *проходила* через ту самую площадь, где был объявлен приговор [695].

‘Skvadronen *var på väg* (букв.: была на пути) tillbaka från Golgata. Av ljudet att döma *passerade* ryttarna *nu över torget* (букв.: проходили всадники теперь через площадь) där domen hade kungjorts’ [359–360].

Во втором предложении примера (23) для передачи потенциальной предельности НСВ здесь достаточно формы претерита, поскольку аспектуальная ситуация задана предшествующим контекстом. Важную роль играет при этом дейктическое наречие *nu* в сочетании с хронотопическим пространственным ориентиром. В русском оригинале он выражен словосочетанием с указательным местоимением *та* в детерминативной функции, за которым следует придаточное относительное с таксисом предшествования. В шведском языке пространственный дейксис выражен определенной формой существительного *torget* ‘площадь’ с придаточным относительным, в котором предшествование выражено формой плюсквамперфекта. Таким образом, и в русском оригинале, и в шведском переводе различными языковыми средствами создается эффект

присутствия внешнего наблюдателя, характерный для конкретно-процессуальной семантики русских НСВ.

Однако в целом преобладают случаи, когда в шведском переводе для передачи потенциальной предельности НСВ используются специализированные средства с различной аспектуально-акциональной семантикой.

1. Встречаются примеры перевода сочинительной конструкцией с грамматически однородными сказуемыми, выраженными предельным и неопределенным глаголом (в различной последовательности), и общим для них множественным субъектом. Этому способствует синтаксическая структура высказываний с двумя НСВ предельных глаголов в русском оригинале, включающая сочинительную связь при следующих один за другим процессах (24) или деепричастный оборот при одновременности процессов (25):

(24) Прохожие *обращали* на него внимание *и оборачивались* [500].
'Folk *tittade* på honom *och vände sig om*' [69]. (букв. Люди смотрели на него и оборачивались).

(25) Возмущенные люди *пробежали* мимо поэта по аллее, что-то *восклицая* [...] [495].
'Upprörda människor *störtade* förbi poeten i allén *och ropade* (букв. и кричали) *något* [...]' [62].

При одушевленном субъекте эквивалентом НСВ со значением потенциальной предельности может выступать шведская конструкция с «псевдосочинением», первым компонентом которой является глагол положения в пространстве (*sitta* 'сидеть', *stå* 'стоять', *ligga* 'лежать') или глагол *gå* в конкретном значении 'идти', маркирующие актуальную длительность целенаправленного предельного действия, не теряя при этом собственного лексического значения, например:

(26) Колено этой темной ноги *и натирала* какою-то дымящеюся мазью Гелла [658].
'Hella *satt och smorde* in hans knä med en ångande salva' [304]. (букв. Гелла сидела и натирала его колено какою-то дымящеюся мазью).

Следует отметить, что шведская конструкция с «псевдосочинением» обычно имеет оттенок интенсивности целенаправленного действия. Возможно, что здесь она используется для того, чтобы передать эмфатическое выделение глагольной группы усилительной частицей *и* в русском оригинале. Выбор эквивалента представляется особенно удачным еще и потому, что таким образом удастся отразить в переводе обе функции русского *и* — как сочинительного союза и как усилительной частицы; см. об этом [Урысон, 2000].

2. Более значительная трансформация происходит при замене НСВ русского предельного глагола конструкцией с модальным глаголом и

инфинитивом. Для передачи целевой установки субъекта речи в таких случаях обычно используется глагол волеизъявления *vilja*:

(27) Иностранный артист *выражает* свое восхищение Москвой, выросшей в техническом отношении [554].

‘Den utländske artisten *vill uttrycka* (букв. хочет выразить) sin hänförelse över den tekniska utveckling som ägt rum i Moskva’ [148].

В тех случаях, когда в оригинале встречается НСВ глагола восприятия, при переводе используются глагольные конструкции с модальным значением возможности, например:

(28) Иван Николаевич их слов не *воспринимал* [495].

‘Ivan Nikolajevich inte *förmådde uppfatta* (букв. не был в состоянии воспринимать) deras ord’ [62].

Особый интерес представляет пример ниже, где и в русском оригинале, и в шведском переводе предельное значение создается различными средствами синтаксического контекста:

(29) Через четверть часа чрезвычайно пораженная публика *видела*, как из ворот *выносили* молодого человека [...] [510].

‘En kvart senare kunde en ytterst förvånad publik *se* (букв. могла чрезвычайно пораженная публика видеть) hur barmästaren *bar ut* (букв. как метрдотель вынес / выносил) en ung man [...]’ [83].

Здесь предельный характер НСВ в придаточной части «предопределяет» предельную интерпретацию НСВ глагола восприятия *видеть* с семантикой непосредственного, непрерывного эффекта длящегося процесса, который функционирует в русском языке преимущественно с предельным значением¹³. В переводе для того, чтобы передать «растянутость» результативного процесса, в главной части используется конструкция с модальным глаголом *kunna*, который в сочетании с глаголами восприятия двойственного видового характера всегда содержит указание на достижение результата.

3. При переводе НСВ инхоативных глаголов, «обозначающих изменение состояния, сопровождающееся становлением какого-либо признака» [Гловинская, 2001: 92], в шведском языке нередко используется конструкция с глаголом *börja* ‘начать(ся) / начинать(ся)’ и инфинитивом, например:

¹³ Русские глаголы НСВ в видовых парах типа *писать / написать, читать / прочитать, видеть / увидеть, слышать / услышать* могут в формах прошедшего времени под «давлением системы» при сильной поддержке контекста с дейктически определенным прямым объектом выступать с предельным значением, то есть становиться по сути дела глаголами двойственного видового характера. Ср.: Он *писал* (этот) роман три года (предельное значение только при условии, что роман действительно написан); Я *уже читала* эту статью; Мы *видели* этот фильм; Вы *слышали* (эту) новость? См. об этом [Бондарко, 1986: 20–23].

(30) Уже гремит гроза, вы слышите? *Темнеет* [749].

‘Åskan går redan som ni hör. Det *börjar bli mörkt* (букв. Гроза идет уже, как вы слышите. Это начинает становиться темно)’¹⁴ [439].

В отрицательном контексте при передаче потенциальной предельности НСВ употребляется конструкция с фазовым глаголом *sluta* ‘закончить(ся) / заканчивать(ся)’:

(31) Арестант тем временем продолжал свою речь, но секретарь *ничего более не записывал* [...] [477].

‘Samtidigt fortsatte fången att tala, men sekreteraren *hade slutat att anteckna* [...]’ [36] (букв. Тем временем продолжал арестант говорить, но секретарь перестал записывать).

Конкретно-процессуальная семантика НСВ предельного глагола компенсируется при переводе неопределенным характером предиката первой части сложного предложения. Выбор в качестве эквивалента конструкции с глаголом *sluta* во второй части обусловлен формой плюсквамперфекта со значением относительного предшествования; в русском языке выражение таксиса основано на различной «конфигурации» видов.

4. При переводе НСВ предельных глаголов движения с одушевленным субъектом иногда используется описательная конструкция с акционально-аспектуальной семантикой способа появления, в состав которой входит предельный глагол *komma* ‘приходить, прибывать, появляться’ и причастие 1 глаголов движения¹⁵, которые, как отмечалось выше, имеют в шведском языке двойственный видовой характер:

(32) По лестнице *подымались* двое последних гостей. [670].

‘De två sista gästerna *kom gående* uppför trappan’ [323] (букв. Двое последних гостей появились идущие вверх по лестнице).

(33) По лестнице *поднимался* вверх *бегом* одинокий фрачник [667].

‘En ensam herre i frack *kom springande* uppför trappan’ [317]. (букв. Одинокий фрачник появился бегущий вверх по лестнице).

Эта конструкция употребляется в письменной речи при создании эффекта динамики движения, что предполагает присутствие внешнего наблюдателя движущегося субъекта. Именно поэтому она дважды используется автором шведского перевода в сцене бала у сатаны, когда

¹⁴ В шведском языке становление признака (в данном случае при усилении его интенсивности) передается не отдельной глагольной лексемой, а сочетанием глагола *bli* и качественного прилагательного или образованного от него наречия.

¹⁵ В составе этой конструкции могут употребляться глаголы *gå* ‘идти’, *springa* ‘бежать’, *åka* ‘ехать’, *köra* ‘вести машину, ехать на машине’, *flyga* ‘лететь’, *krypa* ‘ползти’, *simma* ‘плыть’ и некоторые другие.

Маргарита, стоя наверху лестницы, встречает появляющихся из камина внизу гостей.

5. Однако наиболее регулярным способом передачи потенциальной предельности НСВ является шведская конструкция с конкретно-процессуальной семантикой *hålla på* с инфинитивом, первый компонент которой глагол *hålla* 'держать' в сочетании с постглагольной ударной частицей *på* (материально тождественной предлогу) приобретает лексическое значение 'продолжать(ся)'. В этой конструкции авторы сопоставительных исследований усматривают наличие некоторого сходства с грамматической семантикой английских форм *Continuous* [Смирницкая, 1978: 99; Platzack, 1979: 55, 66; Томмола, 1986: 9], хотя она характеризуется незначительной степенью грамматизации. «Конкретный процесс, — безразлично, законченный или незаконченный, — представлен языком в его конкретности и динамике как растянутый» [Смирницкая, 1978: 95]¹⁶.

Авторы Шведской Академической грамматики описывают аспектуальную семантику шведской конструкции как «прогрессив» (*progressiv*), частично отождествляя ее тем самым с английскими формами *Continuous* [SAG, 4: 336]. В то же время, в отличие от английской аналитической формы, шведская конструкция с конкретно-процессуальной семантикой не обладает признаками парадигматизации и не является грамматически облигаторной; см. также [Platzack, 1979: 55–56]. При широком семантическом спектре значений она имеет достаточно узкую функциональную сферу и употребляется только в презенсе и претерите, но не встречается в аналитических формах перфектного ряда и пассивных конструкциях, а также в аналитической конструкции со значением прогностического будущего *kommer att* + инфинитив; см. об этом [Чекалина, 1993].

Конструкция *hålla på* с инфинитивом является специализированным средством выражения актуальной длительности только у тех предельных глаголов и глаголов двойственного видового характера с предельным значением, которые обозначают процессы, имеющие «действенный характер, видимые или слышимые» [Мэрченд, 1962: 357], то есть предполагающие наличие внешнего наблюдателя. Поэтому она чаще всего представляет «растянутыми» во времени процессы, характеризующиеся относительной непродолжительностью временного интерва-

¹⁶ Значение «отдельного действия, наблюдаемого в динамическом процессе своего совершения», имеют также перифрастические конструкции с причастием настоящего времени в итальянском (только в настоящем времени и имперфекте) и испанском языке [Мэрченд, 1962: 355–364]. Однако, в отличие от английской формы *Continuous*, они, как и *hålla på* с инфинитивом в шведском языке, не являются «грамматически релевантными» и не обладают признаками парадигматизации. Это «своего рода зачатки конкретно-процессного вида» [Маслов, 1976: 129].

ла, и служит для выражения «предельного действия с недостижимым пределом» [Маслов, 1976: 129].

В употреблении *hålla på* с инфинитивом как наиболее специализированного способа передачи потенциальной предельности русских НСВ можно выделить три семантические зоны:

а) предельные глаголы, которые обозначают произвольные контролируемые одушевленным смысловым субъектом целенаправленные процессы, имеющие ограниченные временные рамки.

Показательно, что во всех случаях, встретившихся в шведском переводе романа М.А. Булгакова, рассматриваемая конструкция употребляется с лексически и / или грамматически выраженным множественным субъектом, что усиливает эффект растянутости:

(34) Полк *снимался*, это было ясно [600].

‘Skvadronen höll tydligen på att satta sig i rörelse’ [215] (букв. Полк явно приходил в движение).

(35) В углу *допивала* какая-то компания [516].

‘Ett sällskap borta i ett hörn höll på att dricka ur’ [92] (букв. Какая-то компания в дальнем углу допивала).

В примере ниже содержится указание на множественность не только грамматического субъекта, но и грамматического объекта (как прямого беспредложного, так и косвенного с предлогом) кратковременного предельного процесса, который может быть представлен растянутым лишь при неоднократном повторении:

(36) Официанты, торопясь, *срывали* скатерти со столов [516].

‘Kupare höll skyndsamt på att ta bort (букв.: Официанты поспешно снимали) dukarna från borden’ [93].

Показательно, что во всех трех случаях употреблены шведские глаголы с постглагольными частицами, которые могут однозначно трактоваться только как предельные.

б) предельные глаголы, которые обозначают произвольные, не контролируемые одушевленным смысловым субъектом процессы, также имеющие ограниченные временные рамки и предполагающие близость перехода из одного состояния в другое. Для такого употребления характерна «концентрация на последней фазе действия» [Гловинская, 2001: 136]:

(37) Уж не схожу ли я с ума? [523].

‘Håller jag på att bli galen?’ [102] (букв. Неужели я становлюсь сумасшедшим?).

в) предельные глаголы, которые обозначают нецеленаправленные, обычно кратковременные процессы с близкой конечной границей при неодушевленном смысловом субъекте:

(38) Солнце *склоняется*, а смерти нет [597].

‘Solen håller på att gå ner men ännu är han inte död’ [211] (букв. Солнце склоняется [то есть уже близко к закату], но еще он не мертв).

Вместе с тем следует отметить, что в целом конструкция *hålla på с инфинитивом* имеет в шведском языке более широкую семантику, по сравнению с тем материалом, который встретился в переводе романа М.А. Булгакова. Она употребляется также в других контекстах с другими аспектуально-акциональными значениями и может стать предметом отдельного более детального рассмотрения.

IV.

Подводя итоги сопоставительного анализа, важно отметить, что на контрастном фоне шведского перевода особенно ярко видно, как широкий семантический спектр и богатый функциональный потенциал русского вида позволяет передавать множество оттенков, обусловленных не только аспектуальным (предельность / непредельность) и тесно связанным с ним акциональным характером (способы действия), но и лексическим значением глаголов, а также различными контекстами их употребления. В то же время рассмотренные на фоне русского оригинала шведские конструкции различных структурно-семантических типов ограничены в своих возможностях выражения аспектуальности отдельными специализированными значениями.

Вместе с тем полученные результаты позволяют сделать более общий вывод о том, что роль категории предельности / непредельности для выражения аспектуальной семантики в шведском языке интересна не только в плане изучения специфических особенностей ее реализации на скандинавском материале, но и в более широкой перспективе с точки зрения типологии вида. Функционирование конструкции *hålla på с инфинитивом* предельных глаголов, выражающей различные аспекты актуальной длительности ограниченных временными рамками процессов, в типологическом плане проявляет сходство с тенденциями, имевшими место при формировании славянской категории вида, базу для которой составили предельные глаголы результативного способа действия [Маслов, 2004: 471]. Именно для таких глаголов появилась потребность формального разграничения двух семантических возможностей: процессной направленности на достижение результата, предела, очень похожей на то значение, которое реализуется в шведской конструкции с предельными глаголами, и его реального достижения.

Однако принципиальные различия общего характера между глагольными системами славянских и германских языков предопределили значительные расхождения при реализации типологически сходных семантических тенденций. Значение предельности, сформировавшее категорию славянского вида, в германских языках послужило основой пер-

фективно-результативной семантики второго причастия, на базе которой сложились формы перфектного ряда, кардинально изменившие структуру глагольной парадигмы и развившие специфические видо-временные значения, а в английском языке ставшие также основой для формирования аналитической формы Continuous.

Сокращения

ART	артиклъ
DET	определенная форма существительного
INDET	неопределенная форма существительного
SG	форма существительного в единственном числе
PL	форма существительного во множественном числе
PRF	аналитическая форма перфекта
PRT	претерит
PRS	презент

Источники примеров

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Кишинев, 1988.

Bulgakov M. Mästaren och Margarita / Översättning och förord av Lars Erik Blomqvist. Stockholm, 2006.

Bulgakov M. The Master and Margarita / Translated and with notes by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky with an introduction by Richard Pevear. London, 1997.

Язык оригинала и язык перевода в сопоставительном аспекте (на материале шведского и русского языков)

В книге А.Д. Швейцера «Перевод и лингвистика» значительное место занимает вопрос о роли сопоставительных исследований для теории и практики перевода. В связи с этим отмечается, что среди работ по сопоставительному языкознанию наибольший интерес представляют те, в которых перевод служит материалом для лингвистических обобщений [Швейцер, 1973: 14]. Вместе с тем использование текстов оригинала и его перевода на другой язык является необходимой основой сопоставительных исследований, особенно в тех случаях, когда речь идет о таких разноструктурных языках, как шведский и русский. При этом важную роль играет выявление контекстуальных реализаций системных различий, которые отражают основные линии схождения и расхождения между языками.

Значительный интерес для сопоставительного анализа представляют, в частности, особенности выражения неопределенно-личного и / или обобщенно-личного субъекта в шведском и русском языках.

Для шведского языка, синтаксис которого не допускает бесподлежащих предложений, характерно употребление местоимения *man* в качестве грамматического субъекта неопределенно-личных и / или обобщенно-личных предложений. В русском языке, напротив, широко используются бессубъектные предложения с предикатами в форме 3 лица множественного числа настоящего, прошедшего и будущего времени и в форме 2 лица единственного числа настоящего / будущего времени. Различия между ними определяются в первую очередь прагматическими факторами. В предложениях с формами 3 лица множественного числа всегда содержится указание на отчуждение субъекта речи от неопределенно-личного субъекта, который «не находится в фокусе эмпатии говорящего», так что «ситуация никогда не описывается с его точки зрения» [Булыгина, Шмелев, 1991: 50]; это предполагает исключение говорящего из числа возможных референтов нулевого подлежащего. Напротив, при употреблении формы 2 лица множественного числа неопределенно-личный субъект находится в фокусе эмпатии говорящего, который потенциально может быть включен в неопределенное множество референтов; ср., например: *Неприятно, когда тебя обманывают.* — *Неприятно, когда обманываешь того, кто верит каждому твоему слову* [Булыгина, Шмелев, 1991: 60]; *С начальством не спорят.* — *С тобой не поспоришь* [Плунгян, 2011: 294]. Таким образом, в бессубъектных предложениях обоих типов согласовательные грамматические категории лица и числа приобретают особые прагмасемантические функции.

Как показывает анализ переводов на русский язык, шведским предложениям с местоимением *man* могут соответствовать различные контекстуальные эквиваленты. Ярким примером этого являются приводимые ниже отрывки из небольшой новеллы шведского журналиста и писателя Фредрика Линдстрема и ее перевода на русский язык. Текст новеллы насыщен предложениями с неопределенно-личным местоимением *man*, что, по всей вероятности, обусловлено художественной спецификой произведения. Достаточно сказать, что на трех с половиной страницах автор употребляет это местоимение в четырех небольших отрывках 21 раз. В новелле рассказ о герое представлен как его собственный взгляд на себя со стороны. Повествование почти все время ведется в третьем лице без прямой речи, и лишь в конце новеллы, когда герой вступает в диалог с Богом, появляется его личное *jag*. Использование неопределенно-личного местоимения позволяет передать внутренний голос героя, который вместе с тем созвучен голосу автора новеллы.

При переводе на русский язык используются различные лексические эквиваленты и различные синтаксические типы предложений.

1. Существительные *человек* и *люди* при обобщенной референции, указывающие на неопределенное множество лиц, представленное как открытый класс, включающий не только человека по имени Лассе, который является главным и единственным героем новеллы, но и её автора:

Kanske borde han lägga ner hela skiten. Inse att *man* aldrig blir lycklig (Lindström).

«Ему, наверное, пора бросить всю эту муть. Осознать, что *человеку* никогда не стать счастливым».

Jaha, *man* blir inte lyckligare av att äta mer glass, dricka med rödvin, eller bo i större hus med fler gästtoaletter — vad blir *man* då lycklig av? (Lindström).

«Оказывается, *люди* не становятся счастливее, если едят больше мороженого, пьют больше красного вина или живут в более просторных домах с большим числом гостевых туалетов — так что же делает *человека* счастливым?».

Возможно, на выбор лексических эквивалентов *человек* или *люди* в данном случае оказывает влияние морфологический фактор — употребление форм единственного или множественного числа в контексте оригинала. Так, при употреблении формы единственного числа согласуемого прилагательного в именной части предиката *lycklig* «счастливый» в качестве эквивалента неопределенно-личного местоимения используется лексема *человек*, в то время как в случае неизменяемого предиката в сравнительной степени при контекстуальном указании на количественное множество формами существительных выбирается лексема *люди*.

2. Субъектная номинализация при лексико-синтаксической трансформации в обобщенно-личные высказывания афористического характера:

Men *man försöker* ju i alla fall (Lindström).

«Но *попытка* — не *пытка*».

Är det så att *man aldrig blir lycklig?* (Lindström).

Неужели *счастье* и правда *недостижимо?*».

Смысловое содержание предиката «переносится» при переводе в грамматический субъект.

3. Бессубъектные синтаксические конструкции с неопределенно-личными модальными предикатами при переводе шведских предложений с *man* и модальными глаголами с инфинитивом:

а) При выражении волеизъявления — с возвратным глаголом *хотеться*, который предполагает имплицитное указание на лицо:

Ifall hösten är vuxen, mogen och sofistikerad, så är det precis tvärtom med våren. För att nu inte tala om sommaren. Då *vill man vara ungdomlig*, nonchalant och nästan lite farlig. Så farlig som *man* nu kan vara om *man* har manchesterjeans och jobbar på en tidning för Skogsvårdsstyrelsen (Lindström).

«Если осень — солидная, зрелая и причудливая, то весна ей прямо противоположна. А лето тем более. Летом *хочется быть молодым*, беззаботным и чуть-чуть рисковым. Настолько рисковым, насколько позволяют вельветовые брюки и работа в газете Управления лесным хозяйством».

Здесь наблюдается как бы незаметное «сужение» от неопределенного множества референтов в первом предложении с *man*, до представленного «инкогнито» героя новеллы во втором предложении, где неопределенно-личное местоимение употреблено дважды. Стилистически оправданное повторное употребление его в шведском оригинале снимается в русском переводе «переключением» синтаксической функции второстепенных членов предложения — как прямого объекта, так и обстоятельства — на функцию грамматического субъекта с заменой лексического значения предиката.

б) При выражении возможности — с неопределенно-личным модальным предикатом *можно* и инфинитивом:

Och så *kan man rota fram* gamla vinylplattor och halskedjor och örhängen som **man** aldrig skulle se åt när hösten kommer (Lindström).

«А еще *можно достать* старые виниловые пластинки, подвески и серьги, которые осенью уму не постижимы».

При таком употреблении в качестве референта выступает герой новеллы, представленный «недискретно» как один из представителей не-

определенного множества ему подобных. Во избежание повторного употребления неопределенно-личной конструкции во второй части высказывания в переводе на русский язык здесь также производится лексико-синтаксическая трансформация.

4. Выбор местоимения 1 лица множественного числа в качестве эквивалента шведскому неопределенно-личному местоимению:

Man planerar och planerar och planerar, och under tiden går livet ifrån en? (Lindström).

«Мы планируем, планируем и планируем, а жизнь тем временем ускользает от нас?».

Одной из причин выбора личного местоимения *мы* в русском переводе может быть выражение интенсивности процесса трехкратным лексическим повтором одного и того же глагола в сказуемом. Показательно, что объектная форма неопределенно-личного местоимения *en* используется в шведском языке только в тех случаях, когда референтом местоимения *man* является субъект речи или другое конкретное лицо, которое по той или иной причине предпочитает оставаться в тени, как бы «маскируя» себя. Ср. также аналогичный пример с таким же переводом из другой новеллы:

Jag tror nu, så här i efterhand, att *man* så gärna vill tro att *man* förstår, att *man* låter bli att förstå. Ja, att saker och ting liksom blir mer begripliga genom att *vi* inte förstår dem (Askestad).

«Сейчас, когда все позади, мне кажется, *нам* настолько хочется думать, будто *мы* все понимаем, что *мы* даже и не пытаемся понять. Да, словно вещи и явления становятся более доступными, когда *мы* их не понимаем».

Выбор местоимения *мы* в качестве эквивалента шведскому *man* скорее всего обусловлен здесь употреблением *vi* в последующем высказывании, которое как бы подводит итог авторскому рассуждению в завершающей части сверхфразового единства. Важно, однако, что в обоих случаях субъект речи представлен не как индивидуально-конкретное лицо, а как член неопределенного множества референтов с семантикой лица, с которыми может потенциально быть соотнесено содержание высказывания.

Приведем еще один пример перевода, в котором эквивалентом шведского *man* выступает русское местоимение *мы*:

Det ska nog gå bra, för huvudsaken är ju att *man* älskar varandra (Danielsson).

«Думаю, у нас все получится, ведь главное, что *мы* любим друг друга».

В данном случае выбор русского эквивалента может быть связан с употреблением взаимного местоимения. Вместе с тем в шведском оригинале высказывание с местоимением *man*, а не с личным местоимени-

ем *vi*, вероятно, содержит оттенок некоторого сомнения, который создается именно его неопределенно-личной семантикой и который не удается передать в русском переводе.

5. Выбор в качестве эквивалента бессубъектной конструкции (или конструкции с эксплицитным местоимением *ты*) с предикатом в форме 2 лица единственного числа настоящего времени:

Det är bara så. På våren och sommaren *blir man oerhört ungdomlig*, för att inte säga barnslig. *Man bygger upp ett helt ny identitet* under vinterhalvåret som *man* sedan bara tar avstånd ifrån. Helt plötsligt *slutar man fantisera* om museibesök och middagar och vuxenliv i alla former, och bara tanken på att gå omkring i en mörkbrun kostym känns helt absurd. Och där *man tidigare sett en distingerad mogen man* sitta med en espresso på något av stadens italienska kaféer, *ser man* nu sig själv med en romantisk kalufs och kvällssol i håret bada med brudar i Råambshovsparken (Lindström).

«Просто так оно и есть. Весной и летом *начинаешь* жутко молодиться, если не сказать впадать в детство. За холодные полгода *ты становишься совершенно новой личностью*, от которой потом *отнекиваешься*. *Ты* вдруг *перестаешь мечтать* о посещении музеев, званых ужинах и взрослой жизни во всех ее проявлениях, и даже мысль о том, чтобы ходить в темно-коричневом костюме, кажется абсурдной. И если раньше в воображении *ты был благородным зрелым мужчиной*, сидящим в одном из городских итальянских кафе с чашечкой эспрессо, то *теперь видишь* себя, купающимся с девушками в Роламбхуспаркен, а в копне твоих волос романтично играет вечернее солнце.»

Как было отмечено выше, в шведском языке неопределенно-личное местоимение может употребляться при отнесенности к субъекту речи, когда говорящий как бы «маскирует» себя, представляя связанную с ним ситуацию несколько отстраненно и тем самым подчеркивая свою незначительность. В русском языке бессубъектные конструкции с предикатом в форме 2 лица единственного числа могут иметь обобщенно-личный характер, что не исключает отнесенности говорящего к потенциальным участникам ситуации, или относиться непосредственно к субъекту речи, если ситуация имеет не конкретный, а потенциально-узуальный характер [Булыгина, Шмелев, 1991: 53]. В приведенном выше шведском примере неопределенно-личное местоимение *man* скорее всего предполагает отнесенность к субъекту речи, о чем свидетельствует спорадическое эксплицитное употребление личного местоимения *ты* в русском переводе, хотя обобщенно-личный оттенок при этом не снимается. В то же время использование *man* создает особый стилистический эффект, позволяющий передать в повествовании от третьего лица внутренний голос персонажа.

Аналогичные примеры встретились также в тексте другой шведской новеллы, написанной от первого лица:

Men ni vet hur det är, *man inbillar sig saker, får för sig att man anade någonting som man inte kunde ha någon aning om* (Askestad).

«Знаете, как иногда бывает: *навыдумываешь себе*, и взбредет в голову, что возникает понимание чего-то, о чем и *представления никакого не имеешь*».

Ni vet nog hur *man känner på sig* att någon stirrar (Askestad).

«Знаете, как бывает, когда *чувствуешь на себе* чей-то взгляд».

В обоих случаях имеет место соотнесенность с субъектом речи, на что указывает вводная реплика *ni vet* «(вы) знаете», обращенная к потенциальному адресату высказывания. При этом и в оригинале, и в переводе не утрачивается обобщенно-личная семантика и потенциальная соотнесенность с неопределенным множеством лиц.

Показательно, что в шведском языке наблюдается тенденция к стилистической однородности текста, создаваемой повторным, иногда многократным употреблением одной и той же конструкции. При переводе на русский язык в тех случаях, когда местоимение *man* соотносится с неопределенным множеством референтов, напротив, чаще всего требуется снять стилистическую однородность и найти эквиваленты, создающие стилистическое разнообразие. Приводимый ниже пример наглядно иллюстрирует это:

När *man* (1) senast gjorde en rundfrågning bland svenskarna, så visade det sig att *man* (2) i genomsnitt inte blivit ett dugg lyckligare än *man* (3) var i början av sextiotalet. Det är nästan absurt om *man* (4) tänker på alla de materiella förbättringar *vi* fått sedan dess (Lindström).

«Последний *опрос* среди шведов *показал*, что в среднем *люди* не стали ни на йоту счастливее, чем были в начале 60-х. Это почти абсурд, *если подумать* обо всех материальных благах, которые появились *у нас* за эти годы».

При переводе на русский язык здесь использована номинализация (1), лексическая замена (2), опущение грамматического субъекта при однородном сказуемом (3), а также неопределенно-личная конструкция с инфинитивом (4) как вариант неполной номинализации. В то же время при более выраженной соотнесенности *man* с субъектом речи, когда в русском переводе используется глагольная форма 2 лица единственного числа, неоднократный повтор её скорее всего является стилистически оправданным или даже необходимым. Можно предположить, что тем самым происходит разграничение между соотнесенностью с обобщенно-личным субъектом и замаскированным под второе лицо субъектом речи.

Таким образом, если русскому языку свойственно многообразие средств выражения неопределенно-личной и / или обобщенно-личной референции, в шведском имеется одна унифицированная конструкция,

которая используется в различных вербальных и прагматических контекстах, включая соотнесенность с субъектом речи. В то же время ни в одном из употреблений шведской конструкции с неопределенно-личным местоимением не содержится указания на «отчуждение» субъекта речи от субъекта ситуации. В большинстве случаев, напротив, предполагается реальная или потенциальная возможность включения субъекта речи в то неопределенное множество референтов, которое передается местоимением *man*. Думается, что именно поэтому в нашем материале не встретилось ни одного случая, когда в качестве переводного эквивалента использовалось бы бессубъектное неопределенно-личное предложение с предикатом в 3 лице множественного числа, значение которого всегда связано с «отчуждением» говорящего от субъекта предложения.

Напротив, такие неопределенно-личные предложения очень часто выступают в качестве эквивалентов шведских предложений с формами пассивного залога на *-s* или аналитической конструкцией с глаголом становления *bli* и причастием 2. Многочисленные примеры соответствий такого рода встречаются, например, в тексте мемуаров шведского кинорежиссера Ингмара Бергмана и его переводе на русский язык:

Han fördes till sjukhus efter föreställningen.

«После представления его *увезли* в больницу».

Carl flyttades till Stockholm.

«Карла *перевезли* в Стокгольм».

Dag efter dag släpades eller bars jag vrålande av ångest in i klassrummet.

«День за днем меня, орущего от страха, *втаскивали* или *вносили* в класс».

Sedermera tystades saken ner.

«Дело потом *замяли*».

Min penna hittades i andra ändan av salen.

«Мою ручку *нашли* в другом конце зала».

Barn talar inte vid bordet. De svarar om de blir tilltalade.

«Дети за столом не разговаривают и отвечают лишь в том случае, если к ним *обращаются*».

Efter två år av vilt fläktande blev jag kallad till Göteborg.

«Через два года неистовой борьбы меня *пригласили* в Гетеборг».

Необходимым условием употребления формы 3 лица множественного числа в русском переводе является лексическое значение глагола, предполагающее контролируемое целенаправленное действие одушевленного агенса, поскольку в русских бессубъектных предложениях с этой формой содержится идея «несущественной субъектности» [Булыгина, Шмелев, 1991: 70].

В связи с особенностями выражения залоговых значений в шведском и русском языках необходимо отметить два момента. Шведский пассив на *-s* имеет типологическое сходство с русскими возвратными глаголами и залоговыми формами с возвратным показателем *-ся* по крайней мере в плане выражения. Как и частица *-ся*, показатель *-s* может иметь статус словообразовательной морфемы как в глаголах, не имеющих переходного аналога (*andas* «дышать», *minnas* «помнить»), так и при наличии соответствующей переходной лексемы (*bitas* «кусаться», *rivas* «царапаться», *kyssas* «целоваться»). В содержательном плане, однако, между ними наблюдаются существенные различия, поскольку целый ряд значений, свойственных русским возвратным глаголам, в шведском языке передается возвратными конструкциями с отделяемым изменяемым по лицам местоимением (*tvätta sig* «умываться», *oroa sig* «беспокоиться»). Вместе с тем образованные от переходных глаголов формы на *-s* могут выступать с пассивным или более широким инактивным значением. Однако залоговые формы на *-ся* (как и причастные конструкции с пассивным значением) употребляются в русском языке в целом значительно реже, чем в шведском и других германских языках, на что обращали внимание авторы сопоставительных исследований [Зеленецкий, 2004: 161–163]. Особенно существенные ограничения имеет употребление форм на *-ся* с пассивным значением, которые никогда не используются в конструкциях с трехчленным пассивом; в русском переводе им всегда соответствует активный залог:

Min syster älskades häftigt och possessivt av båda föräldrarna.
 «Сестру родители любили бурно и властно».

Hon granskades med håfullt ironiska blickar av min bror.
 «Брат бросал на нее презрительно-иронические взгляды».

Kolet kördes på trallor och vräktes in i eldarna av svarta gestalter.
 «Уголь подвозили на вагонетках, и черные фигуры бросали его в огонь».

Jag vaknar som vanligt klockan fem, det vill säga jag väcks, dras av någon ondsint ande ur min djupaste sömn.
 «Я просыпаюсь, как обычно, в пять утра или, вернее, какой-то зло-вредный дух будит меня, выталкивает из глубокого сна».

Трансформация в активную конструкцию с одушевленным производителем действия при переводе встречается и в таких случаях, когда агенс не выражен эксплицитно, но ясен из контекста. Необходимым условием этого является прежде всего лексическая семантика предиката, которая «усиливается» семантикой грамматического субъекта не только в случае его очевидной одушевленности (как в первом примере ниже), но и в случае косвенного указания на одушевленный агенс, которое содержится в лексическом значении существительного (как во втором и третьем примерах):

Hon presenterades i prästgården.
«Я представил её в пасторском доме».

Måltiderna äts i en liten matsal.
«Едим мы в маленькой столовой».

Simuleringar genomskådades däremot snabbt och bestraffades exemplariskt.
«Симуляцию же мать распознавала сразу и наказывала за нее строго».

Выбор активной конструкции при переводе на русский язык предложений с пассивом на *-s* при одушевленном подлежащем может вызывать лексические трансформации. Это особенно заметно, когда словосочетание с предлогом *av* при неодушевленном существительном содержит указание не на источник, а на причину процесса, которым охвачен инактивный субъект:

Dessutom drabbades jag av en rad odefinierbara sjukdomar.
«Меня то и дело настигали какие-то непостижимые болезни».

Jag har alltid plågats av så kallad nervös mage.
«Всю жизнь я страдал так называемым желудочным неврозом».

Jag drabbades av en feber som aldrig gick över.
«Меня одолела лихорадка, которая так никогда и не прошла».

В некоторых случаях при переводе шведского пассива на *-s* на русский язык используются безличные предложения:

Rummet fylldes plötsligt av ett starkt vårvinterljus.
«Внезапно комнату залило ярким светом приближающейся весны».

Jag drogs allt djupare in i stadens tunga rörelse.
«Все глубже затягивало меня в перегруженное городское движение».

В обоих случаях формы на *-s* явно выступают не в страдательном, а в более широком и расплывчатом пассивно-медиальном значении процесса, охватывающего инактивный субъект, которое не предполагает целенаправленного воздействия на него со стороны агенса. Именные словосочетания с предлогом *av* обозначают в таких случаях обстоятельства, в которых осуществляется процесс, а не его источник. При анализе русских безличных предложений, которые выступают в качестве эквивалентов пассива, например, в английском языке, отмечалось, что действие представлено в них «как нечто произвольное, нецеленаправленное» [Гуревич, 2003: 30].

Тем не менее, шведские формы на *-s* и русские формы с частицей *-ся* имеют некоторые точки пересечения. Попробуем объяснить причины схождения и расхождения между ними в приводимом ниже отрывке из мемуаров И. Бергмана:

Större brott *bestraffades* exemplariskt: det började med att brottet *uppdagades*. Förbrytaren *erkände*... Efter middagen och kaffet *kallades* parterna till fars rum Där *vidtog* nya förhör och nya erkännanden. Därefter *hämtades* mattpiskaren och man fick själv ange, hur många rapp man ansågs förtjäna. Då straffkvoten *fastställts*, *hämtades* en grön, hårt stoppad kudde, byxorna *knäpptes ner*, man *lades* framstupa över kudden, någon höll ett stadigt tag om flrbrytarens hals och slagen *utdelades*.

«Прегрешения посерьезнее *наказывались* по всей строгости. Сперва *выяснялось*, в чем преступление. Потом преступник *признавался* в содеянном... После обеда и кофе стороны *вызывались* в кабинет к отцу. Там *возобновлялись* допросы и признания. После чего *приносили* прут для выбивания ковров, и преступник сам решал, сколько ударов он, по его мнению, заслужил. Определив ему меру наказания, *доставали* зеленую, туго набитую подушку, с виновного *стягивали* штаны, *клали* его животом вниз на подушку, кто-нибудь крепко держал его за шею, и приговор *приводился* в исполнение».

Сопоставление шведского и русского текстов показывает, что при переводе в ряде случаев использованы синтаксические и лексические трансформации; так, в двух случаях контекстуальными эквивалентами шведских непереходных глаголов *erkänna* и *vidta* выступают русские возвратные формы «признаваться» и «возобновляться». Однако главным остается все же вопрос о том, почему в одних случаях при переводе пассива на *-s* выбирается форма на *-ся* (они подчеркнуты в оригинале и переводе), а в других — форма 3 лица множественного числа в бессубъектной конструкции.

Можно предположить, что в первом случае описываются многокомпонентные ситуации, предполагающие ряд различных действий, участниками которых являются различные лица; здесь дается ответ на вопрос, что происходило. Показательно, что выбор русской формы на *-ся* наблюдается чаще там, где инактивный грамматический субъект выражен неодушевленными существительными во множественном числе, в лексическом значении может содержаться косвенное указание на лица, при участии которых происходило событие (*parterna* «стороны», *slagen* «удары»).

Во втором случае, когда предпочтение отдается бессубъектной конструкции, напротив, речь идет о единичных, конкретных, целенаправленных, контролируемых действиях, следующих одно за другим и производимых конкретными, по той или иной причине не называемыми говорящим «анонимными лицами» [Храковский, 1991: 169]; в таких контекстах содержится ответ на вопрос, что делали. Таким образом, сопоставление текстов оригинала и перевода позволяет более ярко и выпукло увидеть специфику каждого языка сквозь призму другого и заме-

тить в них некоторые семантические тонкости и нюансы, остающиеся в тени при системно-типологическом подходе.

Источники примеров

- Bergman I.* Латерна магика // Бергман И. Исповедальные беседы / Перевод А.А. Афиногеновой. М., 2000.
- Askestad E.* Ett två tre. Раз, два, три / Пер. Ю. Григорьевой // Вдоль и поперек. Шведская проза. Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2011.
- Bergman I.* Laterna magica. Stockholm, 1987.
- Danielsson T.* Sagan om den rättvisa Gudrun. Справедливая Гудрун / Перевод П. Смирновой // Вдоль и поперек. Шведская проза. Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2011.
- Lindström F.* Ny stil till hösten. Новый стиль к осени / Перевод А. Шаболтас // Вдоль и поперек. Шведская проза. Материалы семинара переводчиков шведской литературы. Санкт-Петербург, 2011.

Библиография

Литература на русском языке

1. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
3. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
4. *Бенвенист Э.* О субъективности в языке // *Общая лингвистика*. М., 1974.
5. *Бенвенист Э.* Отношения времени во французском глаголе // *Бенвенист Э. Общая лингвистика*. М., 1974. С. 270–284.
6. *Бенвенист Э.* Природа местоимений // *Общая лингвистика*. М., 1974. С. 285–291.
7. *Берков В.П.* Залоговое значение возвратных форм в древнеисландском и современном норвежском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1955.
8. *Берков В.П.* Современные германские языки. СПб, 1996.
9. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* О связи грамматического рода с мирозерцанием и настроением людей, говорящих языками, различающимися род. [Лингвистические заметки]. Конспект рефератов, прочитанных в заседании лингвистической секции Неофилологического общества при Санкт-Петербургском университете 15-го марта 1900 г. Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 331. 1900. Октябрь. С. 367–374 // *Бодуэн де Куртенэ. Теоретическое наследие и современность. Тезисы докладов международной научной конференции*. Казань, Казанский государственный университет, 1995. С. 10.
10. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
11. *Бондарко А.В.* Семантика предела. Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 14–25.
12. *Бондарко А.В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. Санкт-Петербург, 1996.
13. *Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. М., 1967.
14. *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов*. М., 1982. С. 7–85.
15. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенноличности и обобщенноличности // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург, 1991. С. 41–71.
16. *Виноградов В.В.* Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Выпуск 2. М., 1938.

17. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романский языков). М., 1974.
18. *Герман Э.* Вид объективный и вид субъективный // Вопросы глагольного вида / Под ред. Ю.С. Маслова. М., 1962. С. 44–58.
19. *Гловинская М.Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
20. *Гуревич В.В.* Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 2003.
21. *Гухман М.М.* Причастие II германских языков. Ученые записки I-го Московского государственного педагогического института иностранных языков. Т. XI. М., 1957. С. 65–148.
22. *Гухман М.М.* Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964.
23. *Дурст-Андерсен П.* Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 30–42.
24. *Ельмслев Л.* О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 114–152.
25. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
26. *Жильцова Е.Л.* Сложноподчиненное предложение в современном шведском языке. М., 2006.
27. Залоговые конструкции в разноструктурных языках / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1981.
28. *Зеленецкий А.Л.* Сравнительная типология основных европейских языков. М., 2004.
29. *Иваницкий В.В.* Синтетические и аналитические средства выражения аспектуальности (на материале современного шведского языка). Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1982.
30. *Иваницкий В.В.* Основы общей и контрастивной аспектологии. Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. СПб., 1993.
31. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. 2. Братислава, 1960.
32. *Исаченко А.В.* О синтаксической природе местоимений // Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В. В. Виноградова. М., 1965. С. 159–166.
33. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. М., 2002.
34. *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
35. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 143–343.
36. *Креквич Й.* Прагматика и семантика отрицательных форм императива // Русский язык за рубежом. 1988. № 6. С. 60–66.
37. *Кузьменко Ю.К.* Языковые контакты и морфологические изменения. Судьба категории рода в скандинавских языках и диалектах //

- Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. РАН. ИЛИ. Санкт-Петербург, 1998. С. 5–44.
38. *Леч Р.* Языковые контакты и залог // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978. С. 93–98.
 39. *Локитанова Л.М.* О категориальных значениях форм индикатива в датском языке // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 111–121.
 40. *Майтинская К.Е.* Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
 41. *Маслов Ю.С.* Рецензия на книгу: S.-G. Andersson. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. I. Die Kategorien Aspekt und Aktionsart im Russischen und im Deutschen. Uppsala, 1972 // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 126–128.
 42. *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984.
 43. *Маслов Ю.С.* Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
 44. *Маслова-Лашанская С.С.* Шведский язык. Часть I. Л., 1953.
 45. *Мелиг Х.* Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 15. М., 1985. С. 227–249.
 46. *Мецанинов И.И.* Члены предложения и части речи. Л., 1978.
 47. *Милославский И.Г.* Какому залогу принадлежит глагол «нравиться»? // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981. С. 208–213.
 48. *Мокин И.В.* Суффиксальное словопроизводство как продуктивный способ пополнения лексического состава современного шведского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
 49. *Мэрченд Х.* Об одном вопросе из области вида. (Сравнение английской прогрессивной формы с итальянской и испанской) // Вопросы глагольного вида / Под ред. Ю.С. Маслова. М., 1962. С. 355–364.
 50. *Николаева Т.М.* «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 25–41.
 51. *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании. На материале славянских языков. 2-е изд. М., 1985; 2004.
 52. *Нурен А.* Вид // Вопросы глагольного вида / Под ред. Ю.С. Маслова. М., 1962. С. 335–344.
 53. *Павлов В.М.* Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 42–70.
 54. *Петрухина Е.В.* Видовая семантика и понятие предела действия // Актуальные проблемы русской морфологии / Под ред. К.В. Горшковой и Е.В. Петрухиной. М., 1988. С. 88–98.
 55. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8-е. М., 2001.

56. *Плоткин В.Я.* Строй английского языка. М., 1989.
57. *Плунгян В.А.* К определению результата // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 55–63.
58. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
59. *Пупынин Ю.А.* Взаимосвязи категорий вида и залога в русском языке при функционировании форм несовершенного вида в пассивных конструкциях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 175–188.
60. *Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
61. *Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.
62. *Реферовская Е.А.* Аспектуальные значения французского глагола // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. С. 91–109.
63. *Селиверстова О.Н.* Семантический анализ слов типа «все», «all» и типа «кто-нибудь», «some» в русском и английском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1965.
64. *Селиверстова О.Н.* Местоимения в языке и речи. М., 1988.
65. *Смирницкая О.А.* Морфологизация глагольных аналитических конструкций в германских языках // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. М., 1970. С. 70–90.
66. *Смирницкая О.А.* Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977. С. 5–127.
67. *Смирницкая О.А.* Парадигматика рода и семантика родовых групп в древнеисландском существительном (к постановке проблемы) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2004. № 6. С. 79–92.
68. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М., 1959.
69. *Стеблин-Каменский М.И.* История скандинавских языков. М., 1953.
70. *Стеблин-Каменский М.И.* Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957.
71. *Томмола Х.* Аспектуальность в финском и русском языках. Хельсинки, 1986.
72. *Урысон Е.В.* Русский союз и частица *и*: структура значения // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 97–121.
73. *Холодович А.А.* О предельных и неопредельных глаголах (по данным корейского и японского языков) // Филология стран Востока / Ред. Е.М. Пинус, С.Н. Иванов. Ленинград, 1963. С. 3–11.
74. *Храковский В.С.* Залог и рефлексив // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978. С. 50–61.

75. Храковский В.С. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // *Russian Linguistics*. 1988. V. 12. № 3. С. 269–272.
76. Храковский В.С. Пассивные конструкции // *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. СПб., 1991. С. 141–180.
77. Чекалина Е.М. Форма и функция залоговых конструкций в современном шведском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972.
78. Чекалина Е.М. Грамматические дублиеты или грамматические синонимы? (о синтетическом и аналитическом пассиве в современном шведском языке) // *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. 1975. № 3. С. 41–50.
79. Чекалина Е.М. О некоторых глагольных единицах с возвратным показателем -s в современном шведском языке. // *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. 1978. № 1. С. 41–50.
80. Чекалина Е.М. Грамматика шведского языка. М., 1984.
81. Чекалина Е.М. О значении сочетания få с инфинитивом в современном шведском языке // *Вопросы германского языкознания*. М., 1984. С. 122–126.
82. Чекалина Е.М. Система форм и грамматические категории шведского глагола. Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1993.
83. Чекалина Е.М. Функционально-смысловая интерпретация прошлого и будущего в современном шведском языке // *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. 1996. № 5. С. 28–41.
84. Чекалина Е.М. Частеречный статус полифункциональных слов в современном шведском языке // *Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения*. Вып IV. Великий Новгород, 2002. С. 143–151.
85. Чекалина Е.М. Местоимения в шведском языке // *Скандинавская филология. Сборник статей к 100-летию со дня рождения М.И. Стеблин-Каменского*. Санкт-Петербург, 2003. С. 243–255.
86. Чекалина Е.М. Смысловая корреляция субъективного и объективного в шведском языке // *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология. 2003. № 6. С. 77–92.
87. Чекалина Е.М. О смысловой корреляции субъективного и объективного в скандинавских языках // *Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения*. Первые чтения памяти Ольги Николаевны Селиверстовой. М., 2004. С. 222–231.
88. Чекалина Е.М. Прагматические аспекты функционирования близких по значению аналитических и синтетических глагольных единиц в современных скандинавских языках // *Аналитизм в языках различных типов сорок лет спустя. К 100-летию со дня рождения В.Н. Ярцевой*. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Выпуск 2. Институт языкознания РАН. М.; Калуга, 2006. С. 56–67.

89. Чекалина Е.М. Семантические аспекты родовой дифференциации в современном шведском языке // *Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика*. (К дню рождения О.А. Смирницкой). Сборник научных статей. М., 2008. С. 124–141.
90. Чекалина Е.М. Предельность / неопределенность и грамматические средства выражения аспектуальности в языке с категорией вида и без неё (на материале русского и шведского языков) // *Глагольный вид: грамматическое значение и контекст*. III конференция Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Падуя, 2011. С. 23–25.
91. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.
92. Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
93. Шубик С.А. Аспектуальность и залоговость в немецком языке // *Теория грамматического значения и аспектологические исследования*. Л., 1984. С. 166–174.

Литература на иностранных языках

1. Andersson E. Verbfrasens struktur i svenskan. En studie i aspekt, tempus, tidsadverbial och semantisk räckvidd. Åbo, 1977.
2. Andersson E. Balansen mellan grammatiskt och semantiskt genus i svenskan // *Folkmålsstudier* 26. Åbo, 1979. S. 27–48.
3. Andersson L.-G. Vi säger så. Falun, 2000.
4. Andersson S.-G. Aktionsart im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. I. Die Kategorien Aspekt und Aktionsart im Russischen und im Deutschen. Uppsala, 1972.
5. Andersson S.-G. Aktionsart im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. II. Korpusanalyse. Mit einem Exkurs über Aktionsart im deutschen Verbalformsystem. Uppsala, 1978.
6. Andersson S.-G. What is aspectual about the perfect and the pluperfect in Swedish? // de Groot C., Tommola H. (Hrsg.). *Aspect Bound. A voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology*. Dordrecht, 1984. S. 199–207.
7. Andersson S.-G. Zur Interaktion von Temporalität, Modalität, Aspektualität und Aktionsart bei den nichtfuturischen Tempora im Deutschen, Englischen und Schwedischen // Abraham W., Janssen T. (Hrsg.). *Tempus — Aspekt — Modus. Die lexikalischen und grammatischen Formen in den germanischen Sprachen*. Tübingen, 1989. S. 27–49.
8. Anward J. *Functions of Passive and Impersonal Constructions*. Uppsala, 1981.
9. Beckman N. *Svensk språklära för den högre elementarundervisningen*. Nionde, nästan oförändrade upplagan. Stockholm, 1964.

10. *Bergner E., Nylund E.* Något om valet mellan s-passiv och kopulapassiv // *Svenskans beskrivning* 17. Åbo, 1990. S. 67–72.
11. *Björnström E.* Om några olika sätt att uttrycka passivbetydelse i nusvenskan // *Språk och stil*. Årg. 4. 1904. S. 198–237.
12. *Bolander M.* Funktionell svensk grammatik. Stockholm, 2004.
13. *Čekalina E.* Olika sätt i svenskan att uttrycka den talandes subjektiva och objektiva attityd till den aktuella situationen // *Grenzgänger. Festschrift zum 65. Geburtstag von Jurij Kusmenko*. Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität. Berlin, 2006. S. 60–72.
14. *Christensen L.* Framtidsuttrycken i svenskans temporala system. *Lundastudier i nordisk språkvetenskap* A 52. Lund, 1997.
15. *Collinder B.* Svensk språklära. Lund, 1974.
16. *Dahl Ö.* Grammatik. Lund, 1982.
17. *Diderichsen P.* Elementær dansk grammatik. København, 1957.
18. *Ekerot L.-J.* Ordföljd. Tempus. Bestämmdhet. Föreläsningar om svenska som andra språk. Malmö, 1995.
19. *Engdahl E.* Valet av passivform i modern svenska // *Svenskans beskrivning*. Linköping, 2000. S. 81–90.
20. *Faarlund Jan Terje, Lie Svein, Vannebo Kjell Ivar.* Norsk referanse grammatikk. Oslo, 1997. (NRG)
21. *Galberg Jakobsen H., Stray Jørgensen P.* Håndbog i nudansk. 2 udg. København, 1991.
22. *Garlén C., Sundberg G.* Handbok i svenska som andraspråk. Stockhom, 2008.
23. *Glismann O.* Om tid og tempus: Et forsøg på en fænomenologisk forståelse af de verbale tempusformers betydning // *Nydanske studier og almen kommunikationsteori*. Årg. 16–17. København, 1986. S. 237–257.
24. *Grünbaum C.* Strövtåg i språket. Stockholm, 1996.
25. *Grünbaum C.* Språkbladet. Bokförlaget DN. Stockholm, 2001.
26. *Haugen E.* The inferential perfect in Scandinavian: a problem of contrastive linguistics // *The Canadian Journal of Linguistics*. 1972. 17: 2. P. 132–139.
27. *Hansen E.* Rigtigt dansk. 2 udg. København, 1993.
28. *Hansen E., Heltoft L.* Grammatik over det danske sprog. København, 1999.
29. *Hellberg S.* Sanningen om svenskan. 75 artiklar om vårt språk. Göteborg, 1984.
30. *Hellberg S.* Uppmaningarnas syntax och direktiva satsens betydelse // *Svenskans beskrivning* 17. Åbo, 1990. S. 21–38.
31. *Heltoft L., Falster Jakobsen L.* Danish Passives and Subject Positions as a Mood System — a Content Analysis // *Rolig-papir* 54. Roskilde Universitetscenter. Lingvistgruppen. Roskilde, 1995.
32. *Holm G.* Om s-passivum i svenskt talspråk // *Svenskt talspråk / Under redaktion av G. Holm*. Stockholm, 1967. S. 204–225.

33. *Hulthén L.* Studier i jämförande nordisk syntax. Göteborg, 1944.
34. *Hultman T.G.* Svenska Akademiens språklära. Stockholm, 2003.
35. *Jensen L.O.* Norsk språglære. Bergen, 1930.
36. *Jobin B.* Genus im Wandel. Studien zu Genus und Animitizität anhand von Personenbezeichnungen im heutigen Deutsch mit Kontrastierungen zum Schwedischen. Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholmer Germanistische Forschungen 64. Stockholm, 2004.
37. *Josephson O.* Dessas // Språkvård. 2001. № 4. S. 18–19.
38. *Karcevski S.* Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.
39. *Karker A.* Sprogbrug og sprognormering: Tilfældet *hver sin* i dansk // Språket lever! Festskrift till Margareta Westman. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 80. Falun, 1997. S. 137–144.
40. *Kinnander B.* Perfektum i «sekundär» användning // Nysvenska studier. Årg. 53. 1973. S. 127–172.
41. *Kjederquist J.* Ett fall af preteritum i stället för presens i svenskan: Syntaktisk studie. Lund, 1898.
42. *Källström R.* Kongruens i svenskan. Göteborgs universitet. Institutionen för nordiska språk. Göteborg, 1990.
43. *Lakoff R.* Tense and its Relation to Participants // Language. 1970. Vol. 46. № 4. P. 838–849.
44. *Lindberg E.* Beskrivande svensk grammatik. Stockholm, 1980.
45. *Lindgren B.* Förtjuserska men språkvårdare // Språkets vård och värden. En festskrift till Catharina Grünbaum. Norstedts Ordbok, 2004. S. 54–63.
46. *Lyons J.* Deixis and Subjectivity: *Loquor, ergo sum* // Speech, Place and Action. Studies in Deixis and Related Topics / Edited by Robert J. Jarvella and Wolfgang Klein. Chichester; New York; Brisbane; Toronto; Singapore. 1982. P. 101–124.
47. *Molde B.* Svenska idag. Stockholm, 1992.
48. *Neuvonen T.* Informationsstrukturella faktorer bakom bruket av passiva konstruktioner // Svenskans beskrivning 23. Stockholm, 1998. S. 274–282.
49. *Noreen A.* Vårt språk. Band 5. Lund, 1904.
50. *Palmer F.R.* A linguistic study of the English verb. London, 1965.
51. *Pettersson G.* Svenska språket under sjuhundra år. En historia om svenskan och dess utforskande. Lund, 1996.
52. *Pettersson T.* Bestämda och obestämda former // Kontrastiv fonetik och syntax med svenska i centrum / Utg. E. Gårding. Lund, 1976. S. 119–142.
53. *Pettersson T.* Tempus // Kontrastiv fonetik och syntax med svenska i centrum / Utg. E. Gårding. Lund, 1976. S. 143–160.
54. *Pipping R.* Om innebörden av perfektum i nysvenskan // Uppsatser i grammatik. Stockholm, 1964. S. 203–214.
55. *Platzack Chr.* The semantic interpretation of aspect and aktionsarten: A study of internal time reference in Swedish. Dordrecht, 1979.

56. *Riserus H., Serin G., Vedin E.* Kom i mål. Stockholm, 1992.
57. *Saari M., Nystrom J.* Kurs i svensk grammatik 2. Åbo, 1979.
58. Sprog og sprogbeskrivelse / Herslund M., Jensen B. (red.). København, 2003.
59. Språkriktighetsboken. Utarbetad av Svenska språknämnden. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 93. Stockholm, 2005.
60. *Svanlund J.* Uppenbart och uppenbarligen // Språkvård. 2001. N 3. S. 20.
61. *Svartholm K.* Svenskans artikelsystem. Meddelanden från Institutionen för nordiska språk vid Stockholms universitet 3. Stockholm, 1978.
62. *Tegnér E.* Om genus i svenskan. 3:e upplagan utgiven med understöd av Svenska Akademien. Stockholm, 1962.
63. *Teleman U.* Svenskans genusmorfem // Arkiv för nordisk filologi. Bd. 80. Uppsala, 1965. S. 217–230.
64. *Teleman U.* Hur många genus finns det i svenskan? // Grammatik på villovägar. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 73. Arlöv, 1995. S. 106–114.
65. *Teleman U.* Den lätta tumregeln och den svåra verkligheten // Språket lever! Festskrift till Margareta Westinan. Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 80. Falun, 1997. S. 271–280.
66. *Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik. Band 2. Ord. Band 3. Fraser. Band 4. Syntax. Stockholm, 1999. (SAG)
67. *Tchekalina E.* Temporalt och modalt perspektiv i svenskan // RASK. Internationalt tidsskrift för sprog og kommunikation. 5/6. Odense, 1997. S. 21–40.
68. *Thorell O.* Svensk grammatik. Stockholm, 1973.
69. *Thulstrup Å.* Preteritalt perfekt. Till belysning av gränsområdet mellan perfekt och imperfekt i svenskan // Nysvenska studier. Årg. 28. 1948. S. 70–101.
70. *Tjekalina E.* Om kategorierna modus och tempus i nutida svenska // Språk och stil. Tidskrift för svensk språkforskning. 1. Uppsala, 1991. S. 139–156.
71. *Viberg Å., Ballardini A.K., Stjärnlöf S.* Svensk grammatik på svenska. Arlöv, 1986.
72. *Weinreich H.* Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.
73. *Wellander E.* Riktig svenska. En handledning i svenska språkets vård. Stockholm, 1948.
74. *Wellander E.* Aktionsart och aspekt // Nysvenska studier. 44. Uppsala, 1964. S. 184–252.
75. *Wessén E.* Svensk språkhistoria. I. Ljudlära och formlära. Stockholm, 1951.
76. *Wessén E.* Svensk språkhistoria. III. Grundlinjer till en historisk syntax. Lund, 1965.
77. *Wessén E.* Vårt svenska språk. Stockholm, 1968.

78. *Western A.* Norsk riksmålsgrammatikk for studerande og lærare. Kristiania, 1921.
79. *Westman M.* Språkets myller. Falun, 2001.
80. *Widmark G.* Kongruensförändring i språkvärderingsperspektiv // Svenska i harmoni. Fyra uppsatser om kongruens. Ord och stil, 23. Uppsala, 1992. S. 7–30.

Словари

1. Nationalencyklopedins Ordbok (NO). Band 1–3. Göteborg, 1995–1996.
2. Stor norsk-russisk ordbok (SNRO). Kunnskapsforlaget. Oslo, 2003.
3. Svensk ordbok (SO). Utarbetad vid Språkdata. Göteborgs universitet. Tredje reviderade upplagan. Stockholm, 1999.
4. Svensk ordbok utgiven av Svenska Akademien (SOSA). Band 1–2. Utarbetad vid Redaktionen för Svenska Akademiens samtidsordböcker. Lexikaliska institutet. Institutionen för svenska språket. Göteborgs universitet. Stockholm, 2009.
5. Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser. Utarbetad av Svenska språknämnden. Stockholm, 2003.